

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Судебная доктрина в российском правовом порядке
- Трудовой договор и трудовые отношения: особенности правового закрепления и проблемы правоприменения
- Правовой статус сямских близнецов
- Развитие права *extra legem* и *contra legem* в случае закрытых законодательных перечней

Том 79

ЯНВАРЬ

2026

№1 (230)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 1 (230)
январь 2026

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 29.01.2026
Объем 17,55 усл. печ. л. (14,25 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 1 (230)
January 2026

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

29.01.2026
Volume: 17,55 conventional printer's sheets (14,25 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ / PROBLEMA PRINCIPALE

- Синюков В. Н.** Судебная доктрина в российском правовом порядке 9
- Гамбарян А. С.** Развитие права extra legem и contra legem
в случае закрытых законодательных перечней 19

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В.** Трудовой договор и трудовые отношения:
особенности правового закрепления и проблемы правоприменения 37
- Малеина М. Н.** Правовой статус сиамских близнецов 53
- Суворов Е. Д.** Судьба требований кредиторов к несостоятельному должнику
и лицам, предоставившим обеспечение, при продаже требования
о привлечении к субсидиарной ответственности 65
- Стрельцова Е. Г.** Досудебное урегулирование споров,
возникающих в связи с оказанием медицинской помощи 81
- Фокин Е. А.** Конституционализация процессуальной
формы рассмотрения дела о банкротстве 94
- Зарубин Д. В.** Отпуск по беременности и родам (материнский отпуск):
международные трудовые стандарты и российское законодательство 109

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Куфлева В. Н.** Опасное состояние личности и основание
уголовной ответственности: доктринально-нормативный опыт 121
- Андрианов В. К.** Триединый законосообразный подход
как основа уголовно-правового воздействия 134

CONTENTS

FUNDAMENTAL PROBLEMS IN JURISPRUDENCE / PROBLEMA PRINCIPALE

Sinyukov V. N. Judicial Doctrine in the Russian Legal Order	9
Gambaryan A. S. Development of Law Extra Legem and Contra Legem in Cases of Closed Legislative Lists	19

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Lyubchik A. A., Minkova O. G., Shcherbakova N. V. Employment Contract and Labor Relations: Specific Features of Legal Regulation and Issues of Law Enforcement	37
Maleina M. N. The Legal Status of Conjoined Twins	53
Suvorov E. D. The Fate of Creditors' Claims Against an Insolvent Debtor and Persons Providing Security in the Sale of a Claim for Imposition of Subsidiary (Vicarious) Liability	65
Streltsova E. G. Pre-Litigation Resolution of Medical Disputes	81
Fokin E. A. Constitutionalization of the Procedural Form for Adjudicating Bankruptcy Cases	94
Zarubin D. V. Maternity Leave: International Labor Standards and Russian Legislation	109

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

Kufleva V. N. Dangerous State of the Individual and the Grounds for Criminal Liability: Doctrinal and Normative Experience	121
Andrianov V. K. The Three-Pronged Law-Conforming Approach as the Basis of Criminal Law Enforcement	134

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.009-018

В. Н. Синюков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Судебная доктрина в российском правопорядке

Резюме. В статье рассмотрены вопросы места и роли судебной доктрины в российском правопорядке, который идет к новому типу правовой коммуникации и нормативности. Предметом исследования являются догматические, системные, процессуальные, культурно-исторические, правоидеологические аспекты судебной доктрины как элемента российского правопорядка. Представлены исторические основания судебной мысли в России, корни дихотомии судебного и законодательного порядка социального регулирования. Делается вывод о ключевой роли суда в развитии отечественных государственности и правосознания, раскрываются черты судебной доктрины как важнейшего источника российской правовой идентичности. Характеризуется динамика российской судебной доктрины в XX в. и ее специфические черты в XXI в. Раскрыты признаки современной процессуальной эпохи в виде нового соотношения судебных и несудебных порядков защиты права; перехода от разрозненных процессуальных инструментов к единому комплексу социального действия права, гибридным моделям активности суда. Обосновывается тезис, что судебная доктрина — центральная часть российской судебной практики; аргументируется вывод об утрате актуальности споров о прямой правотворческой функции суда. Делается предположение об изменении подходов к понятию формы права, которая в настоящее время включает множество регуляторов технической и комплексной политико-правовой природы. Раскрыты роль судебной доктрины как инновационного элемента правопорядка; ее правоидеологические аспекты, включая соотношение с наднациональными юрисдикционными концепциями. Выявлены тенденции развития судебной доктрины в России.

Ключевые слова: суд; судебная практика; судебная доктрина; правовая идеология; юридический процесс; Конституционный Суд России; Верховный Суд России; ЕСПЧ; источник; право

Для цитирования: Синюков В. Н. Судебная доктрина в российском правопорядке. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.009-018

Judicial Doctrine in the Russian Legal Order

Vladimir N. Sinyukov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the place and role of judicial doctrine in the Russian legal order that is evolving toward a new type of legal communication and normativity. The author addresses the dogmatic, systemic, procedural, cultural-historical, and legal-ideological dimensions of judicial doctrine as an element of the Russian legal order. The study presents the historical foundations of judicial thought in Russia and traces the roots of the dichotomy between judicial and legislative modes of social regulation. The paper concludes that the judiciary has played a key role in the development of Russian statehood and legal consciousness, and it identifies judicial doctrine as a crucial source of Russia's legal identity. The study characterizes the evolution of Russian judicial doctrine in the twentieth century and its specific features in the twenty-first century. It highlights the indicators of

© Синюков В. Н., 2026

the contemporary procedural era, including the new relationship between judicial and non-judicial mechanisms for the protection of rights; the shift from fragmented procedural tools to a unified complex of law's social action and the emergence of hybrid models of judicial activity. The author advanced the thesis that judicial doctrine constitutes the central component of Russian judicial practice, and the argument is made that debates over the court's direct lawmaking function have lost relevance. The paper suggests a change in approaches to the concept of the form of law, which now encompasses a variety of regulators of both technical and complex politico-legal nature. It elucidates the role of judicial doctrine as an innovative element of the legal order and examines its legal-ideological aspects, including its relationship to supranational jurisdictional concepts. Finally, it identifies current trends in the development of judicial doctrine in Russia.

Keywords: court; jurisprudence; judicial doctrine; legal ideology; judicial process; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation; European Court of Human Rights (ECHR); source of law; law

Cite as: Sinyukov VN. Judicial Doctrine in the Russian Legal Order. *Lex russica*. 2026;79(1):9-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.009-018

Тема судебной доктрины предполагает выход за пределы собственно судебных нормоположений в сферу судебной власти, судебной системы, судебной деятельности. Суд в любом обществе действует в рамках всех институтов правового порядка: права, законодательства, правореализации, органов управления, надзора и контроля¹.

В правоведении пока не выработано достаточно четкого представления о роли судебной доктрины в системе российского правообразования и правоприменения. Весьма часто судебная доктрина вообще отождествляется с правовой доктриной либо, наоборот, с юридической практикой и процессом, правоприменительной активностью, интерпретацией правовых отношений и другими самостоятельными и смежными правовыми явлениями. В настоящее время закономерно предположить, что судебные концепции выполняют интегративную функцию в правовом регулировании, опосредуя право в профессиональной юридической деятельности, связанной с вынесением юридических решений компетентными органами государства и иными субъектами права.

Исторические корни судебной доктрины в России. Российская судебная организация мощно заявляла о себе как о самостоятельном правокультурном явлении с древних времен. Суд оказывает фундаментальное влияние на функционирование государственной власти в России в течение всей истории российской государственности.

Длительная континентальная традиция мифологизации закона привела к утверждению двух постулатов: признанию российской пра-

вовой культуры наследницей византийской и европейской законодательных систем; противопоставлению российского правового порядка как законодательного правового порядка судебному. Между тем судебный характер русской правовой культуры существовал в России задолго до XVIII в., создав традицию, с которой империя долго не могла найти органического единства.

Времени возникновения континентальной правовой идентичности России предшествовал огромный исторический период судебного права Древней Руси, наследия Византии, Руси под ордынским игом, местного и великокняжеского судопроизводства.

Истоки российской судебной доктрины относятся к древним и средневековым актам русского права: Русской Правде, Псковской 1467 г. и Новгородской 1471 г. судным грамотам, судебникам 1497, 1550 и 1589 гг., Соборному уложению 1649 г.

Исторический ряд этих выдающихся актов свидетельствует о ключевой роли суда в развитии отечественной правовой государственности.

Реформы губернского и местного управления XVIII и первой трети XIX в., включавшего судебный компонент, сосуществовали с исконной отечественной традицией государственного правосудия, которое послужило высококультурной основой для дальнейшего развития судебной традиции. Так, средства доказывания «николаевского» уголовно-процессуального законодательства первой половины XIX в. при всех их архаизмах, эклектичности и дискретности «предопределили вектор последующей интенсификации национального доказатель-

¹ Синюков В. Н., Синюков С. В. Инновационный правовой порядок. Теория правового порядка В. В. Борисова в современном российском контексте. М., 2026.

ственного права на многие годы вперед. Именно на основе присущих “николаевскому” уголовному процессу инквизиционных подходов к средствам доказывания были сформированы “доказательственные” нормы Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., а затем — и соответствующие положения советского уголовно-процессуального законодательства. Более того, “следы” этих подходов можно обнаружить и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ².

Ближайшие по времени источники современной российской судебной доктрины — судебные преобразования конца XIX и начала XX в. в рамках имперской и советской судебных форм — заложили основы нынешней судебной власти, определившей строительство государственно-правовых институтов России в XXI в. Характерными чертами этой доктрины стали постепенная институционализация разделения и одновременно интеграции судебной власти с иными институтами правового порядка; развитие судебной аргументации в условиях крупномасштабных систематизаций отечественного права; разработка теории судебного толкования; формирование методологии судебного правотворчества; образование специфических форм судебного активизма, отдельных судопроизводственных форм и многие другие концептуальные вопросы.

Особо следует выделить судебную реформу 1864 г. Из всей череды реформ второй половины XIX в. (крестьянская, земская, городская, военная, финансовая) именно эта очень спорная правовая новация продолжает оказывать значительное влияние на доктрину и судебную организацию в России.

Яркими примерами этого влияния стали либеральная Концепция судебной реформы 1991 г., создание системы апелляционных судов общей юрисдикции в 2019 г. Историческая традиция советского суда также продолжает воздействовать на судебную систему России.

Поэтому в соборной природе русской государственности утверждение пары «законодательство — суд» как полярной и дихотомичной выглядит в настоящее время во многом излишне схематично и нуждается в более интегративных характеристиках.

Судебная доктрина как базовый институт российского правового порядка. Правовый порядок в России характеризуется сложным симбиозом

законодательных и судебных норм и принципов. Противопоставление закона и судебного акта — одна из наиболее неточных макроправовых характеристик отечественного правового мышления, которая не подтверждается конкретно-историческим анализом российского правового порядка, опирающегося на гораздо более вариативную систему управления правовыми отношениями.

Описывать современную российскую правовую цивилизацию как исключительно законодательную означает во многом воспроизводить прежнюю законоцентричную ориенталистскую правовую систему XX в.

Место и роль судебной практики в России есть показатель высокого уровня дифференциации и специализации источников российского права, что делает невозможной механическую идентификацию российской правовой цивилизации по исключительно законодательным критериям.

Один из источников народной правовой идентичности в России — ее суд. Судебный процесс позволяет выявить подлинные мотивы действий, насущные интересы и потребности людей, реальные конфигурации правоотношений. Поведение человека, его мотивы и цели, его культура раскрываются в конфликте, в судопроизводстве. Поэтому судебная практика дает важнейший опыт формирования отечественного правосознания, его соотношения с зарубежными культурами. Системно разработанная судебная доктрина — значимый вклад в развитие национальной традиции российского правового мышления.

Динамика российской правовой доктрины в XX в. В этот период был предвосхищен ряд системных явлений в развитии отечественной правовой традиции, таких как фактический приоритет актов Верховного Суда над иными правоприменительными актами; элиминация судебной доктрины текущих кодификаций отечественного права; возрастание роли судебной политики при реализации социально-экономических преобразований; развитие судебно-оценочной системы доказательств; рост многообразия форм активной роли суда в процессах различных видов; тенденция к упрощению судопроизводства с одновременным повышением юридической значимости его результатов; формирование гибридных квазиприватных

² См.: Россинский С. Б. Средства доказывания в «дореформенном» уголовном процессе Российской империи: уроки истории // Юридическое образование и наука. 2025. № 9. С. 27.

моделей судопроизводства, объединяющих юрисдикционные и исполнительные практики.

Развитие отечественной судебной доктрины в XXI в. В настоящее время правовая система России вошла в новую процессуальную эпоху, отражающую глобальные изменения в судебных производствах разрешения споров и в целом правозащиты. Суть этой трансформации состоит в новом соотношении судебных и несудебных порядков защиты права, баланс которых знаменует переход от разрозненных процессуальных, чисто судебных инструментов к единому комплексу социального действия права, в котором есть место новой типологии норм, правоотношений, гибридным моделям активности суда, эффективной координации правовых и социальных гарантий, судебных и внесудебных порядков защиты.

Всё это позволяет говорить о важной типологической эволюции отечественной судебной традиции в направлении беспрецедентного роста ее новой актуальности на основе синтеза национального и зарубежного опыта³.

Роль судебного правоприменения в системе источников права России культурно-исторически гораздо выше, чем в странах не только континентальной, но и англо-американской правовой традиции⁴, что не всегда учитывается отечественной теорией права. Эта роль, однако, не в формальных конституционных и квазиконституционных статусах, а в способности создавать и менять реальную картину правоприменения в сложной юридической гармонии с законодательным нормопорядком.

Несмотря на противоречивость нынешнего исторического этапа, социально-правовое регулирование стратегически становится гораздо более горизонтальным по сравнению с классическими административными регуляторами; судебная система в значительной мере адекватна этой тенденции.

В России в правопреемстве с имперским и советским периодами сформирована современная судебная организация, не повторяющая ушедший век и адекватная, с определенными оговорками, актуальным вызовам. Сегодня, с

учетом «доводки» функционала высших судебных инстанций, создается технически эффективный и одновременно социально гибкий суд, который способен соединить самые разные, до противоположностей, исторические источники судебной системы.

Место судебной доктрины в российской судебной практике. Отечественная судебная доктрина — центральная часть судебной юрисдикционной практики. Судебная практика — это основополагающий институт российского правопорядка, который находится в конституционном соотношении с институтами иных ветвей власти. Российская судебная доктрина складывается в результате деятельности высших судов Российской Федерации по формированию правоприменительных стандартов, которые оказывают разностороннее, в том числе в отдельных случаях определяющее, влияние на процессы создания, изменения или отмены как нормативных, так и индивидуальных юридических решений.

В юридической литературе высказаны различные суждения по вопросу прямой правотворческой функции суда, которые в их классических постановках о признании или непризнании результатов судебного нормотворчества источниками (формами) права во многом утратили в России и мире свою актуальность. По мнению исследователей, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, рассматривая по существу либо пересматривая принятые нижестоящими судами судебные акты и применяя действующее право, вносят изменения в объем субъективных прав и обязанностей субъектов права, что даже с позиций классической континентальной правовой традиции представляет собой явление правообразования в его широком смысле.

Само понятие формы (источника) права в современных юрисдикциях становится гораздо шире, сложнее, так как включает множество регуляторов мягкой и комплексной социально-технологической и политико-правовой природы. В существующих условиях изменяется характер нормативности, которая лишается резких и формальных границ юридической силы,

³ См.: *Шерстюк В. М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021 ; *Стрельцова Е. Г.* Приватизация правосудия : монография. М., 2021.

⁴ Русская художественная литература о суде, поисках правды и справедливости, преступлении и наказании носит экзистенциальный характер, чего не наблюдается ни в романском, ни англо-американском литературном каноне. Ср.: *Блум Г.* Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М., 2017.

жесткой дихотомии общего и индивидуального, частного и публичного, абстрактного и конкретного. В системе таких регуляторов судебные источники, включающие правоприменительные позиции судов, решения по конкретным делам, разъяснения судебной практики и другие результаты деятельности судебной власти, выступают важнейшими нормативными фактами и растущей неотъемлемой частью механизма правообразования в России⁵.

Законотворческая практика показывает, что законодательные инициативы судебных органов в порядке ст. 104 Конституции РФ не очень значительны; среди таких инициатив практически нет законопроектов, уточняющих материальное и процессуальное право. Большинство проектов, исходящих от Верховного Суда России, носит учредительный характер в области самой судебной системы. Это свидетельствует о том, что у судебной власти имеются гораздо более фундаментальные и эффективные возможности правообразования и правоприменения, которые определяются ее собственным функциональным статусом, нежели участие в формальном законотворчестве. Речь не идет о конкуренции между законодательной, исполнительной и судебной властью в сфере правообразования. Нормативные прерогативы ветвей власти — единый регулятивный комплекс, в системе которого формируется российское право в единстве и конкретности его общих и индивидуальных измерений.

Судебная доктрина как инновационный элемент правопорядка. Инновационный правопорядок не может не включать в себя несколько регулятивных систем, каждая из которых создает свои источники новизны в правовых

отношениях. В российском правопорядке к таким системам относятся судебные доктрины Конституционного и Верховного судов России.

Значительный научный интерес представляет судебная доктрина как ведущая право-идеологическая и инновационно-творческая часть правообразования и правоприменения. Несмотря на роль мирового драйвера развития правового мышления, в России судебная доктрина менее всего состоялась именно в сфере комплексной научной рефлексии и институционализации правовых инноваций. В литературе практически отсутствуют работы, которые бы представили российскую судебную доктрину как конкретно-институциональное, системное и комплексное явление в академической форме, удобной для практического восприятия и использования. Судебная доктрина как комплексный институт научного правосознания и правоприменительной практики, отделенный от собственно актов судебной юрисдикции, формируется в России в XXI в.

По этой тематике сейчас стали появляться замечательные работы⁶. Большой вклад в развитие указанной темы вносят ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Новый этап исследований был связан с вышедшей в 2021 г. книгой ученых Института, посвященной идейно-ценностным основаниям, методологическим и процессуальным факторам развития судебного аргументирования и усмотрения⁷. Эта работа — важный научный ориентир, создающий этапную преемственность и дискуссионно-методологическую основу для дальнейших постановок.

В отличие от упомянутых книг ученых ИЗиСП, посвященных главным образом важнейшим

⁵ См. об этом: *Бошно С. В.* Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4 ; *Васильев А. А.* Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории. М., 2009 ; *Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения.* Саратов : СГЮА, 2021 ; *Перевалов В. Д.* Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2022 ; *Марченко М. Н.* Судебное правотворчество и судебное право. М., 2017 ; *Синюков С. В.* Механизм правотворчества современного российского государства. М., 2025 ; *Межеккей А. В.* Правотворчество как единство его объективного и субъективного аспектов // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5. С. 168–170 ; *Лесив Б. В.* Основы правового реализма О. Холмса // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 188–192.

⁶ См., например: *Марченко М. Н.* Источники права. М., 2005 ; *Зорькин В. Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М., 2017 ; *Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А.* Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023 (2-е издание этой книги под редакцией Т. Я. Хабриевой с предисловием И. Л. Подносковой вышло в том же издательстве в 2025 г.).

⁷ См.: *Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев.* М. : ИЗиСП : Норма, Инфра-М, 2021.

методологическим вопросам и «концептуальному обоснованию идеи судебных доктрин в праве и рассмотрению этого явления с философско-гносеологических позиций, конституционно- и международно-правовых оснований оценки и общей характеристики применительно к отечественному правовому опыту»⁸, новый этап развития российского правового порядка требует более прикладного, а также системного анализа конкретных правовых доктрин высших судебных инстанций России по базовым отраслевым направлениям, что сделает возможным нахождение способов юридической инкорпорации норм судебного правового регулирования.

Правоидеологические аспекты судебной доктрины. На новом этапе нуждаются в переосмыслении и некоторые правоидеологические позиции по принципиальным вопросам формирования судебной доктрины и в целом механизм генезиса права и судебного нормотворчества. Прежде всего это позиция в отношении культурно-исторической природы судебной практики как составной части явления права. Право — сложный институт национальной и мировой культуры, развитие которого нельзя свести к «приведению правовой системы в соответствие с общемировыми тенденциями в области развития права», и тем более вряд ли правильно именовать исторический процесс правовой динамики «модернизацией права»⁹. Мы полагаем, что право, включая его правоприменительные и судебные институты, по своей природе не развивается в политической логике «модернизации»; даже реформы политического характера не реализуются в праве «модернизационным» методом, «без оглядки на исторически сложившиеся различия правовых школ, систем общего и континентального права», как это подчас представляется в отечественной пореформенной теории (Н. А. Влащенко, Х. И. Гаджиев)¹⁰.

Развитие российской правовой системы нельзя отождествлять с неким общим «сближением» правовых систем, которое якобы «проявляется в ускоренном переходе судебной континентальной правовой системы от дедуктивного мышления в решении дел при обнаружении новых проблем к более активному использова-

нию англо-американской практики и концепций в качестве основы для построения правовых конструкций и интерпретаций»¹¹. Регулятивная картина сочетания права и правоприменения, законодательства и судебной практики в каждой стране специфична. Россия выработала собственный образ сопряжения правообразования и правореализации, механизмы которых не сводятся к известной дихотомии континентальной и англо-американской нормативных организаций.

Приходится также отграничить современный подход к судебной доктрине от разделяемой авторами из Института законодательства и сравнительного правоведения концепции правового плюрализма. По нашему мнению, автономия национальных и наднациональных образований не есть, по сути, «диалог судов», «совместное действие» инстанций; она основывается на природе национального публичного порядка, который, конечно, включает и международные аспекты в соответствии с Конституцией России. Концепция правового плюрализма апологизирует непредсказуемость и политическую зависимость судей наднациональных инстанций от культурного этноцентризма и идеологического истолкования судебных дел наднациональными центрами власти. Вряд ли в этом смысле следует согласиться с утверждениями, что «ЕСПЧ обязан своим успехом именно активной позиции судей и обоснованно гордится решениями на основе доктрины эволютивного толкования Европейской конвенции по правам человека», «отношение к Конвенции как к живому организму способствует развитию прав человека, усилению защиты основных прав»¹². По нашему мнению, именно концепция эволютивного и так называемого живого толкования Конвенции послужила причиной бесконечной политизации ЕСПЧ, произвольного толкования первоначально согласованных государствами норм в угоду чуждым России политизированным культурным экспериментам.

Таким образом, российская концепция судебной доктрины значительно отличается от европейской в ее нынешнем виде и тем более англо-американской, что вовсе не свидетельствует об отрицании зарубежного юридиче-

⁸ Судебные доктрины в российском праве. С. 18.

⁹ Судебные доктрины в российском праве. С. 21.

¹⁰ Судебные доктрины в российском праве.

¹¹ Судебные доктрины в российском праве. С. 23.

¹² Судебные доктрины в российском праве. С. 25.

ского опыта. Этот опыт, однако, должен получить в России преломление через российскую судебную практику и доктрину; он не может использоваться механически прямолинейно и апологетически. Так, институт независимости судей при политизированной интерпретации ЕСПЧ во многом игнорирует легальную зависимость судей от рамок национального законодательства, легитимного пересмотра их решений в апелляционном и кассационном порядках, признаваемые в конкретном обществе нормы правосознания, универсальные и национальные культурные ценности. Для интеграции этих и иных элементов необходима национальная судебная доктрина не только как теоретический концепт, но и как нормативная и предметная, в аспекте реальных общественных отношений, регуляторная составляющая правоприменения.

Именно такие попытки — широкого выявления форм и способов учета в правовых отношениях результатов деятельности высших судов России — всё глубже проникают в современную национальную правовую идеологию, правообразование и правоприменение в России. Такой учет проводится в направлении прямого воздействия судебной практики на правообразование в виде руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда России по вопросам применения и толкования законодательства; через «негативную» и «позитивную» юрисдикцию Конституционного Суда России; выработку высшими судами правовых положений — суждений судов по тем или иным типичным ситуациям; через правовые позиции Конституционного Суда РФ по конкретным конституционно-правовым проблемам в результате толкования Конституции России, а также другие результаты юрисдикционной деятельности высших судов.

Наиболее актуален такой анализ в основных (базовых) отраслях российского права: конституционном, гражданском, уголовном, административном, финансовом, экологическом и процессуальном праве. Его итогом является формирование комплексного представления об институциональной роли и содержании судебной доктрины в правореализации. Эта роль никак не может быть сведена к каким-то отдельным институтам типа судебного прецедента, толкования права, индивидуального правоприменения, а представляет собой самостоятельный и идентичный отечественной правовой культуре симбиоз нормативных положений сложной правовой природы. Россий-

ская судебная доктрина гармонизирует многочисленные разноуровневые источники права и служит важнейшим фактором развития отечественного правового порядка.

Тенденции развития судебной доктрины в России. Российская судебная доктрина — концепт конституционного взаимодействия ветвей власти в России, способствующий эффективной реализации государственных функций. Сегодня категория российской судебной доктрины — один из ведущих и в высшей степени необходимый элемент национального правового сознания, инновационная часть отечественной правовой стратегии XXI в. Сложная социальная природа судебной доктрины обусловила и неоднозначность тенденций ее развития.

Во-первых, возрастает методологическое значение развития отечественного процессуального права, его известный приоритет по отношению к праву материальному, как в романских и германских правовых порядках. Сбалансированная процессуальная система России купирует пореформенную турбулентность, пробельность и противоречивость материального права и законодательства. В юридических процессах находятся ключи к решению многих социальных проблем, в том числе в области защиты фундаментальных прав человека.

В России действует своеобразное общее право — правовой обычай судебного правоприменения, основанный на профессиональном правосознании судей. Судебная власть через свои акты становится всё более самостоятельным участником многообразных актуальных преобразований, расширяя формально-континентальные плацдармы в системе правового регулирования в сферах интеллектуальной собственности, цифровизации, технологического развития, биоэкономики, противодействия санкционному давлению, создавая новый симбиоз правообразования и правоприменения в инновационных комплексах общественных отношений.

Во-вторых, в судопроизводстве происходит постепенное вытеснение агрессивного, формально-состязательного характера процесса письменными и примирительными процедурами. Это явление знаменует самое начало эпохи восстановления русским судебным процессом соответствующего его правовой природе примирительного характера. Данная тенденция только разворачивается, поскольку судебная практика пока еще во многом отражает норму правосознания о господстве государственного

суда, об упречности и неавторитетности соглашения сторон.

Однако социальный опыт России показывает несостоятельность абсолютизации принципа состязательности, свидетельствует в пользу принципов социального равенства и «внесловной» справедливости. В рамках национальной судебной доктрины продолжают поиски идентичного России суда.

На всем протяжении XX в. в России и мире наблюдалась тенденция стихийной рецепции институтов розыскного процесса и эволюции в сторону активной роли суда. Разумеется, появление этих элементов не имеет ничего общего со средневековым формальным процессом, но показывает важные закономерности развития судебного права в эпоху глобальных вызовов и угроз, которым модель судопроизводства XX в. уже не в состоянии противодействовать.

В-третьих, в России происходит сложная интеграция историко-культурных, этноментальных и космополитических элементов при формировании национальной модели судебной власти, которая в XXI в. демонстрирует поиски собственного судебного права в преодолении классических форм неэффективного и в известной мере аморального судопроизводства западных правовых культур XX в.

Российская модель правосудия снимает тупики европейской и англо-американской систем, построенных на политико-экономическом диктате правящих элит в судопроизводстве. Россия по моральным и человеческим основаниям приближается к более человекоориентированному суду в структурном отношении — к смешанной, инквизиционно-состязательной системе, сочетающей разные классические порядки судопроизводства, которые дают шансы правосудию для граждан в соответствии с господствующими представлениями о социальной справедливости.

В преодолении западного рационалистического, кастового суда, освобождении от его бюрократизма, профессиональной замкнутости, бесконечной политизации, в интеграции в подлинно демократические институты судопроизводства и политической системы, в народные начала состоит основное направление эволюции отечественной модели судопроизводства.

Какие общественные и индивидуальные проблемы следует решать в государственной судопроизводственной форме? Как эта форма соотносится с национальными формами жизнедеятельности и жизнеустройства в России? Что есть русская судебная традиция, без культур-

ного возрождения которой никакие идеи о высокой миссии суда невозможны? Эти вопросы представляют определенное поле альтернатив развития воззрений на российский суд.

Россия остро нуждается в новом этапе развития национально-ориентированной судебной системы. Демократизм, прозрачность, социальная эффективность этой системы — критерии в том числе международного правового сообщества.

Опыт XX в. показывает, что Россия через преемственность различных политических этапов сформировала органичную, соответствующую международным стандартам и одновременно национально-ориентированную доктрину суда с широкой диверсификацией форм правосудия, включая негосударственную систему разрешения споров. Мы постепенно уходим от навязанных стереотипов зависимого мышления в сфере права и правовой культуры. Востребованы стратегии правового развития России по всему спектру институтов правовой системы; пришло время купировать господство отдельно взятых эпох и подходов, мешающих выйти на новую проблематику, сохраняя тем не менее эти эпохи как исторический фундамент для новых актуальных постановок.

Выводы. Наша задача — содействовать формированию судебно-доктринальной методологии правового регулирования в условиях новой российской правовой традиции XXI в., в отрицании прецедентных и позитивистских систем уходящего времени. Необходима судебная методология реализации базовых отраслей права в их современном комплексном межотраслевом выражении. Эта методология востребована для устранения административных барьеров в инновационных областях правового регулирования, которые связаны с развитием собственно законодательных институтов.

Одним из фундаментальных выводов может быть предположение о новом этапе сложной конвергенции и одновременно дивергенции в структуре национальной юридической формы. Этот процесс дает возможность дополнительного эффективного регулирования и изменения регуляторной картины в ключевых сферах, в частности с новыми субъектами права гибридной природы. Судебные доктрины способствуют более точному регулированию изменяющихся и новых общественных отношений, повышению их приспособляемости к актуальным вызовам.

Юридическая доктрина развивается согласно присущим ей общедогматическим закономерностям, имеет процедурно-процессуаль-

ный характер, что, однако, не дает оснований отождествлять ее с юридическим процессом. Судебные доктрины (концепции) не следует смешивать с правовой активностью суда и в целом с юридической практикой. Судебная доктрина имеет структуру, которую условно можно разделить на правотворческую, правоприменительную, интерпретационную, а также распорядительные ее элементы.

Итог формирования судебной доктрины — специальная форма обобщения деятельности законодательных и правоприменительных органов по выработке правил в результате социально-правовой практики.

Субстанциональным элементом юридической доктрины выступает правовое положение (правоположение), которое олицетворяет единство трех измерений правовой культуры: творчества права, применения права и индивидуального правового регулирования.

В настоящее время необходимо формирование значительно более дифференцированной картины правового регулирования, включающей систему диверсифицированных источников права. Обязательны уточнение категориального аппарата концепции правового регулирования, разработка логико-методологического инструментария различных типов правоотношений, ситуаций, методов правообразования, правоприменения, аппарата

описания судебного управления правовыми связями.

Важным является всё, что касается системы классификации и упорядочения структурных элементов судебной доктрины, благодаря которым последняя может быть выражена как устойчивая структура, обладающая целостностью и единством с иными источниками права. Судебная доктрина характеризуется наличием не только координации (взаимодействия элементов), но и субординации, особых управляющих механизмов, способов постоянного обновления ее элементов. Это предмет дальнейших исследований.

Современная судебная доктрина в России играет роль не только незаменимого источника доктрины права в широком ее смысле, но и методологического ориентира, определяющего вектор развития правовой системы. Представление этого вектора крайне важно для актуализации научных исследований с учетом нового теоретического синтеза правового опыта России в XX в. Современный этап развития правового порядка связан с интеграцией двух основополагающих направлений правообразования — законодательного и социального, включая судебную практику, на стыке которых возникают дополнительные регулятивные комплексы, которым предстоит занять центральное положение в условиях социального и технологического прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитоновна. М., 2017. 672 с.
- Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4.
- Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории. М., 2009. 187 с.
- Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М., 2017. 592 с.
- Лесив Б. В. Основы правового реализма О. Холмса // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 188–192.
- Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. 760 с.
- Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2017. 448 с.
- Межеккеев А. В. Правотворчество как единство его объективного и субъективного аспектов // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5. С. 168–170.
- Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2022. 336 с.
- Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов : СГЮА, 2021. 430 с.
- Россинский С. Б. Средства доказывания в «дореформенном» уголовном процессе Российской империи: уроки истории // Юридическое образование и наука. 2025. № 9. С. 23–28.
- Синюков С. В. Механизм правотворчества современного российского государства. М., 2025. 184 с.
- Синюков В. Н., Синюков С. В. Инновационный правовой порядок. Теория правового порядка В. В. Борисова в современном российском контексте. М., 2026. 252 с.
- Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия : монография. М., 2021. 240 с.
- Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП : Норма, Инфра-М, 2021. 344 с.

Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. 400 с.

Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 452 с.

REFERENCES

Blum G. The Western Canon. Books and School of All Times. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow; 2017. (In Russ.).

Boshno SV. Precedent, Law, and Doctrine (An Empirical Socio-Legal Study). *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2007;4. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. Doctrinal Foundations of the Jurisprudential Practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow; 2023. (In Russ.).

Lesiv BV. The basics of O.W. Holmes' legal realism. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;6:188-192. (In Russ.).

Marchenko MN. Sources of Law. Moscow; 2005. (In Russ.).

Marchenko MN. Judicial Lawmaking and Judicial Law. Moscow; 2017. (In Russ.).

Mezhkey AV. Lawmaking as a unity of its objective and subjective aspects. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;5:168-170. (In Russ.).

Perevalov VD. Legal Doctrine: Problems of Formation and Implementation. Moscow; 2022. (In Russ.).

Rossinskiy SB. Means of Proof in the «Pre-Reform» Criminal Process of the Russian Empire: Lessons of History. *Juridical Education and Science*. 2025;9:23-28. (In Russ.).

Russian Legal Doctrine in the Twenty-First Century: Challenges and Approaches to Their Resolution. Saratov: SGYuA Publ.; 2021. (In Russ.).

Serkov PP, Lazarev VV, Gadzhiev Khl, et al. Judicial Doctrines in Russian Law: Theory and Practice. Moscow: IZiSP, Norma, Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).

Sherstyuk VM. Theoretical Problems in the Development of Civil Procedural Law, Arbitrazh (Commercial) Procedural Law, and Enforcement Proceedings in the Russian Federation. Moscow; 2021. (In Russ.).

Sinyukov SV. The Mechanism of Lawmaking in the Contemporary Russian State. Moscow; 2025. (In Russ.).

Sinyukov VN, Sinyukov SV. The Innovative Legal Order: V.V. Borisov's Theory of Legal Order in the Contemporary Russian Context. Moscow; 2025. (In Russ.).

Streltsova EG. Privatization of Justice. Moscow; 2021. (In Russ.).

Vasiliev AA. Legal Doctrine as a Source of Law: Issues of Theory and History. Moscow; 2009. (In Russ.).

Zorkin VD. The Constitutional Court of the Russian Federation: Doctrine and Practice. Moscow; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vnsinyukov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vice-Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 29 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 4 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 29.10.2024.
Revised 04.11.2025.
Accepted 15.12.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.019-036

А. С. Гамбарян

Российско-Армянский университет

Академия государственного управления Республики Армения

г. Ереван, Республика Армения

Развитие права *extra legem* и *contra legem* в случае закрытых законодательных перечней

Резюме. В статье рассматриваются малоизученные вопросы теории права: молчание законодателя, закрытые законодательные перечни, а также «открытие» этих списков с помощью доктрины *contra legem* или восполнение посредством доктрины *extra legem*. В целях уточнения терминов автор выделяет два проявления законодательного молчания (законодательного пробела): упущение и сознательное молчание законодателя. Законодательный пробел является не только следствием упущения, но и результатом сознательного молчания законодателя. В статье выдвигается идея презумпции законодательного упущения, согласно которой если отсутствуют фактические данные о сознательном неурегулировании отношений законодателем, то необходимо исходить из опровергаемой презумпции, что неурегулирование этих отношений стало следствием упущения (ошибки) законодателя. Презумпцию законодательного упущения можно опровергнуть фактическими данными, подтвердив сознательное молчание законодателя. В условиях презумпции законодательного упущения этот пробел восполняется на основе доктрины развития права *extra legem*. Иная ситуация с закрытыми списками. Автор, имея в виду специфику техники закрытых перечней (имплицитный запрет на совершение юридических действий с неперечисленными элементами), отмечает, что в случае закрытых списков действует не презумпция законодательного упущения, а презумпция сознательного молчания законодателя. Если в случае с закрытыми перечнями презумпция сознательного молчания законодателя не была опровергнута, то этот список можно «открыть» по велению принципов права и включить в него новый элемент на основе доктрины развития права *contra legem*.

Ключевые слова: законодательный пробел; законодательное упущение; сознательное молчание законодателя; *contra legem*; *extra legem*; закрытый перечень

Для цитирования: Гамбарян А. С. Развитие права *extra legem* и *contra legem* в случае закрытых законодательных перечней. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 19–36. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.019-036

Development of Law *Extra Legem* and *Contra Legem* in Cases of Closed Legislative Lists

Artur S. Gambaryan

Russian-Armenian University; Academy of Public Administration of the Republic of Armenia
Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. The paper addresses underexplored issues in legal theory, including legislative silence, closed legislative lists, and the «opening» of such lists through the application of the *contra legem* doctrine, as well as supplementing these lists via the *extra legem* doctrine. For purposes of terminological precision, the author identifies two manifestations of legislative silence (legislative gap): legislative omission and deliberate legislative silence. A legislative gap may result not only from omission but also from deliberate silence on the part of the legislature. The study proposes the concept of a presumption of legislative omission, whereby, in the absence of factual evidence of the legislature's conscious decision not to regulate certain relations, one should proceed from a rebuttable presumption that such non-regulation is the result of legislative omission (error). This presumption may be rebutted by factual evidence confirming the legislature's deliberate silence. Where the presumption of legislative omission applies, the gap may be filled through the *extra legem* doctrine as a means of legal development. A different approach applies in the case of closed lists. Given the specific legislative drafting

© Гамбарян А. С., 2026

technique inherent in closed enumerations (an implicit prohibition on performing legal acts involving elements not included in the list), the author notes that closed lists operate under a presumption of deliberate legislative silence. If, in the case of closed enumerations, this presumption is not rebutted, the list may be «opened» in accordance with fundamental principles of law, incorporating a new element through the *contra legem* doctrine of legal development.

Keywords: statutory lacuna; legislative omission; deliberate legislative silence; *contra legem*; *extra legem*; closed legislative lists

Cite as: Gambaryan AS. Development of Law Extra Legem and Contra Legem in Cases of Closed Legislative Lists. *Lex russica*. 2026;79(1):19-36. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.019-036

Введение

В настоящей работе будет обсуждаться различие между упущением законодателя и его сознательным молчанием в закрытых перечнях, а также в этом контексте разграничение видов развития права *extra legem* и *contra legem*. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению этих сложных и запутанных вопросов, представим ряд общих суждений, касающихся их.

С точки зрения широкого правопонимания можно выделить следующие виды развития права: *intra legem* (лат. «по закону»), *extra legem* (лат. «за пределами закона») и *contra legem* (лат. «вопреки закону»).

При развитии права *extra (praeter) legem* в законе имеется упущение, при котором правоприменитель разрешает дело на основе норм, регулирующих аналогичные отношения, или общих принципов права (восполнение упущения в законе по аналогии закона и права). В случае правоприменения *extra legem* решение правовой проблемы хотя напрямую не урегулировано законом, но не противоречит закону (не является противозаконным), если, конечно, соблюдаются предусмотренные законом условия восполнения пробелов.

При развитии права *contra legem* имеется регулирование, установленное законом, однако правоприменительный орган, исходя из определенных правомерных целей (например, неотступного требования справедливости или иных принципов права), принимает решение вопреки существующему законодательному регулированию.

Различие между типами развития права *extra legem* и *contra legem* не вызывает затруднений в случае жесткого (строгого) развития *contra legem*, однако становится проблематичным в случае мягкого развития права *contra legem*,

особенно при молчании законодателя, т.е. в ситуациях, когда подлежащие регламентации отношения не урегулированы законодателем.

Если неурегулированность отношений законодательным путем является крайне спорной с точки зрения принципов права, возникает необходимость разрешения соответствующего вопроса судом — посредством развития права вне текста закона. На первый взгляд кажется, что в условиях молчания законодателя развитие права может осуществляться только по модели *extra legem*, поскольку отсутствует законодательная норма, которой можно было бы противопоставлять решение. Поэтому развитие *contra legem* исключается. На самом деле вопрос не столь однозначен.

Для того чтобы разграничить типы развития права *contra legem* и *extra legem* в случае молчания законодателя, необходимо учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, является ли неурегулированность отношений (законодательный пробел) следствием упущения законодателя или его сознательного молчания (квалифицированного или красноречивого).

Во-вторых, необходимо учитывать характер отношений, подлежащих регулированию: относятся ли они к сфере публичного или частного права (например, право человека на свободу действий) либо к сфере материального или процессуального права.

Для решения этих сложных вопросов важна также техника законодательного регулирования, в частности, применялся ли при этом прием закрытого либо открытого перечня.

Далее будут рассмотрены общие вопросы разграничения упущения законодателя и сознательного молчания, а затем особенности такого разграничения в контексте закрытых законодательных перечней.

1. Упущение законодателя и его сознательное молчание

1.1. Различие и его практическое значение

Необходимо выяснить, включает ли понятие «законодательный пробел» в правовой доктрине и практике конкретного государства упущение законодателя (пробел, возникший в результате законодательной ошибки) или также сознательное (квалифицированное или красноречивое) молчание законодателя (так называемые мнимые или «неслучайные» пробелы).

Если в доктрине и практике конкретного государства законодательный пробел трактуется в узком смысле, то он включает только законодательное упущение (законодательную ошибку). В случае узкого понимания законодательного пробела возникает необходимость четкого разграничения категорий «законодательный пробел» и «сознательное молчание законодателя».

Если в доктрине и практике конкретного государства законодательный пробел понимается буквально, то он включает как упущение законодателя, так и его сознательное молчание. В случае буквальной трактовки законодательного пробела разрыва между законодательным пробелом и сознательным молчанием законодателя не существует, поскольку сознательное молчание законодателя считается одним из проявлений законодательного пробела (законодательное упущение + сознательное молчание законодателя = законодательный пробел). В этом случае законодательный пробел считается негативным фактом, т.е. свидетельствует об отсутствии нормы, независимо от причин.

В обсуждаемом вопросе наблюдается разницей в словоупотреблении, что затрудняет работу. Например, в европейских странах неурегулированность законодателем соответствующих отношений (законодательное молчание) характеризуется различными терминами. Так, в 2008 г. главной темой обсуждений на XIV Конгрессе Конференции европейских конституци-

онных судов были законодательные пробелы (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.). Генеральный доклад Конгресса был составлен на основе национальных докладов конституционных судов. Из изучения генерального доклада ясно, что конституционные суды европейских стран используют различные термины в отношении молчания законодателей, например «пробел права», «пробел закона», «правовой вакуум»¹.

В правовых системах, где законодательный пробел понимается буквально, формулировка «сознательное молчание законодателя», как правило, не встречается, вместо нее используются выражения «неслучайный пробел» или «мнимый пробел»². Так, в национальных докладах конституционных судов некоторых государств (Азербайджан, Грузия, Латвия, Литва, Россия, Турция) были выделены виды случайных и неслучайных пробелов в праве. В этих странах неслучайный пробел отождествляется с сознательным молчанием законодателя, поскольку неслучайные пробелы в праве возникают, когда законодатель, зная о существовании фактических отношений, намеренно не устанавливает соответствующее регулирование вследствие политических, экономических или иных причин³.

Впрочем, в национальных докладах конституционных судов некоторых государств (Литва, Россия, Швейцария) упоминается возможность разграничения законодательного пробела и сознательного молчания законодателя: «...согласно некоторым мнениям, неслучайных пробелов в праве не может быть. Например, отмечено, что пробелы в законах (или любых иных правовых актах) не следует смешивать с обстоятельствами, когда законодатель воздерживается от принятия нормы, давая понять, что проблема решается, например, в соответствии с нормами этики, а не закона (или любого иного правового акта), — это так называемое квалифицированное молчание права (Литва, Россия, Швейцария)»⁴.

¹ Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. С. 81–89.

² Под мнимыми пробелами понимается преднамеренное молчание законодателя, т.е. когда он сознательно оставляет вопрос открытым, предлагая передать его решение на усмотрение правоприменителя, или сознательно выводит данные общественные отношения за сферу правового регулирования. Такие действия законодателя именуют квалифицированным молчанием. См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. С. 258.

³ Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов. С. 86–87.

⁴ Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов. С. 86–87.

Практика описания молчания законодателя разными терминами также присутствует в судебных актах одного и того же государства. Например, Конституционный суд Республики Армения (далее — РА) для описания молчания законодателя использует выражения «правовой пробел», «законодательный пробел» и «пробел правового регулирования» (см., например, постановление Конституционного суда РА от 29.10.2019 по делу УЎП-1486)⁵. Конституционный суд РА не использовал формулировку «сознательное (квалифицированное) молчание законодателя», однако в отдельных случаях, по существу, говорил об этом. Так, Конституционный суд РА в постановлении от 04.09.2019 по делу УЎП-1476 заявил: «Законодательный пробел может стать предметом рассмотрения Конституционного суда в том случае, когда он является недостатком правового регулирования, а не волей правотворческого органа, в данном случае законодателя, воздержаться от правового регулирования, воспринимаемого как законодательный пробел»⁶.

Из этого решения ясно, что Конституционный суд РА использовал законодательный пробел в буквальном смысле, как негативный факт, указывающий на отсутствие нормы. В этом случае законодательный пробел включает упущение законодателя (недостаток правового регулирования) и сознательное молчание законодателя (волю законодателя). При этом формулировка «законодательный пробел как воля законодателя», содержащаяся в решении Суда, фактически приравнивается к сознательному (квалифицированному) молчанию законодателя.

На данный момент, оставляя в стороне терминологические вопросы, отметим, что Конституционный суд РА провел различие между упущением и сознательной волей законодателя, признав их критерием отграничения его

полномочий от полномочий законодательного органа. Согласно Конституционному суду РА, определение конституционности законодательного пробела как упущения в законодательстве (дефекта правового регулирования) находится в сфере его компетенции, а оценка правомерности законодательного пробела как воли законодателя выходит за рамки его полномочий и, по всей вероятности, находится в сфере компетенции законодательного органа. В контексте данного постановления Конституционного суда РА методология разграничения законодательного пробела как упущения и как сознательного молчания законодателя становится еще более актуальной.

Вернемся к терминологическому вопросу. В доктрине СССР и постсоветских государств формулировка «сознательное (квалифицированное) молчание законодателя» не имела и не имеет широкого признания⁷. Принято считать, что выражение «квалифицированное молчание законодателя» впервые было использовано в советское время известным российским теоретиком В. В. Лазаревым. Он предложил различать законодательный пробел и квалифицированное молчание законодателя, поскольку законодательный пробел всегда обусловлен законодательной ошибкой, тогда как в случае квалифицированного молчания законодатель не желает регулировать отношения⁸. Квалифицированное молчание законодателя в постсоветский период отметил В. М. Сырых⁹, а в 2008 г. в тему соотношения законодательного пробела и квалифицированного молчания законодателя вдохнул новую жизнь В. М. Баранов¹⁰.

Сегодня в российских доктринальных источниках часто можно встретить научные работы о квалифицированном молчании законодателя, причем большинство авторов понимают законодательный пробел в узком смысле и отличают его от квалифицированного молчания

⁵ Постановление Конституционного суда РА от 29.10.2019 УЎП-1486 // URL: <https://concourt.am/decision/decisions/sdv-1486.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

⁶ Постановление Конституционного суда РА от 04.09.2019 УЎП-1476 // URL: <https://concourt.am/decision/decisions/sdv-1476.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

⁷ В литературе утверждается, что термин «квалифицированное молчание законодателя» по сути является эквивалентом западного «символического законодательства». См.: Молчание в праве (доктрина, практика и техника) : монография / под ред. А. С. Гамбаряна. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 56.

⁸ Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юрид. лит., 1974. С. 15–16.

⁹ Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2002. С. 287.

¹⁰ Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78.

законодателя¹¹. Например, академик В. С. Нерсесянц четко различал законодательный пробел (как результат упущения законодателя) и сознательное молчание законодателя. Он отмечал, что может случиться так, что в действующем позитивном праве отсутствует конкретная правовая норма, которая должна была бы регламентировать эти отношения. Такая ситуация может означать 1) либо сознательное нежелание законодателя регулировать эти обстоятельства, 2) либо наличие пробела в действующем позитивном праве¹².

Ученые-юристы Российско-Армянского университета в 2021 г. опубликовали монографию под названием «Молчание в праве (доктрина, практика и техника)», в которой интерпретировали законодательный пробел в узком смысле, приравнивая его к упущению законодателя; следовательно, законодательный пробел и сознательное молчание законодателя рассматривались как разные явления¹³.

Впрочем, в доктрине и практике постсоветских государств узкое понимание законодательного пробела (упущение законодателя) и в этом контексте различие между законодательным

пробелом и сознательным молчанием законодателя до сих пор не получили всеобщего признания. В учебниках по теории государства и права, изданных в России в последние годы, выражение «квалифицированное молчание законодателя» либо не употребляется¹⁴, либо даже если применяется, то соответствующее явление не рассматривается как самостоятельное: оно по-прежнему считается одним из видов законодательных пробелов (мнимый или неслучайный пробел) или признается одной из субъективных причин законодательных пробелов¹⁵. Армянские юристы в учебниках по теории государства и права также не используют выражение «сознательное молчание законодателя»; они просто упоминают в рамках темы, посвященной законодательному пробелу, что возможна ситуация, когда законодатель по каким-то причинам сознательно не регулирует данное отношение¹⁶.

Таким образом, перспектива широкого признания различия между законодательным пробелом в узком смысле (законодательным упущением) и сознательным молчанием законодателя туманна. Дело в том, что в юриспруден-

¹¹ См.: Демин А. В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129–138 ; Васильев Ю. И. Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (постановка проблемы) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 227–230 ; Панченко В. Ю., Сабиров А. М. Квалифицированное молчание в правотворчестве и правовая культура правоприменения // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 427–432 ; Лугинец Э. Ф. «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 705–709 ; Панченко В. Ю., Сабиров А. М. Квалифицированное молчание в правотворчестве // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 83–86 ; Гамбарян А. С. Правовые режимы молчания и фиктивных выводов, вытекающих из него // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 19–29 ; Машовец А. О. Пробелы в праве и квалифицированное молчание законодателя в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2021 г. / под ред. К. Б. Калиновского. СПб., 2022. С. 74–80 ; Крупнова Т. Б. Пробельность в праве как продукт волеизъявления субъекта правотворчества // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 221–228 ; Чепенко Я. К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного Суда Российской Федерации) : монография. М. : Проспект, 2022. С. 18.

¹² Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 1999. С. 489.

¹³ Молчание в праве (доктрина, практика и техника).

¹⁴ Сорокин В. В. Фундаментальная теория права : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 350–351.

¹⁵ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. М. : Проспект, 2024. С. 460–461 ; Шафиров В. М. Теория права: человекоцентристский подход : научное, учебное, практико-ориентированное пособие. М. : Проспект, 2024. С. 255–256.

¹⁶ Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна. 4-е изд. Ереван : Лусабац, 2023. С. 204 (на армянском языке).

денции распространено буквальное понимание законодательного пробела (законодательный пробел = упущение законодателя + сознательное молчание законодателя).

В сфере юриспруденции такое понимание законодательного пробела имеет лингвистическое обоснование, поскольку в толковых словарях армянского языка прямо указано: «Пробел — это невыражение (по забывчивости или намеренно) какого-либо слова, цифры и т.д., когда вы пишете или говорите»¹⁷. То есть «пробел» как слово указывает не только на недостаток чего-либо, но и на состояние вакуума, нехватку, которая может быть вызвана как намерением, так и забывчивостью. В этом смысле законодательный пробел является негативным фактом, указывающим на отсутствие нормы, независимо от причины. Если быть более последовательными в использовании терминов, то следует отметить, что «законодательный пробел» — это общее понятие, включающее в себя как упущение, так и сознательное молчание законодателя. Следовательно, законодательный пробел является результатом не только упущения, но и сознательного молчания законодателя.

В этой работе мы в основном будем использовать понятия «упущение законодателя» и «сознательное молчание законодателя», которые являются самостоятельными проявлениями законодательного пробела.

Разделение законодательного упущения и сознательного молчания законодателя имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Во-первых, как уже упоминалось, Конституционный суд РА придал различию между упущением и сознательным молчанием законодателя значение критерия разделения компетенции.

Кроме того, если законодательный пробел является результатом упущения (ошибки) законодателя, то правоприменитель имеет право восполнить пробел с помощью аналогии закона или права, однако если законодательный пробел стал результатом преднамеренной воли законодателя (сознательное молчание), то в этом случае институт аналогии закона неприменим. Это важное обстоятельство пока не отражено в армянском законодательстве, поскольку в

Законе РА «О нормативных правовых актах» режимы законодательного пробела как упущения и сознательного молчания законодателя не разграничены, в результате чего институт аналогии закона и права может применяться, даже когда установлено, что неурегулированность отношений является результатом сознательного молчания законодателя¹⁸. Так, заголовок гл. 9 Закона «О нормативных правовых актах» сформулирован следующим образом: «Применение норм правовых актов в случае правовых противоречий (правовых коллизий и законодательных пробелов)», а согласно ст. 39 Закона применение аналогии закона и права возможно при отсутствии правовой нормы в законодательстве, независимо от того, является ли отсутствие нормы следствием упущения или сознательного молчания законодателя. Между тем аналогия закона и права является лишь способом преодоления упущения законодателя (законодательной ошибки). Согласно господствующему подходу правоприменитель не может посредством института аналогии противопоставлять свое решение воле законодателя, в данном случае — сознательному молчанию.

Из вышесказанного ясно, что законодательный пробел может иметь две причины: отношения не урегулированы из-за упущения законодателя (законодательная ошибка) или по его воле (сознательное молчание законодателя). В случае упущения законодатель, хотя и должен был урегулировать конкретное отношение, допустил ошибку и не регламентировал его (законодательная ошибка). В случае квалифицированного молчания законодатель **сознательно** не регулирует данные отношения. В отличие от квалифицированного молчания упущение законодателя — это не сознательное, а незапланированное молчание, т.е. когда законодатель просто не думал о том, чтобы урегулировать вопрос, но если бы он обратил на это внимание, то он бы его урегулировал.

1.2. Методология разграничения упущения и сознательного молчания законодателя

Как на практике следует определять, является ли неурегулированность отношений следствием упущения или результатом сознательного молчания законодателя? В. М. Баранов

¹⁷ Толковый словарь современного армянского языка. Т. 1. Ереван : Изд. Академии наук Армянской ССР, 1969. С. 305 (на армянском языке).

¹⁸ Закон Республики Армения от 21.03.2018 НО-180-N (ՀՕ-180-Լ) «О нормативных правовых актах» (вступил в силу с 07.04.2018) // ՅՅՊՏ 2018.03.28/23(1381).

отмечает, что, прежде чем констатировать пробел в праве (имеется в виду упущение законодателя), необходимо достоверно доказать, что здесь отсутствует «квалифицированное молчание законодателя»¹⁹.

Если отсутствуют обоснования того, что законодатель сознательно не регламентировал отношения, следует исходить из предположения, что неурегулирование этих отношений является результатом упущения (ошибки) законодателя. Логически мала вероятность того, что законодатель сознательно не урегулировал отношения, которые нуждаются в законодательном регулировании. Скорее молчание законодателя является результатом ошибки. Предположение о причине неурегулированности отношений назовем презумпцией законодательного упущения.

Презумпцию законодательного упущения можно опровергнуть и говорить о сознательном молчании законодателя, если фактическими данными: официальными документами, составленными во время обсуждения проекта закона, например обоснованиями проекта закона, ответами компетентного лица во время обсуждений в системе e-draft, протоколами парламентских обсуждений и т.д., подтверждается, что законодатель намеренно не хотел регулировать эти отношения.

В условиях презумпции законодательного упущения этот пробел восполняется на основе доктрины развития права *extra legem*. Если фактическими данными опровергнута презумпция законодательного упущения и подтверждено сознательное молчание законодателя, то суд в случае вопиющего противоречия между сознательным молчанием законодателя и принципами права решает вопрос на основе доктрины развития права *contra legem*. Эти суждения не относятся к закрытым спискам, в отношении которых действует другая логика (об этом далее).

Впрочем, вопрос не так прост. Различие между упущением и сознательным молчанием законодателя, а также в этом контексте разграничение видов развития права (*extra legem* и *contra legem*) являются одним из сложных и многогранных вопросов в юриспруденции. Дело в том, что для решения этих вопросов имеет значение ряд других обстоятельств, например, в контексте каких отношений эти вопросы обсуждаются — материальных или процессуальных, частных или публичных.

В частных отношениях (в области права человека на свободу действий) государство терпит или должно терпеть действия частного лица, не предусмотренные (специально не регулируемые), но и не запрещенные законом, независимо от того, является ли неурегулированность этих действий конкретными нормами результатом упущения или сознательного молчания законодателя. Дело в том, что на частных лиц распространяется дозвольтельный тип правового регулирования, в основе которого лежит постулат «дозволено всё, что не запрещено законом». Если бы у законодателя было противоположное желание (намерение), он, скорее всего, прямо запретил бы частному лицу совершать это действие материально-правового характера или иным образом специально урегулировал эти отношения (например, установил бы четкий порядок совершения действий частным лицом или список действий, за пределами которых совершение чего-либо косвенно запрещено). Следовательно, если частное лицо совершает действие, не установленное специальной разрешающей нормой, но также не запрещенное (не регулируемое иным образом), действие этого лица должно рассматриваться как правомерное.

Если общее право человека на свободу действий было признано Конституцией в качестве основного права человека, то в этом случае трудно утверждать, что в контексте упущения или сознательного молчания законодателя эти отношения вообще не урегулированы. В этой ситуации было бы правильно отметить, что отсутствует *специальное* урегулирование этого вопроса. В отсутствие *специального* законодательного регулирования поведение человека (общественные отношения) регламентируется на основе *общего* права человека на свободу действий. Например, в ст. 39 Конституции РА прямо закреплено конституционное право человека на свободу действий, которое является универсальным и регламентирует многочисленные проявления поведения, не запрещенного (никак не регулируемого) законом, в том числе действия, которые стали предметом судебного разбирательства.

Конституционное признание права человека на свободу действий, по-видимому, делает законодательство системой без пробелов. Если любое действие человека, не регулируемое *конкретными* нормами, регламентируется

¹⁹ Баранов В. М. Указ. соч. С. 75.

общим правом человека на свободу действий, то разговоры об упущении или о сознательном молчании законодателя становятся беспредметными. История права свидетельствует о том, что даже в периоды, когда право человека на свободу действий не было включено в позитивное право, позитивисты на основе формулы «дозволено всё, что не запрещено законом» утверждали, что позитивное право представляет собой всеобъемлющую и беспробельную систему. Еще в 1900 г. русский юрист Н. А. Гредескул отметил: «Молчание права чему же равняется? Конечно, дозволению. Отсюда и эта интерпретация молчания права: “не запрещено — значит дозволено”! <...> Когда молчит о чем-нибудь в общественной жизни право, то мы говорим — молчание права есть дозволение с его стороны. Тогда как приказы и запреты должны быть всегда выражены прямо, дозволения могут быть нередко выставлены перед обществом без затраты каких-либо внешних знаков для этого выражения, т.е. посредством молчания»²⁰.

Концепция всеобъемлющего и беспробельного позитивного права в европейских странах связана с именем Кельзена. Он критиковал теорию пробелов со следующим обоснованием: «...если правопорядок не устанавливает обязанности индивида к определенному поведению, то он дозволяет это поведение. <...> Хотя применение в этом случае некоей отдельной нормы права невозможно, но возможно применение правопорядка — поэтому возможно и применение права как таковое»²¹.

Хотя подход, исключая пробелы в позитивном праве, не получил широкого признания, эксплицитное конституционное признание права человека на свободу действий вновь придает актуальность дискуссии о позитивном праве как всеобъемлющей и беспробельной системе.

В отличие от частных отношений в сфере публичных отношений действует другая логика, основанная на постулате «запрещено всё, кроме прямо разрешенного» или «уполномочен делать то, что определено законом». Если законодатель не желает, чтобы государственный орган совершал определенное действие, он может либо установить законом прямой запрет на его совершение либо просто не предусмотреть

данное полномочие в законе. Если фактические данные подтверждают, что законодатель сознательно не установил такого полномочия, то не вызывает сомнений, что он не желал наделить участников правоотношений, в частности государственный орган (должностное лицо), соответствующим полномочием материально-правового характера, поэтому можно предположить, что законодатель молчаливо (косвенно) запретил государственному органу совершать не предусмотренное законом действие. Если законодатель путем преднамеренного молчания косвенно запретил государственному органу материально-правовое действие, то он запретил и совершение процессуальных действий, направленных на реализацию этого действия.

Таким образом, из сознательного молчания законодателя в сфере публичных отношений можно сделать условное заключение о запрете законодателем действий материально-правового характера (негативный вывод, сделанный из молчания, т.е. вывод о запрете).

Что касается упущения законодателя в публичных отношениях, то необходимо учитывать несколько обстоятельств.

Для диагностики наличия или отсутствия законодательного пробела, обусловленного законодательной ошибкой, в отношении полномочий государственного органа, принципиальным является вопрос о том, считается ли полномочие государственного органа предусмотренным законом только в том случае, если это полномочие в тексте закона сформулировано эксплицитно (прямо, наглядно), или в этой системе признана также доктрина имплицитных полномочий государственного органа. В последнем случае полномочия, *однозначно и необходимо* вытекающие из функций государственного органа, считаются существующими в правопорядке, даже если они прямо (зримо) не сформулированы в тексте закона. Ясно, что при таком подходе нельзя говорить о пробеле в правопорядке, обусловленном законодательной ошибкой.

Кроме того, немаловажен и тот факт, что полномочия государственного органа формулируются техникой закрытого перечня (вопрос пробелов в закрытом перечне полномочий подлжит отдельному обсуждению).

²⁰ Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: социально-юридическое исследование. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1900. С. 65–66.

²¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве: пер. с нем. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 306.

2. Упущение законодателя и сознательное молчание законодателя в случае закрытых перечней

Как уже упоминалось, использование техники закрытого законодательного перечня также важно для разграничения законодательного упущения или преднамеренного молчания и в этом контексте для разделения типов развития права *extra legem* или *contra legem*.

Является ли отсутствие какого-либо элемента в законодательном закрытом перечне (неурегулированность отношений) результатом упущения или исключительно сознательного молчания законодателя? Согласно правилу толкования *expressio unius* невключение какого-либо элемента в исчерпывающий список (неурегулирование отношений) следует интерпретировать в смысле его исключения. То есть если законодатель регламентировал отношения, используя прием установления закрытого перечня, то он, скорее всего, сознательно не хотел связывать какие-либо правовые последствия с элементами, не включенными в перечень. Западная правовая доктрина гласит: «Одно из правил толкования, *expressio unius*, основано на концепции, что если Конгресс высказывает идею один раз, то он, очевидно, знает, как ее выразить, и если она включена в одном месте и не включена в другом, то такое исключение является преднамеренным»²².

Таким образом, законодатель, предусмотрев закрытый перечень и не включив в него конкретный элемент, скорее всего, сознательно (намеренно) не хотел регулировать отношения, не вошедшие в перечень, в противном случае он бы не закрывал перечень или высказал иной подход. Однако осознанность (преднамеренность) молчания законодателя в закрытом списке, как правило, является не фактом, а скорее предположением с высокой степенью вероятности (презумпция). На практике редко удается установить на основе фактических данных, что законодатель намеренно (умышленно)

не включил тот или иной элемент в закрытый перечень. Если не представляется возможным доказать фактическими данными, что невключение конкретного элемента в закрытый перечень является преднамеренным поведением законодателя, то с учетом особенностей закрытого законодательного перечня следует исходить из презумпции сознательного молчания законодателя. Получается, что в отличие от обычных случаев (не связанных с закрытыми законодательными перечнями), где действует презумпция законодательного упущения, в случае закрытых законодательных перечней действует презумпция сознательного молчания законодателя²³.

На первый взгляд может показаться, что в закрытом перечне возможно исключительно сознательное молчание законодателя (как презумпция), а законодательное упущение невозможно. Сказанное в целом верно, но даже в случае закрытого перечня нельзя полностью исключать законодательное упущение. Законодательное упущение в закрытом перечне, хотя и редко, возможно, если будет опровергнута презумпция сознательного молчания законодателя в закрытом списке.

Презумпция сознательного молчания законодателя в закрытом перечне может быть опровергнута, если фактические данные подтверждают, что имело место законодательное упущение. Например, в период, когда в законе был предусмотрен закрытый перечень (на момент принятия закона), данный элемент (общественные отношения) не существовал, но возник позже, поэтому законодатель не мог сознательно исключить элемент, отсутствовавший на тот момент, при перечислении элементов закрытого списка. Предположим, что закон определяет закрытый перечень судебных актов: «А», «Б», «В», подлежащих непосредственному (прямо) обжалованию в апелляционном порядке. Позднее закон предусмотрел новый вид судебного акта «Д», который как акт, существенно ограничивающий права человека, не-

²² Roth B. H. Retaining the Hope That Rejection Promises: Why Sunbeam is a Light That Should Not Be Followed // *Emory Bankruptcy Developments Journal*. 2014. Vol. 30. Issue 2. P. 562–563.

²³ Ранее из-за некорректного примера сложилось впечатление, что презумпция законодательного пробела (точнее, законодательного упущения) действует и в случае законодательного закрытого перечня. См.: Гамбарян А. С. Развитие уголовно-процессуального права Армении вне закона (*extra legem*) и вопреки закону (*contra legem*) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2024. Т. 15. № 1. С. 221. В действительности в случае законодательного закрытого перечня презумпция законодательного упущения неверно отражает суть метода правового регулирования при закрытых законодательных перечнях.

сомненно, должен подлежать непосредственному (прямому) обжалованию. Ввиду того, что на момент установления закрытого перечня судебных актов, подлежащих обжалованию, судебный акт типа «Д» не существовал, нет оснований полагать, что законодатель сознательно не включил судебный акт типа «Д» в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию. С учетом того что судебный акт типа «Д» по своей природе существенно ограничивает основные права человека, законодатель должен был также внести его в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию, однако не сделал этого, допустив законодательную ошибку. Невключение законодателем судебного акта категории «Д» в перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, создало последующий законодательный пробел вследствие законодательной ошибки.

Приведем реальный пример последующего законодательного пробела в закрытом перечне. Так, Суд Европейского Союза (ЕС), игнорируя положения учредительных документов о закрытом перечне объектов судебного контроля, расширил сферу своего контроля. Например, в 1980-х гг. французская экологическая партия подала иск в Суд ЕС с требованием признать решение Европейского парламента недействительным на том основании, что оно является дискриминационным по отношению к партиям. Судебное разбирательство было инициировано на основании статьи 173 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 25 марта 1957 г.), которая в период рассмотрения этого дела была сформулирована следующим образом: «Суд осуществляет надзор за законностью актов Комиссии и Совета...». Т. К. Хартли отмечает: «Это положение абсолютно понятно и не содержит упоминания об актах Парламента; тем не менее Суд постановил, что оно охватывает также акты Парламента. <...> Сообщество действует на основе принципа верховенства права, и акты как государств-членов, так и институтов Сообщества в целях обеспечения соответствия Договору являются объектом судебного контроля. <...> В Договоре ЕС не закреплены полномочия рассматривать акты Парламента, так как в период его составления Парламент не обладал полномочиями принимать

акты, способные затрагивать интересы третьих сторон. Акты Парламента не выступали объектом судебного контроля, это противоречит духу Договора. Таким образом, Суд вынес решение, что статья 173 охватывает акты Парламента. Логика такого решения абсолютно понятна: всё, что сделал Суд, это констатировал, что акты Парламента должны подвергаться пересмотру, следовательно, они ему и подвергаются»²⁴.

Из ситуации, описанной Т. К. Хартли, становится ясно, что в данном случае мы имеем дело с последующим пробелом в закрытом перечне, вызванным законодательной ошибкой, поскольку на момент составления Договора Европейский парламент не имел полномочий принимать акты, затрагивающие интересы третьих сторон, следовательно, не было оснований для включения его актов в закрытый перечень объектов судебного контроля. Такая необходимость возникла позже, но в Договор не было внесено никаких изменений. Кстати, Т. К. Хартли приходит к выводу, что имело место не толкование, а изменение права. Он отмечает: «Трудно представить более выразительный пример изменения права вместо его толкования»²⁵.

В данном случае Суд ЕС, несомненно, изменил предусмотренный Договором закрытый перечень объектов судебного контроля, т.е. право ЕС развивалось, однако на основе этого примера следует понять, по доктрине *extra legem* или *contra legem*. Т. К. Хартли, по сути, опроверг презумпцию сознательного молчания законодателя в закрытом перечне и заявил, что в закрытом списке объектов судебного контроля существует *последующий* пробел, обусловленный законодательной ошибкой (т.е. законодательным упущением), поэтому Суд ЕС осуществил развитие права по доктрине *extra legem*.

В закрытом перечне также возможен *первоначальный* законодательный пробел, вызванный законодательной ошибкой. Например, фактическими данными подтверждается, что законодатель явно хотел включить соответствующий элемент в закрытый перечень, но в окончательной версии закона (проекта) этот элемент не вошел в закрытый список по техническим причинам.

Презумпция сознательного молчания в закрытом списке может быть опровергнута основ-

²⁴ Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества : Введение в конституционное и административное право Европейского сообщества : пер. с англ. М. : Закон и право ; Будапешт, 1998. С. 90–91.

²⁵ Хартли Т. К. Указ. соч.

ными фактическими данными, вторичными источниками законодательных процессов, в частности обоснованиями законопроекта, протоколами парламентских слушаний.

Суды РА в основном не обсуждают вопрос о том, является ли невключение какого-либо элемента в закрытый перечень результатом упущения или сознательного молчания законодателя. Суды, не принимая во внимание специфику закрытого перечня (презумпцию сознательного молчания законодателя), как правило, квалифицируют невключение какого-либо элемента в закрытый перечень в общем виде как законодательный пробел, причем причина этого пробела, имеющая практическое значение, остается в тени. Например, решения суда первой инстанции РА об отклонении ходатайства о замене заключения под стражу залогом или о прекращении заключения под стражу (далее — судебный акт о непрекращении заключения под стражу) не были включены в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в апелляционном порядке (п. 4 ст. 376.1 УПК РА 1998 г.²⁶), что Конституционный суд РА просто квалифицировал как законодательный пробел. Так, Конституционный суд РА в постановлении от 06.11.2019 по делу УЧП-1487 указал: «В оспариваемом по данному делу пункте 4 ст. 376.1 УПК РА 1998 г. имеется **законодательный пробел**: отсутствует возможность непосредственного обжалования в апелляционном порядке решений об отклонении ходатайств об изменении или отмене ареста, избранного в качестве меры пресечения. Упомянутый законодательный пробел привел к формированию противоречивой правоприменительной практики (полужирный мой. — А. Г.)»²⁷.

Конституционный суд РА квалифицировал невключение судебного акта о непрекращении заключения под стражу в закрытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, как законодательный пробел, не уточнив, обусловлен ли этот пробел дефектом (недостатком) правового регулирования или волей законодателя. Другими словами, Конституционный суд РА не обсуждал вопрос о том, был ли этот пробел упущением или сознательным молчанием законодателя. Как уже отмечалось, различие

проявлений законодательного пробела (упущение или сознательное молчание законодателя) имеет практическое значение, поскольку Конституционный суд РА за два месяца до вынесения постановления от 06.11.2019 по делу УЧП-1487 в постановлении от 04.09.2019 по делу УЧП-1476 отметил, что законодательный пробел может стать предметом рассмотрения Конституционного суда в том случае, когда он является **недостатком** правового регулирования, а **не волей правотворческого органа** — законодателя — воздержаться от правового регулирования, воспринимаемого как законодательный пробел. После выражения подобной позиции Конституционный суд РА при рассмотрении любого дела, связанного с законодательным пробелом, чтобы выяснить вопрос о наличии у него полномочий (юрисдикции) на рассмотрение данного дела, должен эксплицитно (прямо и открыто) обсудить, относится ли законодательный пробел к упущению или к сознательному молчанию законодателя (к воле законодателя). В случае обхода этого вопроса он оставит в тени вопрос о наличии полномочий на рассмотрение данного дела.

Что касается случая невключения судебного акта о непрекращении содержания под стражей в перечень решений, подлежащих обжалованию, то, исходя из того факта, что Конституционный суд РА рассмотрел вопрос о конституционности законодательного пробела в п. 4 ст. 376.1 УПК РА 1998 г., можно сделать вывод, что Суд посчитал, что невключение судебного акта о непрекращении содержания под стражей в закрытый перечень судебных актов, подлежащих обжалованию в апелляционном порядке, является следствием дефекта (недостатка) правового регулирования (законодательного упущения). Если бы Конституционный суд РА признал этот законодательный пробел не следствием законодательного упущения, а проявлением воли законодателя, то ввиду позиции, выраженной им в постановлении по делу УЧП-1476, он не был бы правомочен рассматривать это дело.

Впрочем, вывод о законодательном упущении из сухого факта рассмотрения и разрешения Конституционным судом РА спора о законодательном пробеле не соответствует выдвинутому нами тезису о презумпции сознательного мол-

²⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения 1998 г. (ՅՕ-248) (утратил силу 1 июля 2022 г.) // Бюллетень Национального собрания. 1998.09.21/22(55).

²⁷ Постановление Конституционного суда РА от 06.11.2019 по делу УЧП-1487 // URL: <https://concourt.am/decision/decisions/sdv-1487.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

чания законодателя в закрытом перечне. Если бы Конституционный суд РА руководствовался презумпцией сознательного молчания законодателя в закрытом перечне, то для рассмотрения дела ему необходимо было бы установить, что существует законодательное упущение, т.е. он должен был бы опровергнуть презумпцию сознательного молчания в закрытом перечне. Если презумпция сознательного молчания законодателя в закрытом перечне не опровергается, то она продолжает действовать, а на практике это означает, что Конституционный суд РА, согласно спорной позиции, выраженной в постановлении по делу УГП-1476, не правомочен рассматривать конкретное дело, касающееся законодательного пробела, поскольку считается, что этот пробел обусловлен волей законодателя. Так, в вышеуказанном случае отсутствуют (насколько нам известно) фактические данные о том, что невключение судебного акта о прекращении заключения под стражу в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в апелляционном порядке (п. 4 ст. 376.1 УПК РА 1998 г.), является следствием ошибки, допущенной Национальным собранием РА (недостатком правового регулирования), следовательно, продолжает действовать презумпция сознательного молчания законодателя в закрытом перечне. То есть следует предположить, что Национальное собрание РА сознательно не внесло судебный акт о прекращении заключения под стражу в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию, в результате чего создало неконституционную ситуацию. Однако в случае такого подхода Конституционный суд РА не имел бы полномочий рассматривать данное дело.

3. Доктрина развития права *contra legem* при закрытых перечнях

На практике возможна ситуация, когда невключение какого-либо элемента в закрытый список

(неурегулирование отношений) создает гипернесправедливость (вопиющую несправедливость) или гипернелогичную ситуацию²⁸. Тогда суд, исходя из какого-либо принципа права, должен развивать право *contra legem*, т.е., вопреки закрытому перечню, «открыть» его и включить в него новый элемент. Дело в том, что из факта использования техники закрытого перечня следует вывод о том, что законодатель косвенно запрещает совершение юридических операций с элементами, не попавшими в закрытый список. Запрет на совершение юридических операций с элементами, не включенными в закрытый список, не является фактом: в реальности такой запрет не предусмотрен, просто из-за того, что список закрыт, предполагается, что законодатель установил такой запрет. В случае такого косвенного законодательного запрета суд развивает право *contra legem*, поскольку его решение противопоставляется предполагаемой воле законодателя не урегулировать данные отношения.

В российской судебной практике были случаи, когда суды «открывали» закрытый перечень, однако вышестоящие суды в основном отменяли судебные акты об «открытии» закрытых списков²⁹.

В армянской судебной практике также имеются случаи «открытия» судами закрытого перечня. Суды РА в отдельных случаях противопоставляли закрытому списку и, «открыв» этот перечень, включали в него новые элементы. Например, ранее мы представляли случаи, когда решения судов РА противопоставлялись закрытому перечню оснований прекращения уголовного преследования (прекращения уголовного производства), установленному процессуальным законом, и, «открыв» этот перечень, включили в него новое основание прекращения уголовного преследования, не предусмотренное законом³⁰. Теперь добавим еще несколько примеров, которые в основном касаются «открытия» закрытого перечня судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в апелляционном порядке.

²⁸ Вопиющую нелогичность или несправедливость законодательного регулирования, которую можно определить по формуле «четырнадцатилетнего ребенка», назовем гипернелогичностью или гипернесправедливостью. О формуле «четырнадцатилетнего ребенка» см.: Гамбарян А. С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права *contra legem* // Правовое применение. 2023. Т. 7. № 4. С. 15–24.

²⁹ Жуков Ф. Numerus clausus или numerus apertus? // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/numerusclausus-ili-numerus-apertus/> (дата обращения: 13.11.2024).

³⁰ Гамбарян А. С. Развитие уголовно-процессуального права Армении... С. 220–221.

В УПК РА 1998 г. был определен закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию в Апелляционном суде РА. Кассационный суд РА в отдельных случаях выступил против закрытого перечня актов, подлежащих обжалованию, и установил, что судебные акты, в отношении которых законом прямо не предусмотрено положение об обжаловании, могут быть обжалованы непосредственно в Апелляционный суд РА. Так, Кассационный суд РА обсудил правомерность обжалования в апелляционном порядке решения о прекращении процессуального статуса потерпевшего (правопреемника потерпевшего). В данном случае Апелляционный суд РА зафиксировал, что вынесенное судом первой инстанции решение «о прекращении процессуального статуса и отстранении от производства по делу» не включено в перечень судебных актов, подлежащих обжалованию (ст. 376.1 УПК РА 1998 г.), а затем пришел к выводу, что апелляционная жалоба подана на судебный акт, не подлежащий непосредственному обжалованию. В результате Апелляционный суд РА оставил апелляционную жалобу без рассмотрения. Кассационный суд РА не согласился с Апелляционным судом РА и отметил, что мотивировка того, что решение о прекращении процессуального статуса правопреемника потерпевшего не подлежит обжалованию, привела к такому ограничению права правопреемника потерпевшего на доступ к суду, в результате которого была нарушена сама суть упомянутого права. Кассационный суд РА в решении от 01.11.2016 указал: «...с учетом позитивного обязательства государства по защите прав потерпевшего (правопреемника потерпевшего), а также необходимости обеспечения реализации права последнего на доступ к суду решение суда о прекращении процессуального статуса потерпевшего (правопреемника потерпевшего) подлежит обжалованию в апелляционном порядке. <...> Ограничение права потерпевшего (правопреемника потерпевшего) на доступ к суду путем непредоставления возможности обжалования такого решения подрывает саму суть этого основного права, превращая последнее в иллюзорную идею» (уголовное дело № ԵԷԴ/0110/01/12)³¹.

В данной ситуации, исходя из презумпции сознательного молчания законодателя в случае закрытого перечня, можно отметить, что законодатель, не включив решение о прекращении процессуального статуса правопреемника потерпевшего в исчерпывающий перечень актов, подлежащих обжалованию, не желал, чтобы это решение подлежало непосредственному обжалованию в апелляционном порядке. Кассационный суд РА, основываясь на соответствующих принципах права, справедливо выступил против данного регулирования и, «открыв» закрытый перечень, внес в него новый вид судебного акта, подлежащего непосредственному обжалованию. При таком подходе можно утверждать, что Кассационный суд РА развивал уголовно-процессуальное право согласно доктрине *contra legem*.

Кассационный суд РА решением от 28.11.2024 по делу № ՉԿԴ/0044/15/24 фактически применил доктрину развития права *contra legem* и развил уголовно-процессуальное право вопреки исчерпывающему перечню судебных актов, подлежащих обжалованию в Апелляционном суде РА, предусмотренному статьей 389 УПК РА 2021 г. Кассационный суд РА фактически руководствовался доктриной развития права *contra legem*, поскольку «открыл» закрытый перечень, установленный статьей 389 УПК РА, и добавил к нему судебный акт Х³², принимая за основу принцип равенства сторон и состязательности, а также принцип обеспечения судебной защиты права собственности. Кассационный суд РА, «открывая» закрытый перечень по этому делу, сослался на принципы равенства сторон и состязательности, поскольку судебный акт об отказе в возбуждении производства в связи с ходатайством следователя о наложении ареста на имущество включен в список судебных актов, подлежащих обжалованию, в то время как судебный акт об отказе в возбуждении производства по ходатайству частного участника процесса по аналогичному вопросу отсутствует в перечне³³.

Суды РА по другому делу также развили право вопреки закрытому перечню. Так, в ч. 1 ст. 245 Налогового кодекса РА определен исчерпывающий перечень оснований для осво-

³¹ Решение Кассационного суда РА от 01.11.2016 по уголовному делу № ԵԷԴ/0110/01/12 // СПС DataLex.

³² Определение суда первой инстанции РА об отказе в возбуждении производства по делу в связи с ходатайством частного участника процесса о снятии ареста с имущества.

³³ Решение Кассационного суда РА от 28.11.2024 по уголовному делу № ՉԿԴ/0044/15/24 // СПС DataLex.

бождения от налога на транспортные средства (налога на имущество), однако в этом списке хищение транспортного средства в качестве основания для освобождения от налога на имущество не предусмотрено. Это означает, что если у человека украли автомобиль, то по закону он обязан продолжать платить налог на имущество.

В правоприменительной практике РА возник вопрос правомерности (разумности) уплаты владельцем налога на имущество в случае хищения автомобиля. Так, по факту хищения автомобиля у гражданина 29 декабря 2016 г. было возбуждено уголовное дело, однако в ходе предварительного следствия автомобиль и лицо (лица), совершившее преступление, не были обнаружены, а 17 ноября 2017 г. производство по уголовному делу было приостановлено. В 2019 г. городские власти уведомили владельца угнанного автомобиля о том, что он обязан платить налог на автомобиль. Владелец обратился к мэру Еревана и, представив документы, подтверждающие хищение автомобиля, попросил освободить его от обязанности платить налог на имущество. Хотя орган, осуществляющий административное производство, не возражал против представленных аргументов (вероятнее всего, участники производства также посчитали этот довод обоснованным), его заявление было отклонено. 16 июля 2019 г. решением № 1134-А главы административного района было предъявлено требование о взыскании суммы налога на имущество на том основании, что статьей 8 Закона РА «О налоге на имущество», действовавшего в тот период, прекращение обязанности по уплате налога на имущество в случае хищения транспортного средства не предусмотрено, а автомобиль, согласно информации, предоставленной полицией РА, зарегистрирован на имя данного гражданина, право собственности на него не прекращено, следовательно, автомобиль остается собственностью данного гражданина³⁴.

Гражданин в судебном порядке оспорил решение административного органа № 1134-А «О предъявлении требования о взыскании суммы налога на имущество». Административный суд РА решением от 24.03.2020

по административному делу № ЧГ/5879/05/19 признал административный акт о требовании налога на имущество недействительным по следующим основаниям: «Получается, что, хотя транспортное средство принадлежит истцу на праве собственности, оно как таковое носит формальный характер, поскольку последний объективно, по независящим от него причинам лишен возможности в полной мере осуществлять свое право собственности. <...> Субъективное право собственности — это юридически закрепленная возможность лица владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению в пределах, установленных законом. <...> В этом случае лицо объективно лишено права владения и пользования имуществом.

Таким образом, права владения и пользования, являющиеся основанием для возникновения субъективного права собственности, фактически не реализуются истцом еще с декабря 2016 г.; при таких обстоятельствах суд считает, что с того момента, как истец был лишен права владения и пользования транспортным средством, являющимся объектом налогообложения, налог на имущество не мог быть начислен.

Учитывая всё вышеизложенное, суд считает, что решение административного органа № 1134-А было принято в результате неправильного применения и неправильного толкования статьи 8 Закона РА «О налоге на имущество» и статьи 163 Гражданского кодекса РА»³⁵.

Хотя Административный суд РА отметил, что административный орган неправильно применил и истолковал ст. 8 Закона РА «О налоге на имущество» и ст. 163 Гражданского кодекса РА³⁶, очевидно, что данные законы не предусматривают фактического прекращения права собственности и освобождения от налога на имущество по факту хищения транспортного средства, поэтому административный орган не мог неправильно истолковать или применить эти нормы.

В данном случае требование административного органа об уплате налога на имущество было хотя законным, но не правомерным, поскольку противоречило принципам справедливости и разумности (Административный

³⁴ Закон Республики Армения от 31.01.1998 ЗР-187 «О налоге на имущество» // СДЗ РА. 1998. Т. 2.

³⁵ Решение Административного суда РА от 24.03.2020 по административному делу № ЧГ/5879/05/19 // СПС DataLex.

³⁶ Гражданский кодекс Республики Армения от 28.07.1998 НО-239 (вступил в силу с 01.01.1999) // ОВМИД РА. 1998.08.10/18(51) ; ՀՀԴՏ 1998.08.10/17(50).

суд РА в мотивировочной части акта не указал ни одного принципа права). Очевидно, что непредусмотрение в законодательных основаниях освобождения от налога на имущество хищения транспортного средства создает не только нелогичную (неразумную), но и крайне несправедливую ситуацию: государство, с одной стороны, не выполнило должным образом функции по предупреждению и раскрытию преступлений (похищенный автомобиль не был обнаружен и не был возвращен владельцу), а с другой — усердно требует от жертвы преступления уплаты налога на имущество за угнанный автомобиль.

Административный суд РА справедливо выступил против закрытого перечня законодательных оснований освобождения от налога на имущество и ввел еще одно основание — хищение транспортного средства.

Данная позиция Административного суда РА настолько разумна и справедлива, что ответчик не обжаловал ее. Более того, спустя несколько лет после решения Административного суда РА, в 2024 г., исполнительная власть РА инициировала процесс внесения законодательных изменений. Так, Министерство внутренних дел РА подготовило пакет законодательных изменений, который предусматривает дополнение перечня законодательных оснований освобождения от уплаты налога на имущество (ч. 1 ст. 245 Налогового кодекса РА) еще одним: выход имущества из владения собственника по причине преступления. Правительство РА одобрило этот законопроект³⁷. В обоснованиях законопроекта указано: «...дорожная полиция Министерства внутренних дел РА с установленной периодичностью передает органам местного самоуправления сведения о возникновении и прекращении права собственности на транспортные средства. В передаваемую информацию также включены сведения о транспортных средствах, в отношении которых органами предварительного следствия возбуждены уголовные дела по факту хищения, а их владельцы фактически лишены возможности распоряжаться, владеть и пользоваться своим имуществом.

Вышеуказанная проблема создает как минимум **несправедливую ситуацию** для данной категории собственников, поскольку с них необходимо взимать налог на имущество, которым они не владеют (полужирный мой. — А. Г.)».

Данная законодательная поправка фактически основана на аргументации Административного суда РА по делу № ЧГ/5879/05/19, но в отличие от Суда исполнительная власть РА сослалась на принцип справедливости. Разработка исполнительной властью законодательной политики на основе принципов права сама по себе приветствуется, однако мышление и принятие решений, основанные на принципах права, должны быть присущи в первую очередь судам.

Заключение

В случае молчания законодателя, чтобы различать типы развития права *contra legem* и *extra legem*, необходимо учитывать ряд обстоятельств, в частности, является ли неурегулированность отношений (законодательный пробел или молчание законодателя) следствием законодательной ошибки (законодательного упущения) или сознательного молчания законодателя (квалифицированного молчания). Если отсутствуют фактические данные о том, что законодатель сознательно не регламентировал отношения, то необходимо исходить из опровергаемой презумпции, что неурегулированность этих отношений стала следствием упущения (ошибки) законодателя. Презумпцию законодательного упущения можно опровергнуть, подтвердив факт сознательного молчания законодателя.

В условиях презумпции упущения (ошибки) законодателя этот пробел заполняется на основе доктрины развития права *extra legem*. Если фактическими данными опровергается презумпция законодательного упущения и подтверждается сознательное молчание законодателя, то суд в случае вопиющего противоречия сознательного молчания законодателя и принципов права решает вопрос на основе доктрины развития *contra legem*.

В случае законодательно закрытых списков действует презумпция не законодательного упущения, а сознательного молчания законодателя. В случае закрытого списка упущение законодателя, хотя и редко, возможно. Презумпция сознательного молчания законодателя может быть опровергнута, если фактические данные подтверждают наличие упущения законодателя.

³⁷ URL: <https://e-gov.am/sessions/>.

В случае закрытых списков ввиду презумпции сознательного молчания законодателя «открытие» закрытого списка и включение в него нового элемента на основе принципов права осуществляются согласно доктрине развития права *contra legem*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78. DOI: 10.17803/1729-5920.2008.13.1.075-078.

Васильев Ю. И. Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (постановка проблемы) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 227–230.

Гамбарян А. С. Правовые режимы молчания и фиктивных выводов, вытекающих из него // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 19–29. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.2.

Гамбарян А. С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права *contra legem* // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 4. С. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24.

Гамбарян А. С. Развитие уголовно-процессуального права Армении вне закона (*extra legem*) и вопреки закону (*contra legem*) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1. С. 206–224. DOI: 10.21638/spbu25.2024.114.

Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып. 2–3. Ереван, 2008. С. 70–246.

Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: социально-юридическое исследование. Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1900. 235 с.

Демин А. В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129–138. DOI: 10.17803/1729-5920.2012.65.2.129-138.

Жуков Ф. Numerus clausus или numerus apertus? // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/numerus-clausus-ili-numerus-apertus/>.

Кельзен Г. Чистое учение о праве : пер. с нем. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

Крупнова Т. Б. Пробельность в праве как продукт волеизъявления субъекта правотворчества // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 221–228. DOI: 10.18572/978-5-604-82534-2-2022-221-228.

Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юрид. лит., 1974. 184 с.

Лугинец Э. Ф. «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 705–709.

Молчание в праве (доктрина, практика и техника) : монография / под ред. А. С. Гамбаряна. М. : Юрлитинформ, 2021. 336 с. DOI: 10.38133/978-5-4396-0987-3-2021.

Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. 510 с.

Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, Инфра-М, 1999. 552 с.

Панченко В. Ю., Сабиров А. М. Квалифицированное молчание в правотворчестве и правовая культура правоприменения // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 427–432.

Сорокин В. В. Фундаментальная теория права : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 448 с. DOI: 10.7850/978-5-4396-0987-3-2020.

Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2002. 592 с.

Теория государства и права : учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. М. : Проспект, 2024. 696 с.

Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. А. Гамбаряна, М. Мурадяна. 4-е изд. Ереван : Лусабац, 2023. 476 с. (на армянском языке).

Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества : Введение в конституционное и административное право Европейского сообщества : пер. с англ. М. : Закон и право ; Будапешт, 1998. 648 с.

Чепенко Я. К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в свете практики Конституционного Суда Российской Федерации) : монография. М. : Проспект, 2022. 120 с. DOI: 10.31857/9785421912345.

Шафиров В. М. Теория права: человекоцентристский подход : научное, учебное, практико-ориентированное пособие. М. : Проспект, 2024. 464 с.

Roth B. H. Retaining the Hope That Rejection Promises: Why Sunbeam is a Light That Should Not Be Followed // *Emory Bankruptcy Developments Journal*. 2014. Vol. 30. Issue. 2. P. 530–582. DOI: 10.2139/ssrn.2345678.

REFERENCES

Baranov VM. The legislator's qualified silence as a general legal phenomenon (On the question of the nature and scope of the functioning of gaps in the law). *Gaps in Russian Legislation*. 2008;1:75-78. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2008.13.1.075-078.

Chepenko YaK. Legal Lacunae in the Constitutional Safeguarding Mechanism for Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation: In Light of the Constitutional Court's Case Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.). DOI: 10.31857/9785421912345.

Demin AV. The qualified silence of the law in the mechanism of tax-law regulation. *Zakon*. 2012;2:129-138. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2012.65.2.129-138.

Gambaryan A, Muradyan M, (eds). *Theory of the State and Law*. 4th ed. Yerevan: Lusabats Publ.; 2023. (In Armenian).

Gambaryan AS (ed.). *Silence in the Law: Doctrine, Practice, and Technique*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2021. (In Russ.). DOI: 10.38133/978-5-4396-0987-3-2021.

Gambaryan AS. Development of criminal procedure law of Armenia out of the law (*extra legem*) and contrary to the law (*contra legem*). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2024;1:206-224. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2024.113.

Gambaryan AS. Legal Regimes of Silence and Fictitious Conclusions Arising from It. *Journal of Russian Law*. 2019;12:19-29. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2019.12.2.

Gambaryan AS. The principle of legality and the provision «the judge is subject to the law» in the context of the doctrine of the development of law *contra legem*. *Pravoprименение [Law Enforcement Review]*. 2023;7(4):15-24. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).15-24.

General Report of the 14th Congress of the Conference of European Constitutional Courts (Vilnius, June 3–6, 2008). *Vestnik Konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoy demokratii [Bulletin of the Conference of Constitutional Control Bodies of Young Democracies]*. 2008;2-3:70-246. (In Russ.).

Gredeskul NA. On the doctrine of the exercise of law. The intellectual process required for the exercise of law: a socio-legal study. Kharkov: Adolf Darre Publishing House; 1900. (In Russ.).

Hartly TK. *Fundamentals of European Unity Law: An Introduction to Constitutional and Administrative Law*. Moscow: Zakon i pravo Publ.; 1998. (In Russ.).

Kelzen G. *The Pure Theory of Law*. 2nd ed. St. Petersburg: Alef-Press Publ.; 2015. (In Russ.).

Krupnova TB. Gaps in the law as a product of a lawmaker's expression of will. In: Pashentsev DA, Zaloilo MV (eds.). *Gaps in Law in the Context of Digitalization: A Collection of Scholarly Papers*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2022. P. 221–228. (In Russ.). DOI: 10.18572/978-5-604-82534-2-2022-221-228.

Lazarev VV. *Gaps in the Law and Ways to Address Them*. Moscow: Yurid. Lit. Publ.; 1974. (In Russ.).

Luginets EF. «Qualified Silence of the Legislator» as One of the Cultural Preconditions for the Effectiveness of Law Enforcement in the Judicial Process. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Techniques]*. 2016;10:705-709. (In Russ.).

Morozova LA. *Theory of the State and Law*. 4th ed. Moscow: Eksmo Publ.; 2010. (In Russ.).

Nersesyants BS. *General Theory of the State and Law*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 1999. (In Russ.).

Panchenko VYu, Sabirov AM. Qualified Silence in Legislative Drafting and the Legal Culture of Law Application. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Techniques]*. 2016;10:427-432. (In Russ.).

Roth BH. Retaining the Hope That Rejection Promises: Why Sunbeam is a Light That Should Not Be Followed. *Emory Bankruptcy Developments Journal*. 2014;30(2):530-582. DOI: 10.2139/ssrn.2345678.

Shafirov VM. *Theory of Law: A Human-Centered (Person-Centered) Approach — Scholarly Textbook and Practical Guide*. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

Sorokin VV. Fundamental theory of law. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2020. (In Russ.). DOI: 10.7850/978-5-4396-0987-3-2020.

Syrykh VM. Theory of the State and Law. 2nd ed. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2002. (In Russ.).

Vasiliev Yul. The legislator's qualified silence as a general legal phenomenon (problem statement). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015;1(29):227-230. (In Russ.).

Zhukov F. Numerus clausus or numerus apertus? Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/numerus-clausus-ili-numerus-apertus/> (Accessed 13.11.2024). (In Russ.).

Zhukov VN, Frolova EA (eds.). Theory of the State and Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета, профессор кафедры права Академии государственного управления Республики Армения
д. 123, Овсепя Эмина ул., г. Ереван 0051, Республика Армения
artur.ghambaryan@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artur S. Gambaryan, Dr. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Republic of Armenia; Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Russian-Armenian University; Professor, Department of Law, Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia
artur.ghambaryan@gmail.com

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 19 мая 2025 г.

Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 17.04.2024.

Revised 19.05.2025.

Accepted 15.12.2025.

Трудовой договор и трудовые отношения: особенности правового закрепления и проблемы правоприменения

Резюме. В статье проанализированы особенности законодательного закрепления понятия и обязательных условий трудового договора. Обосновывается тезис о том, что действующее законодательство не устанавливает в понятии трудового договора ни одного обязательного признака, без внесения которого его нельзя заключить и по которому его можно отличить от гражданско-правовых договоров, заключаемых с целью использования труда человека. Обосновывается также нецелесообразность и даже вредность, в том числе для экономической безопасности государства, законодательного закрепления возможности суда признавать трудовыми надлежащим образом оформленные гражданско-правовые договоры. Показаны негативные последствия для защиты прав и законных интересов работников закрепления в ст. 309.2 ТК РФ права многочисленных микропредприятий и некоммерческих организаций не принимать локальные нормативные акты, а все условия трудовых отношений вносить в трудовой договор. Обосновывается негативное влияние на статистику трудовых споров по поводу наличия трудовых отношений положения ст. 16 ТК РФ о возникновении трудовых отношений на основании фактического допуска работника к работе с ведома или по поручению работодателя. Предложены пути решения вышеуказанных проблем в законодательстве и практике его применения и сформулированы понятия «трудовой договор» и «трудовые отношения», которые целесообразно предусмотреть в ТК РФ. Предлагается также исключить из Кодекса ст. 19.1 и отдельные части ст. 11, 15, 16 и 67.

Ключевые слова: трудовой договор; обязательные условия; признание гражданско-правовых договоров трудовыми; защита трудовых прав; защита гражданских прав; трудовые правоотношения; работники микропредприятий; статистика судебных споров; проблемы трудового законодательства; эффективность законодательства; эффективность правоприменения

Для цитирования: Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В. Трудовой договор и трудовые отношения: особенности правового закрепления и проблемы правоприменения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 37–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.037-052

Employment Contract and Labor Relations: Specific Features of Legal Regulation and Issues of Law Enforcement

Alexander A. Lyubchik
Olga G. Minkova
Nina V. Shcherbakova
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the legislative features of defining the concept and mandatory provisions of the employment contract. It substantiates the thesis that current legislation does not incorporate into the definition of an employment contract any mandatory characteristic without which such a contract cannot be concluded, and by which it can be distinguished from civil-law contracts entered into for the purpose of utilizing human labor. It further argues that legislatively granting courts the authority to recognize duly executed civil-law contracts as employment contracts is both impractical and detrimental, including to the economic security of the state. The article demonstrates the negative consequences for the protection of employees' rights and lawful interests arising from the provision in Article 309.2 of the Labor Code of the Russian Federation, which allows numerous micro-enterprises and non-profit organizations to refrain from adopting local normative acts and instead incorporate all terms of employment into the employment contract itself. The authors substantiate the adverse effect on labor dispute statistics (regarding the existence of employment relationships) of the provision in Article 16 of the Labor Code recognizing the emergence of such relationships based on the employee's actual admission to work with the employer's awareness or on the employer's instruction. The paper proposes legislative and practical solutions to the aforementioned issues and provides definitions of an *employment contract* and *employment relationship* that should be incorporated into the Labor Code of the Russian Federation. It further recommends the removal from the Labor Code of Article 19.1 and certain parts of Articles 11, 15, 16, and 67.

Keywords: employment contract; mandatory provisions; recognition of civil-law contracts as employment contracts; protection of labor rights; protection of civil rights; employment relationships; employees of micro-enterprises; statistics on judicial disputes; challenges in labor legislation; effectiveness of legislation; effectiveness of law enforcement and application

Cite as: Lyubchik AA, Minkova OG, Shcherbakova NV. Employment Contract and Labor Relations: Specific Features of Legal Regulation and Issues of Law Enforcement. *Lex russica*. 2026;79(1):37-52. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.037-052

Введение

Значение для каждого человека, который своим трудом создает материальную базу своего существования, конституционных гарантий, установленных в ст. 37 Конституции РФ, и гарантий, предусмотренных ТК РФ, трудно переоценить. Большая часть взрослого населения РФ является участниками трудовых отношений и имеет возможность воспользоваться их преимуществами: условиями труда, отвечающими требованиям безопасности и гигиены; вознаграждением за труд без дискриминации; зарплатой не ниже минимального размера оплаты труда; защитой от безработицы; правом на оплачиваемый отпуск и другие виды времени отдыха; нормированием труда и рабочим временем, регулируемым с учетом интересов работников; оплатой больничных листов; особым порядком и условиями расторжения трудовых отношений;

ущающейся материальной ответственностью и многим другим. Пропуском в мир таких человекоориентированных социальных правоотношений является трудовой договор.

Несмотря на существующие в ст. 15 и 56 ТК РФ легальные формулировки трудового договора и трудовых отношений, не все граждане, стремящиеся участвовать в трудовых отношениях, получают заветный пропуск в такие отношения. Судебные споры по искам работников к работодателям с требованиями о признании их отношений трудовыми не редкость. В свою очередь, сами суды и иные правоприменительные органы (прокуратура, Государственная инспекция труда Федеральной службы по труду и занятости (Роструда) и др.) также не имеют единого подхода к определению различий между трудовыми и гражданско-правовыми договорами и отношениями. Научные подходы к сущности и признакам указанных понятий также разнятся

ся. Вышеперечисленные проблемы возникают из-за того, что названные законодательные формулировки устарели и не отвечают уровню развития самих трудовых отношений, условиям, в которых они возникают, длятся и прекращаются. Эти проблемы также наслаиваются на законодательные расхождения в регулировании трудовых отношений и общую тенденцию к уменьшению социальной защищенности работников в содержании принимаемых нормативных правовых актов. Общей задачей правотворческих, правоприменительных органов, а также научного сообщества является минимизация проблем, возникающих в отношениях между человеком труда и субъектом, который его нанимает.

Рассматриваемым в данной статье вопросам посвящены работы такие отечественные ученые, как А. Л. Анисимов, И. И. Андриановская, А. В. Буянова, Е. А. Ершова, О. В. Мацкевич, Ю. П. Орловский, И. М. Осипов, А. Н. Приженникова и др. Однако актуальными продолжают оставаться теоретические проблемы регулирования понятия и порядка заключения трудового договора, особенностей трудовых отношений и порядка участия в них.

Законодательные проблемы в сфере труда и их последствия

Нередко работники, продолжительное время добросовестно выполняющие работу по договору с физическим или юридическим лицом, сталкиваются с ситуацией, когда они еще должны доказывать, что находятся в трудовых отношениях и что заключали именно трудовой договор. Причин может быть две: во-первых, работодатель не оформил с работником трудовой договор и фактически допустил работника к выполнению трудовой функции (но работник об этом знает); во-вторых, работодатель оформил трудовой договор в одном экземпляре, а впоследствии фактически не включил работника в штат сотрудников, не платит за него налоги и страховые платежи (работник об этом не знает).

Оба указанных действия работодателя противоправны и охватываются диспозицией п. 4 ст. 5.27 КоАП РФ. Очевидно, что таким образом государство стремится стимулировать недобросовестных работодателей надлежащим образом выполнять требования ст. 16 и 67 ТК РФ для за-

щиты трудовых прав работников. В части 3 ст. 16 закрепляется такое основание возникновения трудовых отношений, как допуск работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя в случае, если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом. В продолжение указанного положения часть 2 ст. 67 ТК РФ обязывает работодателя в таком случае оформить трудовой договор не позднее трех дней с момента такого допуска к работе. Как видим, статьи стоят на страже интересов работодателя, стимулируя его вернуться в правовое поле, даже в случае, если он допустил работника к работе без оформления трудового договора.

Впрочем, нужно признать, что указанная статья *фактически легализует бездоговорный режим использования труда работника*, что создает условия для появления у последнего проблем в отношениях с недобросовестным работодателем. Поверив на слово, работник приступает к работе без надлежащего оформления трудового договора. Срок заключения последнего работодатель может достаточно долго затягивать под различными благовидными предложениями в своих интересах (заболел он сам, заболел или в отпуске работник кадровой службы, необходимость сдать отчеты за месяц, квартал и т.д.). Работник всегда является экономически слабой стороной в трудовых отношениях и не позволяет себе настаивать на своих трудовых правах, всегда склонен продолжать ждать момента, когда работодатель соизволит заключить с ним трудовой договор.

Нередко такие ситуации нечистоплотные работодатели используют для привлечения к труду молодых людей (студентов, учащихся школ) в организациях общественного питания, торговле и т.д. в период летних каникул. Используя труд таких работников месяц или два, работодатели «увольняют» их за разбитую посуду, разговоры во время работы, опоздание на смену и др., нередко оставляя без соответствующих выплат. Применяется такая схема и с более опытными, но доверчивыми или юридически «слабыми» работниками. Далеко не все работники способны отстаивать свои права, в том числе в суде. По официальным данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2023 г. 11 % россиян получали неофициальную зарплату¹. Преиму-

¹ Выйти из тени, или Мониторинг «серых» зарплат // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vyiti-iz-teni-ili-monitoring-serykh-zarplat> (дата обращения: 29.12.2024).

щественно такие зарплаты получают неоформленные работники. Очевидно, что анализируемые положения ч. 3 ст. 16 и ч. 2 ст. 67 ТК РФ создают одну из лазеек для работодателя, проверка деятельности которого выявила факты использования труда работников без оформления трудового договора. Работодатели всегда могут сослаться на то, что только на днях приняли работника, и тем самым обеспечить себе нахождение в правовом поле. А иное уже нужно доказывать контролирующим органам, что нелегко и затратно по времени.

Что касается способности и желания россиян защищать свои трудовые права, то, по сведениям ВЦИОМ, при возникновении трудовых споров за защитой своих прав только 6 % россиян обращались в суд². Суды — это дорого, долго и юридически непросто. Однако нужно отметить, что, согласно официальной статистике, суды оказывают максимальную поддержку тем немногим работникам, которые решили отстаивать там свои права.

В 2023 г. в России было рассмотрено 111 417 гражданских дел по спорам, вытекающим из трудовых правоотношений, в 95 346 из них иски были удовлетворены (85,6 %). Общая сумма взыскания составила 10 678 357 000 руб.³ При этом дел о взыскании невыплаченной заработной платы и других выплат было 67 156, из них положительные решения приняты в 63 186, взысканная сумма — 6 447 483 000 руб.⁴ Цифры наглядно показывают: работникам есть что защищать от недобросовестных работодателей. Трудно даже представить реальную сумму честно заработанных и потерянных работниками в результате незаконных действий недобросовестных работодателей средств.

Попробуем задать себе вопрос, кому выгодна закрепленная в ст. 16 и 67 ТК РФ легализация использования труда без оформления договора (пусть даже в течение трех дней). Ответ очевидный: не работнику. Впоследствии, при возникновении разбирательств по жалобам (искам) работников о признании периодов времени, проработанных без надлежащего оформления, обязанность доказывать факт нарушения законодательства работодателем лежит на работ-

нике. Такой порядок вещей работнику не нужен и, по нашему мнению, должен быть изменен.

Кроме того, очевидно, что законодатель формулировал положения ст. 16 и 67 ТК РФ с целью облегчить жизнь законопослушным и добросовестным работодателям, которые в потоке производственных дел могут не успевать вовремя организовать правильное оформление трудовых отношений с работником. Но в государстве не все такие работодатели, кто-то же платит 11 % россиянам деньги в конверте, кто-то же доводит сотни тысяч дел по трудовым спорам до судов (не считая жалоб в Государственную инспекцию труда, прокуратуру и другие правоохранительные органы) и в большей части проигрывает их.

Другими словами, сегодня произвол работодателей легализован, и можно, не оформляя договор, а значит, пропустив все остальные процедуры допуска, вступить в трудовые отношения. При этом бремя доказывания того, с ведома работодателя или без его ведома работник приступил к работе (дворник, например, или работник по озеленению), в таком случае ляжет на самого работника.

По нашему мнению, когда встречаются добросовестный работник и такой же работодатель, то сначала нужно оформить трудовой договор, в котором четко указать его название, цель вступления именно в трудовые отношения, провести инструктаж по технике безопасности, обеспечить работника всем необходимым для работы, определить ему рабочее место, создать условия труда в соответствии с трудовым законодательством, и только после этого работодатель имеет право использовать труд человека. Работник и работодатель должны «на берегу», при заключении договора, указать, какой именно они договор имеют в виду и каких последствий от него ждут.

Работники микропредприятий: проблемы в трудовых отношениях

У работника государственного или муниципального предприятия, учреждения, имеющего

² Трудовые права: кто на страже? // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-prava-kto-na-strazhe> (дата обращения: 29.12.2024).

³ Гражданское судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. 2024 г. // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/21/s/0> (дата обращения: 29.12.2024).

⁴ Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел. 2024 г. // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 29.12.2024).

локальные нормативные акты, коллективный трудовой договор, которыми урегулированы особенности трудовых отношений, первичную профсоюзную организацию, больше шансов доказать факт работы без оформления трудового договора. Совсем другое дело — многочисленные физические лица (в том числе индивидуальные предприниматели), микропредприятия и некоммерческие организации, в которых возможности работника что-то доказать существенно ограничены.

Согласно ст. 309.2 ТК РФ указанные работодатели вообще могут отказаться от принятия локальных нормативных актов, в том числе правил внутреннего трудового распорядка (ВТР), положений об оплате труда, графика сменности и др. В таком случае все права и обязанности сторон трудовых отношений должны регулироваться трудовым договором.

Указанные положения ст. 309.2 были внесены в ТК РФ Федеральным законом от 29.12.2020 № 477-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»⁵. Реальные последствия от введения таких изменений еще предстоит анализировать, однако уже сейчас можно утверждать, что данные положения не являются шагом навстречу эффективности защиты трудовых прав работников. С учетом количества трудовых споров, ежегодно рассматриваемых судами, количества недобросовестных работодателей, экономической слабости работников в трудовых отношениях необходимо создавать правовые условия для того, чтобы работник не оставался один на один с более опытным и экономически сильным работодателем при согласовании условий трудового договора.

Сегодня указанные положения ст. 309.2 ТК РФ ограничивают право миллионов работников использовать удобные, легко проверяемые

контрольными (надзорными) органами и, главное, правильно юридически оформленные, не противоречащие законодательству источники трудового права, на которые работники могут ссылаться при необходимости.

На наш взгляд, история регулирования трудовых отношений в Российской Федерации после принятия указанного Закона будет делиться на до и после. Факт принятия положений ст. 309.2 ТК РФ на сегодня не получил широкого отклика в науке трудового права, однако его значение со временем станет революционным в ней и в одноименной отрасли права. Указанная статья создает негативные условия для эффективной защиты прав трудящихся, а также для обеспечения надлежащего уровня экономической и даже национальной безопасности Российской Федерации.

Согласно ст. 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»⁶ к микропредприятиям относятся хозяйственные общества, хозяйственные товарищества и партнерства, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, потребительские кооперативы, индивидуальные предприниматели, которые соответствуют условиям, указанным в ч. 1.1 ст. 4 Закона. Этим условиям перечисляется более десятка, и одним из них является среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год, которая составляет не более 15 человек.

Чтобы представить себе количество работников, на которых распространяется статья 309.2 ТК РФ, укажем количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, на 25 декабря 2024 г. (см. таблицу)⁷.

Сумма среднесписочной численности работников (чел.)

	Всего	Юридические лица	Индивидуальные предприниматели
Всего	6 508 316	2 235 353	4 272 963
Микропредприятия	6 259 706	2 019 960	4 239 746
Малые предприятия	227 631	194 946	32 685
Средние предприятия	20 979	20 447	532

⁵ СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 16.

⁶ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 29.05.2024 № 115-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

⁷ Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Официальный сайт Федераль-

Нужно помнить, что локальные нормативные акты ранее принимались путем согласования интересов сторон, поиска компромиссов между этими интересами, проведения коллективных переговоров, контроля со стороны профсоюзов за тем, чтобы они не ущемляли права работников. Очевидно, что, оставшись один, работник не сможет так же эффективно защищать свои трудовые права при составлении трудового договора.

Учитывая, что, по информации Федеральной службы государственной статистики, численность наемных работников, работающих на основании трудового договора, в 2023 г. составляла 65 647 000 человек⁸, можно утверждать, что каждый десятый работник сегодня потенциально находится в трудовых отношениях, в которых только трудовой договор содержит права и обязанности его сторон, которые у других работодателей закреплены в локальных нормативных актах.

Каждый, кто открывал такие документы, как правила ВТР, коллективный договор, положение о заработной плате, понимает: всё то, что там находится, невозможно вместить в один трудовой договор. Да и не стремятся к этому указанные работодатели. Мы не видим и не увидим в будущем трудовых договоров на несколько десятков листов. Согласно ст. 309.2 ТК РФ указанные работодатели при отсутствии локальных нормативных актов трудовые договоры заключают на основе типовой формы трудового договора, утвержденной постановлением Правительства РФ от 27.08.2016 № 858⁹. Однако многие ли физические лица — предприниматели смогут (захотят) вместить в эту форму реальные особенности, ведь договор всегда можно сформулировать общими фразами. Так, например:

— пункт 9.1.10 указанной типовой формы содержит такие строки: «При достижении соглашения о внесении записи в трудовую книжку работник предоставляет трудовую книжку

работодателю (лично / направляет ее по почте заказным письмом с уведомлением)»;

— подпункт «а» п. 12 указывает: «Работодатель имеет право:

а) изменять и расторгать настоящий трудовой договор в порядке и на условиях, которые установлены Кодексом, иными федеральными законами, настоящим трудовым договором...».

В первом примере типовая форма не учитывает, что согласно ст. 66 ТК РФ работодатель (кроме физических лиц, не зарегистрированных как ИП) ведет на каждого работника трудовые книжки, если он проработал свыше пяти дней и работа для него является основной. Недобросовестный работодатель, не заполнивший п. 9.1.10, всегда сможет сослаться на отсутствие договоренности по ведению трудовой книжки либо на тот факт, что книжка фактически не была ему передана работником. Работник всегда заинтересован в том, чтобы у него была запись в трудовой книжке, следовательно, такая запись должна быть априори, и указывать в типовой форме, что это происходит только по договоренности, — значит подыгрывать недобросовестному работодателю, тем более что согласно ст. 66 ТК РФ это его обязанность.

Во втором примере типовая форма не учитывает положения статьи 77 ТК РФ, которая указывает, что трудовой договор прекращается по основаниям, предусмотренным в Кодексе или в других федеральных законах. Поэтому упоминание, что трудовой договор может быть расторгнут по основаниям, предусмотренным в нем самом, — это ущемление одного из основополагающих прав работника на законодательно установленные основания для увольнения. Недобросовестный работодатель не упустит возможности прямо в договоре указать свои основания его расторжения.

Можно приводить и другие противоречия, но и этого достаточно, чтобы понять, что нечестному работодателю статья 309.2 ТК РФ и выше-

ной налоговой службы. 10.12.2024. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=2&fo=&ssrf=> (дата обращения: 29.12.2024).

⁸ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 : статистический сборник / Росстат. М., 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 29.12.2024). С. 48.

⁹ Типовая форма трудового договора, заключаемого между работником и работодателем — субъектом малого предпринимательства, который относится к микропредприятиям, и работником и работодателем — некоммерческой организацией (утв. постановлением Правительства РФ от 27.08.2016 № 858 (с изм. от 15.11.2019, 10.07.2020, 19.04.2021) // СЗ РФ. 2016. № 36. Ст. 5414.

указанная типовая форма предоставляют все возможности проявить недобросовестность и не нести за это ответственность.

Нужно отметить, что согласно ст. 312 ТК РФ с работниками-надомниками расторжение трудового договора производится на основании условий, предусмотренных трудовым договором. Данная статья также перечеркивает право данной категории работников на применение к ним обоснованных и защищенных процедурами и основаниями для увольнения согласно ст. 77 ТК РФ вариантов расторжения трудового договора. Другими словами, какие основания «продавит» работодатель при заключении трудового договора, те и будут применяться. Такая же тенденция ущемления трудовых прав прослеживается и в отношении работников микропредприятий. На наш взгляд, научная общественность и правотворческие органы должны с еще большим вниманием отнестись к тому, чтобы этот «пилотный проект» по снижению социальной защищенности отдельных категорий трудящихся не стал общей тенденцией изменения трудового законодательства.

Всё вышеперечисленное позволяет констатировать, что трудовое право постепенно теряет позиции перед предпринимательским и дальнейшее его изменение по тому же вектору может серьезно ослабить социальную защищенность работников, что, в свою очередь, может стать негативным фактором в обеспечении экономической безопасности всего государства.

Проблемные вопросы оснований возникновения и признаков трудового договора

По нашему мнению, вышеуказанные проблемы работников, работодателей, правоприменительных и правозащитных органов, которые эти проблемы вынуждены отслеживать, рассматривать и принимать по ним непростые решения, основаны на несовершенстве правового регулирования особенностей возникновения трудовых отношений и закрепления в ст. 56 ТК РФ понятия трудового договора.

Рассмотрим для начала содержание ст. 11 ТК РФ, согласно которой если отношения, свя-

занные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, то они могут быть признаны судом трудовыми отношениями. В продолжение этого положения статья 19.1 Кодекса указывает, что субъектами признания отношений трудовыми являются 1) лицо, использующее личный труд и являющееся заказчиком по указанному договору; 2) суд.

Эти положения говорят о том, что судья, который не присутствовал при заключении гражданско-правового договора, наделен полномочиями установить, что между его сторонами возникли не гражданско-правовые, а трудовые отношения. А также логично предположить то, что суд должен найти в указанном договоре признаки трудового договора.

Правоведы — специалисты по гражданскому праву скажут, что это невозможно. У каждого договора есть цель, существенные условия, форма, субъектный состав, обязательные реквизиты, способы и средства исполнения, способы контроля, приемки и оценки предмета договора, способы обеспечения исполнения обязательств, основания прекращения. Из любого гражданско-правового договора возникают именно гражданско-правовые отношения и никогда не возникают трудовые — это аксиома. Поэтому суд не должен иметь право изменять однажды принятое и законно оформленное решение двух субъектов гражданского права. На эти вопросы мы находим ответ в правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в п. 2.2 определения от 19.05.2009 № 597-О-О¹⁰. Конституционный Суд РФ обосновывает действие п. 4 ст. 11 ТК РФ целью предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей, фактами заключения против намерения работника вместо трудовых гражданско-правовых договоров, направленностью на обеспечение баланса конституционных прав сторон трудового договора, а также защитой прав работника как экономически более слабой стороны.

Цель очень важная, и ее достижение будет способствовать решению задач и осуществлению функций России как социального государства. Однако достижению любых, даже самых важных и значимых, целей должны способствовать правильно выбранные средства и на-

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91448/ (дата обращения: 29.12.2024).

правления их достижения. Главным критерием правильности правовых средств и направлений является эффективная правоприменительная и иная правореализационная деятельность. В нашем случае в сфере разграничения трудового и гражданско-правового договоров. Что же мы видим в этой сфере на сегодняшний день? Не только работники и работодатели часто не могут определиться, в каких они отношениях находятся и какой договор они заключили, но и суды далеко не всегда в этом могут разобраться.

Обратимся к правоприменительной практике. Так, в определении Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 2-КГ22-10-КЗ¹¹ на кассационную жалобу Л. В. Здравцовоной было установлено, что гражданка обратилась в Череповецкий городской суд Вологодской области с иском к ООО «Сервис и Сети» о признании гражданско-правового договора трудовым. Истец просил суд:

— признать заключенный 25 февраля 2020 г. договор на выполнение работ трудовым договором, установить датой официального увольнения дату вступления в силу решения суда;

— взыскать задолженность по заработной плате за период с 1 сентября 2020 г. по 14 января 2021 г., а также компенсацию за неиспользованный отпуск, за задержку выплат, возложить обязанность внести сведения о работе в трудовую книжку, компенсировать моральный вред.

Судебное разбирательство по указанному делу прошло следующие этапы.

1. Решение Череповецкого городского суда о признании трудовыми отношениями Л. В. Здравцовоной и ее работодателя за период с 25 февраля 2020 г. по 27 января 2021 г. и удовлетворении на 90 % ее иных требований.

2. Апелляционная инстанция признала трудовыми отношения в период с 25 февраля 2020 г. по 7 октября 2020 г., пятикратно уменьшив сумму задолженности по заработной плате, частично удовлетворив ее иные требования.

3. Кассационная инстанция от 29.09.2021 *апелляционное определение отменила, дело направила на новое апелляционное рассмотрение.*

4. Новым апелляционным определением от 27.01.2022 *решение суда первой инстанции*

отменено, по делу принято новое решение, которым искивые требования Л. В. Здравцовоной оставлены без удовлетворения.

5. Новым определением кассационной инстанции от 01.06.2022 *апелляционное определение от 27.01.2022 оставлено без изменения.*

6. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ *находит кассационную жалобу Л. В. Здравцовоной (об отмене апелляционного определения от 27.01.2022 и определения кассационной инстанции от 01.06.2022 как незаконных) подлежащей удовлетворению и дело направляет на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции — Вологодский областной суд.*

Другими словами, городской суд с требованиями в большей части согласился, апелляционная инстанция уменьшила период признанных трудовыми отношений почти в два раза, а невыплаченную зарплату — в пять раз, кассационная инстанция отменила решение апелляционной инстанции. Второе решение по делу апелляционная инстанция принимает совершенно противоположное своему же решению и решению суда первой инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменяет постановления апелляционной и кассационной инстанций и направляет дело (уже в третий раз) в апелляционную инстанцию. Сколько длился этот процесс и когда закончился, неизвестно, но очевидно, что сама работница и все, кто будет знать о таком многоликом трудовом договоре и трудовых отношениях, никогда не обратятся в суд за защитой подобных прав.

При наличии такой практики правоприменения можно сделать определенные выводы о ее эффективности:

— гражданка Л. В. Здравцова для защиты своих прав прошла долгий и затратный путь вследствие противоречивых и непоследовательных норм трудового законодательства;

— такое состояние трудового законодательства, регулирующего понятия «трудовой договор» и «трудовые отношения», не способствует выполнению социальной функции государством и не соответствует тем целям, которые Конституционный Суд РФ сформулировал в вышеуказанном определении от 19.05.2009 № 597-О-О;

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 2-КГ22-10-КЗ (УИД 35RS0001-02-2020-005290-96) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749794#tRFXD8VQJduTBwdQ1> (дата обращения: 29.12.2024).

— необходимо совершенствовать указанное законодательство.

Для этого нужно пристально и скрупулезно проанализировать ст. 56 и 57 ТК РФ. Разобьем ст. 56 ТК РФ на составные части и получим, что трудовой договор — это:

1. «...*Соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции...*».

Согласно ст. 57 ТК РФ трудовой функцией могут быть а) работа по должности в соответствии со штатным расписанием; профессии, специальности с указанием квалификации; б) конкретный вид поручаемой работнику работы. Штатное расписание, согласно постановлению Госкомстата России от 05.01.2004 № 1 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты»¹², — это унифицированная форма первичной учетной документации по учету труда и его оплаты. В соответствии с письмом Федеральной службы по труду и занятости от 15.05.2014 № ПГ/4653-6-1 штатное расписание включает структурные подразделения, наименование должностей, специальностей и профессий с указанием квалификации, информацию о количестве штатных единиц, а значит, является локальным нормативным актом организации¹³.

Но в результате действия ст. 309.2 ТК РФ более 6,5 млн работников микропредприятий и некоммерческих организаций могут вообще не встретить у работодателя ни одного локального нормативного акта. Более того, в том же письме указывается, что любые работодатели не обязаны знакомить работников со штатным расписанием, что на практике и происходит.

Кроме того, согласно письму Федеральной службы по труду и занятости от 21.01.2014 № ПГ/13229-6-1¹⁴ порядок составления штат-

ного расписания законодательством не определен, но «должность в трудовом договоре с работником следует указывать в строгом соответствии со штатным расписанием, а принятие работника на должность, не включенную в штатное расписание, недопустимо». В письме также отмечается, что отсутствие должностей в штатном расписании затрудняет сокращение численности или штата работников и может быть основанием для привлечения работодателя к ответственности по ст. 5.27 КоАП РФ.

Получается, для одних работников штатного расписания нет вообще, других с ним работодатели не обязаны знакомить. То есть на стадии заключения трудового договора выявить его обязательный признак работник не сможет. Более того, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15¹⁵ такой признак вообще теряет значение обязательного юридического признака трудового договора в связи с тем, что «суды должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст. 15 и 56 ТК РФ...».

Другими словами, указано, что вообще неважно, есть штатное расписание или его нет, внесена в него должность (профессия) работника или нет, даже неважно, какой договор заключили! Суд сам будет определять, какой это договор и какие это отношения. И такая позиция Верховного Суда РФ коррелирует со статьей 57 ТК РФ, в которой указано, что не является основанием для признания трудового договора незаключенным (или его расторжения) невключение в него любых сведений и (или) условий из ч. 1 и 2 настоящей статьи.

Вышеуказанное свидетельствует, что позиция законодателя не выглядит убедительной и однозначной в определении обязательных

¹² Бюллетень Минтруда России. 2004. № 5.

¹³ Письмо Роструда от 15.05.2014 № ПГ/4653-6-1 «О праве работодателя знакомить работников со штатным расписанием при приеме на работу» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70561098/> (дата обращения: 29.12.2024).

¹⁴ Письмо Роструда от 21.01.2014 № ПГ/13229-6-1 «О соответствии должности, профессии и специальности, указанных в трудовом договоре, штатному расписанию организации» // URL: <https://base.garant.ru/70577416/> (дата обращения: 29.12.2024).

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7. С. 10–17.

признаков трудового договора: с одной стороны, статьи 56 и 57 ТК РФ вносят признак определенности трудовой функции через штатное расписание в само его определение (и этим руководствуется трудовая инспекция, штрафуя работодателя), с другой — согласно ст. 67 ТК РФ даже не оформленный в письменном виде трудовой договор является заключенным, если работник с ведома или по поручению работодателя (или его уполномоченного на это представителя) приступил к работе (и этим руководствуется Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29.05.2018 № 15).

Если под трудовой функцией подразумевать второй вариант, указанный в ст. 57 ТК РФ, — «конкретный вид поручаемой работнику работы», то тогда как именно этот признак будет отличать трудовой договор от договора подряда или возмездного оказания услуг?

Поэтому как работники, так и правоприменители, основываясь на выделенной нами первой части дефиниции трудового договора, не всегда могут определить, какой договор заключили стороны.

2. «...Обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением».

Данная часть определения трудового договора просто делает отсылку к действующему законодательству (в том числе локальным нормативным правовым актам), которое регулирует трудовые отношения. При этом задача ст. 56 ТК РФ не перечислять те нормативные правовые акты и соглашения, которые будут регламентировать трудовые отношения в будущем (после заключения трудового договора), а указать, какие обязательные признаки должны быть у самого трудового договора.

3. «...Своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату...».

Эта часть определения трудового договора ничем не отличает его от гражданско-правовых договоров, которые также могут предусматривать ежемесячные или другие систематические платежи. Кроме того, существует сдельная оплата труда по трудовому договору, где работник передает результат своего труда и

получает зарплату именно за этот результат, как и в договоре подряда.

4. «...А работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя».

Последняя часть определения вновь говорит о трудовой функции, некорректность закрепления которой мы уже обсудили. Личное выполнение работы вполне возможное, а часто и обязательное, условие также договора подряда.

Управление и контроль работодателя никак не добавляют трудовому договору идентичности. Так, согласно ст. 715 ГК РФ заказчик может в любое время проверить ход и качество работы, которую выполняет подрядчик, но не вмешиваясь в его деятельность. В случае медленного исполнения или несвоевременного начала работы заказчик может отказаться от реализации своих обязательств. При очевидности невыполнения работы в срок заказчик может назначить дополнительный срок подрядчику и при невыполнении работы перепоручить ее и взыскать убытки.

Содержание этой статьи свидетельствует о том, что заказчик обладает контрольными функциями, причем эти функции всегда могут быть расширены в договорном порядке. Так, в соответствии с п. 3 ст. 703 ГК РФ подрядчик самостоятельно определяет способы выполнения задания заказчика, если иное не предусмотрено договором. Добавим, что к понятию «управление» сегодня нет единообразного подхода в науке, о чем свидетельствуют научные исследования¹⁶, отсутствует и законодательное закрепление этого понятия. Если это так, то эти признаки также не являются отличительными для трудового договора.

Что касается правил внутреннего трудового распорядка, то, как было указано выше, более 6,5 млн работников трудятся в условиях, когда правила ВТР вообще могут не приниматься. А по договору подряда заказчик вполне может настоять на условиях, при которых подрядчик должен выполнять работу в рабочее время, установленное на предприятии заказчика. Так, любые работы на территории заказчика всегда осуществляются только в рабочее время, потом предприятие закрывается и сдается под охрану.

¹⁶ Любчик А. А., Мавлиханова Р. В. Проблемы юридической техники как фактор сдерживания интеграции новых регионов в правовое поле России // Российский юридический журнал. 2024. № 2 (155). С. 72–81.

При таких условиях отделить трудовой договор от договора подряда по этому признаку невозможно.

Анализ ст. 56 ТК РФ показывает, что она не содержит ни одного отличительного и обязательного признака, по которому сам работник или правоприменительный орган смогут сделать однозначный вывод о том, что два юридически равных субъекта заключили именно трудовой договор. Поэтому вся тяжесть попыток защиты прав экономически более слабой стороны трудовых отношений легла на правоприменительные органы, в основном суды. Отсюда такие разные подходы к определению трудовых отношений и трудового договора в судебных решениях, от чего страдают не только работники и работодатели, но и субъекты, которые заключили именно гражданско-правовой договор, но впоследствии исполнителю помогли прочесть ст. 11 и 19.1 ТК РФ и он вспомнил, что намеревался заключить именно трудовой договор.

Нужно вникнуть и в положение добросовестной стороны гражданско-правового договора, которой суд может назначить выплату зарплаты контрагенту по договору за время вынужденного прогула (если суд признает договор трудовым), принудить завести (или заполнить) трудовую книжку и, соответственно, оплатить взносы за такого работника в социальный фонд, оплатить административный штраф за ненадлежащее оформление трудового договора, быть ответственной перед налоговыми органами за сокрытие объекта налогообложения в виде зарплаты работника, компенсировать моральный, а может и материальный, ущерб, который возмещается в трудовых отношениях.

От таких действий недобросовестных граждан (нет сомнения, что и таких окажется немало) и их последствий законодательные формулировки также должны страховать. С таким субъектом права может вступить в гражданско-правовые отношения такой же гражданин, но который решил заняться предпринимательством и получил соответствующий статус. Права такого субъекта также подлежат защите. Однако это сделать очень сложно с учетом того, что часть 3 ст. 19.1 ТК РФ указывает: «Неустраняемые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора,

трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений».

Другими словами, если есть юридически правильно оформленный договор (например, подряда), но подрядчик через время решил просить суд признать его трудовым договором, более того, есть неустраняемые сомнения в основаниях для таких требований, то суд может признать такой договор трудовым. Данное правило противоречит основным началам гражданского законодательства, указанным в ст. 1 ГК РФ. Эта статья закрепляет принципы равенства участников гражданских отношений, свободы договора, свободы установления прав и обязанностей в нем и определения любых условий договора, которые не противоречат законодательству.

Чтобы считаться работником в смысле трудового законодательства, необходимо заключить именно трудовой, но не гражданско-правовой договор, о котором говорит часть 3 ст. 19.1 ТК РФ. Судебная практика изобилует примерами, когда одна сторона гражданско-правового договора, проработав несколько месяцев (или даже лет), а иногда и после окончания гражданско-правового договора, обращается в суд за признанием сложившихся отношений трудовыми. Так, И. И. Андриановская описывает пример из судебной практики Сахалинского областного суда: С. работал дворником в «Санта Ризот Отеле» по договору возмездного оказания услуг, заключенному на срок шесть месяцев. После истечения срока действия договора С. обратился в суд с просьбой восстановить его на работе и признать их бывшие отношения со стороны договора трудовыми. Суды первой и второй инстанции поддержали искивые требования С.¹⁷

Другой пример автора связан с обращением в суд К. с иском к АОЗТ «Ареопаг ЭКС ЛТД» о внесении в трудовую книжку записи о приеме на работу в качестве главного специалиста. Ответчик пояснил, что с К. был заключен договор гражданско-правового характера. Тверским межмуниципальным судом Центрального административного округа г. Москвы и судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда искивые требования не были поддержаны. Верховный Суд РФ указанные судебные постановления отменил, отправив дело на новое рассмотрение¹⁸.

¹⁷ Андриановская И. И. Трудовой договор : учеб. пособие. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2012. С. 18.

¹⁸ Андриановская И. И. Указ. соч. С. 17–18.

Очевидно, что суды не могут понять, а тем более единообразно применять, замысел законодателя в вопросе пересмотра решений двух дееспособных субъектов о том, какой ими был заключен договор. Сегодня не только предприниматели, но и просто физические лица могут быть работодателями и заключать трудовые договоры, нужно усовершенствовать нормы трудового права, которые регулируют понятие, содержание и порядок заключения трудового договора, в соответствии с наступившими реалиями.

Ныне действующие нормы противоречивы и непоследовательны, что создает трудности в их понимании и применении. Так, И. И. Андриановская указывает: «Первая группа условий (обязательные) — это такие условия, при отсутствии которых трудовой договор не может считаться заключенным. Иными словами, трудовые отношения не могут возникнуть, если эти условия не оговорены сторонами и не включены в трудовой договор... Они все названы в ч. 2 ст. 57 ТК РФ»¹⁹.

Да, статья 57 ТК РФ называет эти условия обязательными, но не вкладывает в них тот смысл, который предопределяет такое название. В этой же статье указывается, что если в трудовой договор не были включены сведения и (или) условия, предусмотренные в ч. 1 и 2, то это не является основанием для признания трудового договора незаключенным или его расторжения.

Другими словами, можно включать «обязательные» условия в трудовой договор или нет, можно заключать договор гражданско-правового характера или не заключать, а просто допустить работника к работе — всё равно суды могут признать трудовыми такие договоры и отношения.

Ситуация с правовым регулированием понятия трудового договора приводит к непозволительно свободной его интерпретации исследователями. Так, указывается: «Трудовой договор, как известно, — это соглашение между работником и работодателем, согласно которому работник обязуется выполнять предусмотрен-

ную данным соглашением работу, *подчиняясь работодательской власти*, а работодатель обязуется создать условия для выполнения работы и выплачивать оговоренное соглашением вознаграждение за труд»²⁰. Во-первых, не просто работу, а чем-то обусловленную (ст. 56 ТК РФ). Во-вторых, нет такого термина в ст. 56 ТК РФ, да и во всем законодательстве вообще. В-третьих, не просто условия должен создать работодатель, а предусмотренные в той же статье 56 Кодекса.

Нередко по поводу отличий трудового договора от гражданско-правового публично высказываются и представители правоприменительных органов. Так, прокурор разъясняет, что предметом гражданско-правового договора служит конечный результат труда, например построенное или отремонтированное здание, доставленный груз, выполненные работы, а предметом трудового — личное выполнение работником трудовой функции за плату по должности в соответствии со штатным расписанием, профессией и специальностью²¹. Трудно будет прокурору ответить работнику микропредприятия, который придет к нему с жалобой на ущемление своих трудовых прав в связи с невключением его в штат работодателя. Также сложно это будет сделать в отношении работника с личным грузовым автомобилем, намеревавшегося заключить трудовой договор со сдельной оплатой труда за каждый рейс, если работодатель через время будет утверждать, что это был гражданско-правовой договор, так как «на доставку груза можно заключить только такой договор».

Сравнивая трудовые отношения с гражданско-правовыми, А. Л. Анисимов указывает, что сам процесс труда является предметом трудового правоотношения, во втором случае — сам *продукт труда*. Но уже на следующей странице отмечает, что вознаграждение в трудовых отношениях осуществляется *за живой затраченный труд и его результаты*, во втором случае оплачивается только результат деятельности: выполненные услуги, изготовленные товары и др.²² Отметим, что в трудовых отношениях

¹⁹ Андриановская И. И. Указ. соч. С. 10.

²⁰ Филипова И. А. Европейское трудовое право : учеб. пособие. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2019. С. 24–25.

²¹ Трудовой договор и гражданско-правовой договор. Как их отличить? // Официальный сайт прокуратуры Нижегородской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_52/activity/legal-education/explain?item=67378210 (дата обращения: 29.12.2024).

²² Анисимов А. Л. Основания возникновения трудовых отношений и их юридическое толкование // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 82–83.

принято выделять их объект (а вот в договорах, в том числе и трудовом, выделяют предмет договора). Нужно также помнить, что при заключении договора на возмездное оказание услуг предметом является не результат, а процесс труда.

С. В. Колобова и Ю. С. Сергеенко указывают, что в сфере трудового права объектом правоотношений являются *результаты трудовой деятельности*, а именно социально-экономические блага, которые удовлетворяют требованиям работодателя и работника²³. Другие ученые обосновывают мнение о том, что объект трудовых отношений — *это благо*, в связи с которым возникает трудовое правоотношение, а также подчеркивают, что трудовое законодательство *объектом трудовых отношений называет наемный труд работника*, т.е. личное, возмездное выполнение им трудовой функции²⁴. Отметим, что авторы не приводят статью, в которой такой тезис закрепляется. Есть также точка зрения, что в качестве объекта выступают *способность работника к труду, его знания, навыки, умения*²⁵.

Получается, что объектом правоотношений могут называть результаты трудовой деятельности; сам наемный труд работника; саму способность работника к труду. Как видим, мнения ученых противоречивы и не всегда стыкуются даже с законодательством. Нет в науке и единства понимания сущности предмета трудового договора. Так, одни ученые указывают, что предмет трудового договора — это *рабочая сила* конкретного человека. Она определяется *совокупностью его физических и духовных способностей*²⁶. Другие указывают, что *живой труд* выступает предметом трудового договора²⁷. Но рабочая сила — это способность трудиться, а живой труд — это непосредственно процесс применения рабочей силы.

По нашему мнению, во-первых, *предметом трудового договора* являются взаимные

действия работника и работодателя, которые они обязуются выполнять согласно трудовому законодательству, локальным нормативным актам и соглашениям, трудовому договору. Почему нужно выделять только одни из них и не вспоминать про другие, не совсем понятно. Во-вторых, сам процесс труда часто не интересует работодателя, например при сдельной оплате труда, при домашней работе, во многих случаях при дистанционной работе и др.

Есть авторы, которые считают неисполнением гражданско-правового договора «ситуацию, когда есть работа, но отсутствует результат»²⁸. Какой же тогда результат предполагается и как его оценить при заключении договоров на оказание таких услуг, как массаж, развлекательные шоу (например, с ростовыми фигурами), присмотр за малолетними или больными людьми и др.? Никакого конкретного результата в этих случаях не будет, необходимо просто выполнять определенные договором функции, и если массаж не поможет здоровью и даже не будет приятным, если дети не развеселятся, а больной просто в это время умрет от болезни, то услуги всё равно должны быть оплачены.

Трудно не согласиться с И. М. Оспичевым в том, что сегодня регламентация труда работников в ТК РФ значительно отстает от реальных правоотношений²⁹.

Отметим, что порядок признания отношений, возникших на основе гражданско-правового договора, трудовыми (на который ссылается статья 11 ТК РФ) по факту отсутствует. Лишь в ст. 19.1 ТК РФ указано, что такое признание может осуществить 1) заказчик по заявлению физического лица — исполнителя и (или) по не обжалованному в суде предписанию госинспектора труда; 2) суд.

Очевидно, что указание на субъекты принятия решения и поводы для рассмотрения дела не может называться порядком. Для любого порядка необходимо указание на аргументы и

²³ Колобова С. В., Сергеенко Ю. С. Трудовое право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2018. С. 83.

²⁴ Мацкевич О. В., Приженникова А. Н., Буянова А. В. Трудовое право : учебник для бакалавриата. М. : Прометей, 2022.

²⁵ Шуралева С. В. Трудовое право России : учеб. пособие / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. С. 50.

²⁶ Мацкевич О. В., Приженникова А. Н., Буянова А. В. Указ. соч. С. 164.

²⁷ Андриановская И. И. Указ. соч. С. 7.

²⁸ Трудовое право России : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. П. Орловский. М. : Юрайт, 2014. С. 351.

²⁹ Оспичев И. М. Проблемы действия трудовых договоров и пути их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 2.

средства доказывания, их форму и приоритетную значимость для суда. Ничего из этого не предусмотрено в законодательстве. Более того, в ст. 15 ТК РФ понятие «трудовые отношения» сформулировано как простое следствие внесения в трудовой договор условий, указанных в ст. 56 ТК РФ. А как мы убедились, анализируя выше категорию «трудовой договор», ее формулировка не называет ни одного его отличительного и обязательного условия, без которого он не может быть заключен и которое бы отличалось от условий, применяемых в гражданско-правовых договорах.

Заключение

Сформулируем пути решения вышеуказанных проблем, сложившихся в трудовом законодательстве и практике его применения. На наш взгляд, указанные в этой статье противоречия и проблемы можно устранить путем закрепления в ст. 56 ТК РФ следующего: *«Трудовой договор — это зарегистрированное в порядке, установленном в законодательстве, письменное соглашение работника и работодателя, имеющее определенный учетный номер с обязательным указанием его названия, цели установления между ними именно трудовых отношений, содержания порученной работы, которую работник обязуется выполнять лично, условий ее выполнения и оплаты».*

Отметим, что давно пора регистрировать (процедура должна быть простой и быстрой) трудовой договор с помощью информационно-телекоммуникационных сетей в органах Роструда и предоставлять работодателю конкретный номер для каждого трудового договора. Необходимо на законодательном уровне утвердить бланк трудового договора и в самом бланке предусмотреть, кроме подписей сторон (которые можно легко подделать), графу, в которой работник должен собственноручно написать, что ему понятны условия трудового договора № ... и он дает согласие на вступление в трудовые отношения с указанным работодателем.

Таким образом, закрепляется совокупность обязательных условий трудового договора, без которой он не может быть заключен и которая будет существенно его отличать от гражданско-правовых договоров. Все остальные условия являются обычными, так как они регулируются трудовым законодательством, локальными

нормативными актами, соглашениями (их можно не вносить в трудовой договор), или дополнительными, которые указываются в конкретном трудовом договоре.

Такая формулировка понятия трудового договора убирает самый негативный фактор, влияющий на дальнейшее возможное возникновение спорной ситуации по поводу сущности заключенного договора. Только если прямо в нем будут указаны название и цель договора, номер договора и будет содержаться собственноручно написанный текст, это будет трудовой договор.

На приведение законодательства и практики его применения к предложенному варианту будет потрачено ресурсов во много раз меньше, чем на многотысячные судебные процессы, несистемные действия других правоприменительных органов, потерянные честно заработанные средства работников и работодателей, последствия необъективных решений указанных органов. А главное, мы сможем действительно справедливо устанавливать правовой статус сторон трудовых отношений, и споров по этому поводу станет во много раз меньше. Не суды должны исправлять законодательные пробелы и противоречия, а законодателю необходимо построить прозрачную и понятную систему вхождения в трудовые отношения и выхода из них.

Кроме того, определение трудовых отношений целесообразно в ст. 15 ТК РФ сформулировать как *«отношения, возникающие между работником и работодателем на основании заключения ими трудового договора. На такие отношения распространяются трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, коллективный договор и соглашения, локальные нормативные акты, трудовой договор. Трудовые отношения не возникают из гражданско-правовых договоров».* Важно отметить, что трудовой договор должен быть единственным основанием их возникновения, и никакой суд для этого будет не нужен.

В статье 16 ТК РФ необходимо отменить ч. 3, тем самым устраняя порядок трудоустройства без заключения трудового договора, когда возникновение трудовых отношений аргументируется лишь допуском работника к работе. По этой же причине в ст. 67 ТК РФ отменить ч. 2.

Статью 19.1 целесообразно исключить из ТК РФ. Суд не должен изменять сущность договора, надлежащим образом заключен-

ного двумя субъектами. Из статьи 11 ТК РФ необходимо убрать ч. 2 и 4, отменив при этом возможность распространения трудового законодательства на отношения, возникшие на основании гражданско-правовых договоров.

Дальнейшие исследования в данном направлении предлагаем направить на адаптацию действующего законодательства к указанным в выводе предложениям по его совершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андриановская И. И. Трудовой договор : учеб. пособие. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2012. 156 с.
- Анисимов А. Л. Основания возникновения трудовых отношений и их юридическое толкование // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 80–90.
- Колобова С. В., Сергеев Ю. С. Трудовое право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2018. 404 с.
- Любчик А. А., Мавлиханова Р. В. Проблемы юридической техники как фактор сдерживания интеграции новых регионов в правовое поле России // Российский юридический журнал. 2024. № 2 (155). С. 72–81.
- Мацкевич О. В., Приженникова А. Н., Буянова А. В. Трудовое право : учебник для бакалавриата. М. : Прометей, 2022. 570 с.
- Оспичев И. М. Проблемы действия трудовых договоров и пути их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 132–136.
- Трудовое право России : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. П. Орловский. М. : Юрайт, 2014. 854 с.
- Филипова И. А. Европейское трудовое право : учеб. пособие. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2019. 79 с.
- Шуралева С. В. Трудовое право России : учеб. пособие. Пермь, 2020. 144 с.

REFERENCES

- Andrianovskaya II. Employment Contract. Yuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU [Sakhalin State University Publ.]; 2012. (In Russ.).
- Anisimov AL. Grounds for the Emergence of Labor Relations and Their Legal Interpretation. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2010;4:80-90. (In Russ.).
- Filippova IA. European Employment Law. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ.; 2019. (In Russ.).
- Kolobova SV, Sergeenko YuS. Employment Law of Russia. 2nd ed. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2018. (In Russ.).
- Lyubchik A, Mavlikhanova R. Problems of legal technique as a factor inhibiting integration of new regions into the legal field of Russia. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2024;2:72-81. (In Russ.). DOI: 10.34076/20713797_2024_2_72.
- Matskevich OV, Prizhennikova AN, Buyanova AV. Labor Law. Moscow: Prometej Publ.; 2022. (In Russ.).
- Orlovskiy YuP (ed.). Employment Law of Russia. Moscow: Yurait Publ.; 2014. (In Russ.).
- Ospichev IM. Problems of Employment Contracts and their Solutions. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2020;3:132-136. (In Russ.).
- Shuraleva SV. Employment Law of Russia. Perm; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любчик Александр Антонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публично-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета д. 18, Богдана Хмельницкого пр., г. Мелитополь 272312, Российская Федерация lyubchikaa@mail.ru

Минкова Ольга Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Мелитопольского государственного университета д. 18, Богдана Хмельницкого пр., г. Мелитополь 272312, Российская Федерация minkovaolgaurist@yandex.ru

Щербакова Нина Владимировна, кандидат философских наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, заместитель декана по научно-исследовательской работе Мелитопольского государственного университета
д. 18, Богдана Хмельницкого пр., г. Мелитополь 272312, Российская Федерация
nina.shcherbakova.2505@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Lyubchik, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Public Law Disciplines, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation
lyubchikaa@mail.ru

Olga G. Minkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation
minkovaolgaurist@yandex.ru

Nina V. Shcherbakova, Cand. Sci. (Philosophy), Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Deputy Dean for Research, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation
nina.shcherbakova.2505@bk.ru

*Материал поступил в редакцию 1 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 20 января 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.*

*Received 01.01.2025.
Revised 20.01.2025.
Accepted 15.12.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.053-064

М. Н. Малеина

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовой статус сиамских близнецов

Резюме. В статье обосновывается правовое положение сиамских близнецов как двух самостоятельных субъектов права, исходя из подхода законодателя к оценке жизни человека как жизни (функционирования) его головного мозга. Разделение несовершеннолетних сросшихся близнецов допускается с согласия их родителей. Однако медицинская организация или прокурор могут заявить в суд требование о проведении операции в целях спасения жизни детей, не учитывая волю и желание законного представителя. При достижении 18 лет решение о проведении операции по разделению или об отказе от таковой могут принимать только оба близнеца, поскольку это затрагивает одновременно жизнь и здоровье обоих. Обосновывается, что в связи с полной или частичной утратой способности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обучаться по совместному письменному заявлению двух совершеннолетних соединенных близнецов органом опеки и попечительства над ними может быть установлен патронаж и могут быть назначены два помощника. Предлагается внесение в ГК РФ отдельной статьи, в которой будут предусмотрены особенности реализации неимущественных и имущественных прав соединенных близнецов. Анализируются семейные права и обязанности сиамских близнецов, касающиеся опекунов, вступления в брак, рождения детей с учетом современных достижений медицины. В статье раскрываются отдельные элементы уголовно-правового и уголовно-процессуального статусов сиамских близнецов. Последствия совершения преступления одним или обоими сиамскими близнецами должны определяться на основе типа сращивания близнецов, а также с учетом того, есть ли сознание у каждого близнеца.

Ключевые слова: сиамские близнецы; сросшиеся близнецы; порок развития; врожденная аномалия; инвалид; медицинское вмешательство; правосубъектность; правовой статус; правоспособность; субъект права; медицинские технологии

Для цитирования: Малеина М. Н. Правовой статус сиамских близнецов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 53–64. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.053-064

The Legal Status of Conjoined Twins

Marina N. Maleina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article substantiates the legal status of conjoined twins as two independent subjects of law, based on the legislative approach that defines human life in terms of the life (functioning) of the brain. The separation of minor conjoined twins is permissible with the consent of their parents. However, a medical organization or the prosecutor may petition the court to authorize surgery for saving the children's lives, disregarding the will or wishes of the legal representatives. Upon reaching the age of eighteen, the decision to undergo separation surgery or to refuse it may be made only jointly by both twins; as such, a decision simultaneously affects the life and health of each. The author argues that, due to the complete or partial loss of the ability to perform self-care, move independently, or pursue education, the guardianship and trusteeship authority may, upon a joint written application by both adult conjoined twins, establish patronage over them and appoint two assistants. The paper proposes the inclusion in the Civil Code of the Russian Federation of a separate provision specifying the particularities of exercising both non-property and property rights of conjoined twins. The analysis encompasses family rights and obligations of conjoined twins in relation to guardianship, marriage, and childbirth, taking

© Малеина М. Н., 2026

into account current advances in medicine. The paper also addresses certain elements of the criminal-law and criminal-procedural status of conjoined twins. The determination of the consequences of a criminal offense committed by one or both conjoined twins must be based on the type of bodily connection between them and on whether each twin possesses individual consciousness.

Keywords: conjoined twins; joined twins; congenital malformation; congenital anomaly; person with a disability; medical intervention; legal personhood; legal status; legal capacity; legal subject; medical technologies

Cite as: Maleina MN. The Legal Status of Conjoined Twins. *Lex russica*. 2026;79(1):53-64. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.053-064

Введение

В 1811 г. в Сиаме (современный Таиланд) родились сросшиеся близнецы Чанг и Энг Банкер (Chang and Eng Bunker). Большую часть жизни они провели в США, зарабатывая в балаганах. Предположительно их известность предопределила название данного феномена — «сиамские близнецы».

Согласно Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (10-й пересмотр, МКБ-10, версия 2.27 от 02.09.2024)¹, сросшаяся двойня относится к группе врожденных аномалий.

В одном из программных государственных документов — Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г.² — к наиболее значимым вызовам национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан относится рост числа детей-инвалидов (п. 24). По материалам исследования Винницкого национального медицинского университета имени Н.И. Пирогова, частота рождения с таким пороком колеблется от 1 на 50 тыс. до 1 на 200 тыс. новорожденных³. Последовательной национальной и международной статистики по количеству подобных рождений и их причинам не имеется.

В Указе Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»⁴ среди основных направлений государственной политики названо «формирование

условий для активного участия детей, в том числе детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, в жизни общества» (п. 28, 30). Такая постановка вопроса подчеркивает актуальность формирования специального правового статуса сиамских близнецов.

Подготовленное исследование является межотраслевым, поскольку для разных отраслей права должен быть единым подход к пониманию сиамских близнецов как субъектов права, в том числе к решению вопросов о моменте возникновения их правоспособности, о разделении в случае неизбежной смерти одного из них, об ответственности в случае причинении ими (одним из них) вреда и пр. Между тем однозначное решение части данных проблем возможно только после получения ответов от представителей медицинской науки и практики.

О содержании категории «сиамские близнецы»

Под сиамскими близнецами понимаются сросшиеся новорожденные, а в дальнейшем и взрослые люди, имеющие общие отдельные части тела, внутренние органы, ткани и системы (кровеносную, пищеварительную, репродуктивную, мочевыделительную). Однако варианты сращивания⁵ частей тела и внутренних органов сиамских близнецов разнообразны.

В юридической литературе было осторожно высказано соображение о том, что «удобнее

¹ URL: <https://nsi.rosminzdrav.ru/dictionaries/1.2.643.5.1.13.13.11.1005/passport/2.27> (дата обращения: 15.03.2025).

² Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2927.

³ Школьников В. С., Тихолаз В. А., Гуминский Ю. Й. Структурная организация продолговатого и спинного мозга сиамских близнецов // Проблемы здоровья и экологии. 2014. № 2. С. 129.

⁴ СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

⁵ Различаются следующие типы сиамских близнецов:

- дицефалы (имеющие две головы, одно туловище и две, три или четыре руки);
- краниопаги (сросшиеся черепами, но имеющие отдельные туловища);

признавать их (сросшихся близнецов) единым субъектом, по крайней мере в отношениях с третьими лицами. Возможно, и правда есть смысл задуматься об особом коллективном статусе единого тела...»⁶. Но проблема не в том, как удобнее законодателю и правоприменителю «подключить» имеющиеся нормы к статусу близнецов, а в том, как прежде всего осознают себя сами такие близнецы и их окружение. В философской литературе также ставился вопрос о том, «сколько индивидов проживает в сиамских близнецах», «присутствует ли в этих монструозных телах одна душа или две». По мнению испанского теолога Хуана де Уольоа (Joannes de Ulloa), однозначного решения не имеется, а ответ зависит от выбранных критериев⁷.

Согласно п. 1, 2 ст. 66 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁸ «моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека)»; «смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной

вентиляции легких». Исходя из этих положений законодательства каждый человек считается живым, пока функционирует его мозг. Соответственно, можно утверждать, что наличие двух голов (даже при одном теле) с действующим, полностью сформированным, автономным мозгом у неразделенных близнецов означает признание законодателем двух субъектов права. С этой позицией надо согласиться, поскольку каждый из близнецов является отдельной личностью, имеет волю, желания, влечения, характер, привычки, вкусы, подвержен определенным заболеваниям. По достижении 14 лет проживающие в Российской Федерации сиамские близнецы получают два паспорта, имеют отдельные документы об образовании, справки об инвалидности, медицинские карты⁹.

Сложность вызывает ситуация, когда происходит соединение головного мозга. Так, у близнецов Лори и Дори Шаппелл (Lori and Dorie Schappell) из США были частично сросшиеся черепа, общие жизненно важные кровеносные сосуды и 30 % мозга (лобная и теменная доли)¹⁰. Врачи полагают, что у краниопагов мозг может быть общим или только частично слившимся¹¹.

- цефалопаги (имеют сросшиеся головы и верхнюю часть туловища);
- торакопаги (срастание тел в области грудной клетки);
- омфалопаги (срастание в нижней части грудной клетки; сердце не затронуто, но часто имеется общая печень, пищеварительный тракт, диафрагма, репродуктивная система и другие органы);
- ишиопаги (переднее соединение нижних частей тела и со сросшимися позвоночниками, развернутыми на 180 градусов друг к другу);
- илиопаги (срастание в подвздошных областях, спиной к спине, включая ягодицы).

См.: Рувики. Российская онлайн-энциклопедия. URL: <https://ru.ruwiki.ru/assistant/01K2HRWXW9DPTS8QD6EEF1T5BZ> (дата обращения: 13.08.2025).

⁶ Криворучко Я. А. Некоторые аспекты нетрадиционной правосубъектности. Сиамские близнецы // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 7. Ч. 6 (63). С. 86.

⁷ См.: Вдовина Г. В. Бог, ангелы и сиамские близнецы: теологические и антропологические приложения постсредневековой схоластической психологии // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 39.

⁸ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁹ В ГОСТ Р ИСО 13606-1-2011 «Национальный стандарт Российской Федерации. Информатизация здоровья. Передача электронных медицинских карт. Часть 1. Базовая модель» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 25.10.2011 № 488-ст) по поводу сиамских близнецов имеется одно замечание: «...если ЭМК (электронные медицинские карты. — М. М.) ведутся отдельно для каждого близнеца, то представляется логичным и безопасным иметь копии соответствующих композиций COMPOSITION, а не создавать связи между выписками из медицинских карт, которые системы-получатели могут и не суметь безопасно обработать». Из этого в контексте предыдущего абзаца ГОСТа о картах плода при многоплодной беременности следует, что до рождения допускается ведение либо двух отдельных карт, либо одной общей карты для сиамских близнецов.

¹⁰ Акимова Е. Скончались самые старые в мире сиамские близнецы // URL: <https://liferbc.ru/news/661d13ba9a794706d2147bb9> (дата обращения: 25.02.2025).

¹¹ Мусатова Е. В., Колобов А. В. Сиамские близнецы — история и сегодняшний день // Медицина. XXI век. 2008. № 3. С. 39.

Еще одна имевшая место ситуация, когда у сестер Эбигейл и Бриттани Хансел (Abigail and Brittany Hansel) из США было одно тело и две головы, но при этом они имели соединенный таламус — часть мозга, которая осуществляет первичную обработку зрительных, слуховых и вкусовых сигналов. По мнению отдельных юристов, у них «в сущности, почти общий мозг», «процесс мышления, эмоциональных реакций и память для них были общими...», «значит, оба близнеца, в случае совершения ими общественно опасного деяния, должны быть признаны виновными»¹². Видимо, в двух вышеуказанных ситуациях биологи, генетики, психологи, врачи могут дать ответ на вопрос о том, является ли мышление каждого близнеца самостоятельным или нет. Об автономности мышления можно было бы судить на основании исследований и экспериментов, а круг принимающих решение специалистов — уточнить. От ответа будет зависеть и решение о правовом статусе.

Отдельно следует сказать о паразитическом (паразитарном) близнеце, который, как правило, не имеет верхней либо нижней части туловища, не обладает сознанием, не разговаривает, но шевелит губами, моргает. Его существование и жизнеобеспечение полностью зависят от другого близнеца. Такая врожденная аномалия (дефектный плод) не может быть признана субъектом права. При этом речь не идет о недееспособных лицах, которые не могут понимать значение своих действий или руководить ими, но продолжают оставаться субъектами права. У паразитарного близнеца констатируется смерть мозга.

Решение о судьбе сиамских близнецов

Развитие плода с пороками можно обнаружить начиная с 9–10-й недели беременности с помощью ультразвукового исследования, а в дальнейшем — подтвердить путем проведения магнитно-резонансной томографии. Соответственно, родители принимают решение о рождении или прерывании беременности по медицинским показаниям.

После рождения сросшихся близнецов родители вправе отказаться взять своих детей из медицинских организаций (п. 1 ст. 121 СК РФ¹³). Соответственно, «дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью), а при отсутствии такой возможности временно, на период до их устройства на воспитание в семью, передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов» (п. 1 ст. 123 Кодекса).

Если близнецы были помещены под надзор в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители им не назначаются. Исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, защите их прав возлагается на эти организации с учетом законодательства об опеке и попечительстве (п. 2 ст. 155.2 СК РФ).

Одним из первых этических и юридических вопросов с момента рождения или пренатальной диагностики состоит в том, чтобы решить, допустимо ли разделение сросшихся близнецов или нет. В отдельных случаях этот вопрос означает, имеют ли право на жизнь оба близнеца или только один из них. По отдельным сведениям, с начала 1950-х гг. до начала XXI в. было сделано 200 хирургических операций по разделению близнецов, в 75 % случаев один или оба близнеца выживали¹⁴.

С медицинской точки зрения существуют противопоказания для разделения сиамских близнецов. Иногда это наличие одного жизненно важного органа на двоих (например, одно сердце), возраст, определенное заболевание. Но с развитием медицинских технологий количество противопоказаний, видимо, будет сокращаться.

Непосредственно решение о разделении принимают родители несовершеннолетних близнецов. Часто дать согласие надо срочно в связи с тяжелым болезненным состоянием одного или обоих близнецов. Так, врачи сообщили родителям трехмесячных Джоди и Мэри

¹² Корнелюк О. В., Лифанова М. В. Особенности привлечения к уголовной ответственности сиамских (соединенных) близнецов: медицинский аспект, исторический опыт и современные реалии // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 6 (222). С. 178.

¹³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // *СЗ РФ*. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁴ Самоделова С. Грипп или проклятие Аллаха? // *Московский комсомолец*. 2002. 31 июля.

Аттард (Jodie and Mary Attard) из Мальты о том, что если не провести операцию в ближайшие месяцы, то обе девочки умрут, если же операция состоится, то одна из сестер (сердце и легкие которой были недоразвиты и не могли самостоятельно функционировать) умрет, а вторая будет жить. Поскольку родители были против разделения близнецов, то решение о необходимости хирургической операции в 2000 г. принял суд. Одна девочка выжила¹⁵. Этот казус породил множество публикаций, анализирующих обоснование решения суда. Первый судья утверждал, что смерть второго близнеца является не целью операции, а ее неизбежным последствием. Операция предоставит ему, пусть посмертно, право на телесную целостность. Второй судья объяснял разрешение на проведение операции по разделению необходимостью для предотвращения большего вреда причинить вред меньший (смерть второго близнеца вместо смерти двух близнецов). Третий судья посчитал, что в данных обстоятельствах имеет место институт самообороны, поскольку второй близнец использует сердце и легкие первого для того, чтобы получать обогащенную кислородом кровь¹⁶.

В России имеется сходный правовой механизм, в силу которого допускается игнорировать волю законного представителя в целях охраны жизни и здоровья детей. Иски медицинских организаций или прокурора предъявлялись в суд в защиту несовершеннолетнего пациента¹⁷.

Начиная с 15 лет несовершеннолетние имеют право согласиться на медицинское вмешательство или отказаться от него. В то же время если медицинское вмешательство в форме трансплантации (пересадки) органов и тканей проводится несовершеннолетнему реципиенту,

который по своему состоянию не способен дать информированное добровольное согласие, то до совершеннолетия согласие на такую операцию дает законный представитель. Соответственно, при отказе законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего 15 лет, либо законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего 18 лет (когда требуется трансплантация), от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни, медицинская организация имеет право обратиться в суд для защиты интересов такого лица (п. 2, 5 ст. 20, п. 2 ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Здесь следует пояснить характер предстоящего медицинского вмешательства. Дело в том, что хирургическая операция по разделению предполагает как минимум пересадку кожи на место образовавшейся раневой поверхности. Но в большинстве случаев это и пересадка сосудов, реконструирование органов. Поэтому в такой многочасовой комплексной операции всегда имеет место трансплантация. А это значит, что согласие на операцию дает законный представитель, а не сами близнецы в возрасте до 18 лет.

Передача принятия решения суду также зависит от состояния больного (больных). Известно, что продолжительность жизни сиамских близнецов при современном уровне медицины увеличилась. Так, Мария и Дарья Кривошляповы, жившие в Москве, скончались в 2003 г. в возрасте 53 лет; близнецы Лори и Дори Шапелл родились в 1961 г. и умерли в 62 года; сиамские близнецы Ронни и Донни Гелион появились на свет в 1951 г. и умерли из-за сердечной недостаточности в 2020 г. в возрасте 68 лет. Поэтому сам факт рождения с аномалиями не

¹⁵ См.: Сырейщикова И. А. Основания возникновения правоотношений, связанных с оказанием медицинской помощи // Юрист. 2008. № 11. С. 51–56.

¹⁶ См., например: *Qutieshat E.* The Legal Personality of Conjoined Twins // *European Journal of Business and Management*. 2017. Vol. 9. No. 5. P. 88–95 ; *Colleen D.* Separating conjoined twins: A medical and criminal law dilemma // *Journal of Law and Medicine*. 2010. No. 17. P. 594–607.

При анализе этого дела российским юристом был сделан вывод о том, что «при определенных судом условиях необходимость всё же может служить обстоятельством, защищающим от уголовного преследования и в случае причинения смерти (например, медицинская необходимость прерывания жизни младенца)» (*Членская М. С.* Уголовно-правовая оценка причинения вреда в условиях крайней необходимости и обоснованного риска в Англии и Уэльсе // *Вестник Московского университета. Серия 11 «Право»*. 2016. № 1. С. 138).

¹⁷ Малеина М. Н. Обязанность родителей заботиться о здоровье своих детей и отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении своих детей в возрасте до 15 лет // *Медицинское право*. 2011. № 3. С. 21–25.

влечет однозначного предположения о смерти в ближайшие дни. Заболевание (травма, болезненное состояние) должно быть настолько тяжелым, что неоказание срочной помощи приведет к смерти. Подобного рода сведения (диагноз, динамика развития заболевания) представляет в суд медицинская организация.

Впрочем, при достижении 18 лет решение о проведении операции по разделению или об отказе от таковой могут принимать только оба близнеца, поскольку это затрагивает одновременно жизнь и здоровье обоих. Если согласие на разделение выразит только один совершеннолетний близнец, то операция не будет производиться. При этом вмешательство родителей, медицинских организаций не допускается, так как не соответствует закону.

Гражданские права и обязанности совершеннолетних сиамских близнецов и особенности их осуществления

1. Имущественные права

Неразделенные совершеннолетние близнецы являются дееспособными и вправе самостоятельно совершать сделки. Нет препятствий для заключения ими договоров между собой. Но возникает вопрос о совершении письменных сделок дицефалами, имеющими две головы, одно туловище и две руки. Очевидно, что необходимо закрепить за каждым из близнецов-дицефалов отдельную подпись, несмотря на исполнение подписи одними и теми же руками. Поскольку существует предположение о возможном влиянии одного близнеца на другого, целесообразно было бы ввести правило о заключении сделок любым сиамским близнецом на сумму 100 тыс. руб. и выше¹⁸ в нотариальной форме с видеофиксацией процедуры заключения.

Возможно ли многостороннее обязательство с пассивной или активной множественностью близнецов? Закон не препятствует возникновению подобных обязательств. Но автоматически такая ситуация возникнуть не может в силу признания каждого из сиамских близнецов самостоятельным субъектом права.

В литературе предлагалось «распространить на таких близнецов институт общей совместной собственности», поскольку имеется «максимальная степень единения интересов, потребностей духовных и физиологических за счет единения телесного»¹⁹. По нашему мнению, право общей собственности возникнет при совместной трудовой или иной деятельности неразделенных близнецов. Например, братья Энг и Чанг Банкер более 10 лет вместе выступали в цирке, сестры Эбигейл и Бриттани Хенсел работали в школе, но вели разные предметы. Но известны и другие близнецы, имеющие неодинаковые источники и размеры доходов. Так, Дори Шаппелл выступала на сцене как кантри-певица, а в перерывах между гастролями ее сестра работала в прачечной больницы.

В пользу одного из близнецов может быть оформлено завещание, дарение, что порождает право частной собственности у только одного благоприобретателя. Закрепление в законе режима общей совместной собственности сиамских близнецов было бы аргументом в поддержку позиции о коллективном статусе единого тела, которую мы не разделяем.

Сиамские близнецы имеют право наследования как наследники второй очереди в случае смерти только одного из близнецов (это возможно при разделении). В юридической литературе было предложено считать сиамских близнецов наследниками первой очереди, а не второй, как обычных братьев и сестер, поскольку они «вынуждены вести совместное хозяйство» и «распоряжаются своим имуществом, как правило, с общего согласия»²⁰. Высказано также соображение о том, что было бы справедливо оставшемуся в живых «отдать 100-процентную долю имущества», «сделать его наследником первой очереди, нулевой очереди, ведь всё имущество они наживали совместно в прямом смысле этого слова»²¹. Здесь можно повторить контраргументы, приведенные по вопросу о безоговорочной совместной собственности: не всё имущество создается совместным трудом и приобретается совместно (хотя количество самостоятельных сделок и индивидуальных фактических действий ограничено), кроме того, только у одного из близнецов может быть

¹⁸ Вопрос о минимальной сумме сделки, конечно, спорный, но все-таки вторичный.

¹⁹ Криворучко Я. А. Указ. соч. С. 85.

²⁰ Худoley К. М., Худoley Д. М. Правосубъектность сиамских близнецов: история и современность // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 452.

²¹ Криворучко Я. А. Указ. соч. С. 85.

супруг (супруга) и дети, интересы которых как наследников первой очереди необходимо учитывать. Поэтому предложение о неприменении общего существующего порядка наследования нельзя поддержать.

Приводились примеры, когда за рубежом сиамские близнецы становились участниками дорожно-транспортных происшествий (совершали наезд). С позиции российского гражданского права к имущественной ответственности может быть привлечен владелец автомашины, а именно близнец, управлявший транспортным средством в момент нарушения правил дорожного движения. Но учет анатомических особенностей сиамских близнецов ставит вопрос о внесении этого вида заболевания — сросшаяся двойня (группа врожденных аномалий) — в один из перечней постановления Правительства РФ от 29.12.2014 № 1604 «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством»²².

На практике реализация предоставленных законом гражданских имущественных прав и обязанностей осложнена тем, что социальная организация общества, инфраструктура, современный быт не адаптированы в полной мере к жизни инвалидов вообще и сиамских близнецов (инвалидов 1-й группы) в частности.

В связи с полной или частичной утратой способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обучаться и заниматься трудовой деятельностью по совместному письменному заявлению двух близнецов органом опеки и попечительства над ними может быть установлен патронаж и назначен помощник. В статье 41 ГК РФ говорится только об одном помощнике, полагаю, что в рассматриваемом случае есть основание просить назначение двух помощников (с учетом двух совершеннолетних дееспособных близнецов). Если один из близнецов возражает против помощи чужого человека и заявление на патронаж поступает только от одного близнеца, то в такой ситуации возможно предложить назначение одного помощника с ограниченным кругом его действий, по возможности не затрагивающих автономию частной жизни второго близнеца.

2. Личные неимущественные права

Независимо от вида неразделенных близнецов, с момента рождения каждый получает имя, которое фиксируется в свидетельстве о рождении. Близнецы являются братьями (сестрами), поэтому имеют общую фамилию и отчество. Российское законодательство не содержит запрета давать одинаковые собственные имена детям в одной семье. Но полагаю, что такое ограничение должно быть установлено для близнецов в целях более эффективной идентификации.

При реализации права на изображение необходимо испрашивать согласие двух близнецов, если одна фотография или видеозапись включает в кадр обоих неразделенных близнецов.

Право на персональные данные имеет свою специфику. В частности, в добровольном порядке граждане могут пройти дактилоскопию. Но у близнецов, имеющих только две руки, отпечатки пальцев будут одни (одинаковыми). Соответственно, эти данные будут иметь ограниченное значение для идентификации.

Наименее автономны при осуществлении и хуже всего защищены при нарушении право на здоровье и право на тайну и неприкосновенность частной жизни сиамских близнецов.

Право на здоровье включает возможность принятия решения об отказе от вредных привычек, о выражении согласия на лечение, в том числе на операции и другие манипуляции. При этом другой близнец может заявить отказ от лечения с объяснением или без объяснения причин. И если законодатель не введет соответствующую норму о поддержке решения, направленного на защиту здоровья, то медицинское вмешательство в отношении совершеннолетних сиамских близнецов без согласия одного из них недопустимо. Теоретически один близнец может предъявить иск к другому о защите своего права на здоровье (например, если ответчик злоупотребляет спиртными напитками, курением), но контроль за соблюдением последующих судебных предписаний не представляется возможным.

Право на тайну и неприкосновенность частной жизни неразделенных близнецов ограничено тем, что, во-первых, один из них является

²² Сестры-дицефалы Эбигейл и Бриттани Хенсел (США) получили два водительских удостоверения. См.: Терех Н. Сестры Хенсель: «Не называйте нас девушкой с двумя головами. Мы — два разных человека с одним телом!» // Факты. 17.05.2013. URL: <http://fakty.ua/163241-sestry-hensel-ne-nazyvajte-nas-devushkoj-s-dvumya-golovami-my-dva-raznyh-cheloveka-s-odnim-telom> (дата обращения: 13.08.2025).

постоянным свидетелем частной жизни другого; во-вторых, требуется согласие каждого для сохранения конфиденциальности или, напротив, распространения информации частного характера. Полагаем, что в случае проведения операции по разделению сиамских близнецов каждый из них должен не разглашать сведения о частной совместной жизни до операции, независимо от продолжительности периода после операции.

Семейный правовой статус сиамских близнецов

В семейный статус гражданина обычно включены права и обязанности, касающиеся опекуна, вступления в брак, рождения детей, прерывания беременности, воспитания детей, содержания несовершеннолетних и недееспособных членов семьи, согласования иных семейных вопросов.

Было высказано мнение о том, что один близнец не может быть опекуном другого в случае недееспособности одного из них вследствие психического расстройства, поскольку отсутствует самостоятельность²³. На мой взгляд, здесь требуется уточнение. Прежде всего, отсутствует полная самостоятельность каждого из близнецов в социально-бытовом смысле, а самостоятельная воля (принятие решений) у дееспособного имеется. Так, согласно п. 3 ст. 35 ГК РФ при назначении опекуна должна учитываться способность к выполнению обязанностей опекуна, пункт 3 ст. 36 ГК РФ вменяет в обязанность опекунам заботу о содержании своих подопечных, обеспечение их уходом и лечением, защиту их прав и интересов. Очевидно, что подобные действия осуществляться без чьей-либо помощи не могут. Следует также отметить, что до сих пор не было такой пары близнецов, из которых один был бы признан недееспособным.

Вопрос о праве вступить в брак решается с учетом типа (вида) соединения близнецов. Если близнецы соединены черепами (краниопаги), верхней частью тела (цефалопаги), в области грудной клетки (торакопаги), то брак одного или двух близнецов не нарушает общих условий и порядка заключения брака по семейному

законодательству (хотя и вызывает этические вопросы о таком сожителстве). Известно, что упомянутые ранее близнецы Чанг и Энг Банкер в 44 года женились на двух сестрах, зачали и родили 21 здорового ребенка.

Если объединены нижние части тела и органы (ишиопаги) или близнецы имеют две головы, одно тело, две руки, две ноги (дицефалы), то интимные отношения складываются между тремя лицами. По характеру связи это напоминает полигамию. Вступление в брак одного близнеца таких типов существенно ограничивает право на частную жизнь другого близнеца. Вступление в брак обоих близнецов таких типов взаимно ограничивает право на частную жизнь каждого из них. Полигамные браки не регистрируются на территории Российской Федерации. Согласно п. 1 ст. 12 СК РФ одним из условий заключения брака является взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак. Из буквального текста следует, что речь идет об одном мужчине и одной женщине. Регистрация за рубежом брака с участием ишиопагов или дицефалов сопровождалась согласием другого сиамского близнеца на такой брак.

Рождение детей от сиамских близнецов также может вызвать вопросы. Сращенные близнецы являются монозиготными, т.е. имеют одинаковый набор генов. Если ребенок рождается от близнецов-мужчин (ишиопагов или дицефалов), имеющих общие половые органы, то отцовство может быть установлено путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления предполагаемым отцом и матерью ребенка. Если ребенок рождается от близнецов-женщин (ишиопагов или дицефалов), имеющих общие внешние половые органы, то материнство может быть установлено путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления предполагаемой матерью и отцом.

Новое исследование ученых из исландского университета, опубликованное в 2021 г. в журнале *Nature Genetic*, показало, что ДНК монозиготных (однойцевых) близнецов неодинаковы. Такой вывод был сделан путем секвенирования молекул ДНК более чем 380 пар и их сопоставления²⁴. Значит, в случае спора о родителях воз-

²³ Криворучко Я. А. Указ. соч. С. 85.

²⁴ Ученые рассказали о генетических различиях однойцевых близнецов // URL: <https://tengrinews.kz/medicine/uchenyie-rasskazali-geneticheskikh-razlichiyah-odnoyaytsevyih-425335/> (дата обращения: 26.02.2025).

можно будет использовать молекулярно-генетическую экспертизу.

С учетом сказанного требуется внесение дополнений в ст. 48 СК РФ «Установление происхождения ребенка» для отражения ситуации с соединенными близнецами как родителями.

Отдельные элементы уголовно-правового и уголовно-процессуального статусов сиамских близнецов

Существует ряд преступлений, которые можно совершить, «не вставая с дивана», например преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ) и др. В XVII в. некий граф Лацарро Колоредо убил человека в Париже, но избежал привлечения к уголовной ответственности. Судья принял во внимание то, что убийца был сращен с паразитарным близнецом (который висел на груди у обвиняемого, имел четко оформленную голову, грудную клетку, две трехпалые руки и левую ногу)²⁵.

Возможно также соучастие сиамских близнецов в преступлении, в котором указанные лица будут выполнять роли организатора, подстрекателя и пособника. Однако следует согласиться с тем, что «тот факт, что один сиамский близнец неизбежно присутствует при преступлении, совершенном другим, не означает автоматически, что неисполнитель является соучастником. Одного лишь присутствия недостаточно: как правило, соучастник должен намеренно помогать или поощрять преступника, а также способствовать или содействовать совершению преступления»²⁶.

Один из возникающих правовых и этических вопросов: как быть, если преступление совершил один близнец, а другой близнец был против деяния, но не сумел воспрепятствовать?

В литературе предлагалось несколько вариантов решения: 1) наказание преступника

с учетом существования сиамского близнеца, например, как смягчающего обстоятельства²⁷, но вместе с ним наказание понесет второй невиновный близнец; 2) «назначение тех видов уголовного наказания, которые не указаны в санкции нормы», но «целесообразны как меры пресечения в конкретной ситуации»²⁸; 3) освобождение от уголовного наказания, чтобы не причинить вреда невиновному; 4) наказание преступника и второго близнеца, поскольку «сам факт наличия оправдательного приговора, причиной которого станет исключительно психо-физиологическая особенность подсудимого, будет более незаконным и преступным, чем обвинение сомнительно невиновного лица»²⁹. При этом большинство исследователей, учитывая анатомические и физиологические особенности, признают, что осужденному сиамскому близнецу не могут быть назначены наказания в виде лишения свободы³⁰, ограничения свободы, смертной казни³¹. Современный Уголовный кодекс РФ предусматривает, что лицам, признанным инвалидами первой группы, как вид наказания не назначаются обязательные (ч. 4 ст. 49), исправительные (ч. 5 ст. 50), принудительные (ч. 7 ст. 53.1) работы.

Очевидно, что нельзя оставлять судью один на один с ситуацией доказанной вины только одного из сиамских близнецов в совершении преступления, а необходимо внести в УК РФ приемлемую меру (меры) наказания. Если совсем отказаться от применения наказания, то не достигаются цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. Видится возможным определить те виды наказаний, которые в большей степени оторваны от лишения свободы, а именно: взыскание штрафа, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы. Осознавая негативный эффект даже этих мер на невиновного сиамского близнеца, допустимо предусмотреть в УПК РФ осо-

²⁵ См.: Худoley К. М., Худoley Д. М. Указ. соч. С. 454.

²⁶ Davis C. Complicity, Crime and Conjoined Twins // *Alternative Law Journal*. 2017. Vol. 42. Iss. 1. P. 18–23.

²⁷ Тушева А. И. Уголовная ответственность сиамских близнецов: российский и зарубежный опыт // *Правовая система и вызовы современности: сборник материалов XVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. Н. С. Латыпова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. Т. 2. С. 250.*

²⁸ Тушева А. И. Указ. соч. С. 250, 252.

²⁹ Корнелюк О. В., Лифанова М. В. Указ. соч. С. 179.

³⁰ Худoley К. М., Худoley Д. М. Указ. соч. С. 454; Корнелюк О. В., Лифанова М. В. Указ. соч. С. 179.

³¹ Худoley К. М., Худoley Д. М. Указ. соч. С. 454.

бый порядок исполнения наказаний для сиамских близнецов, который будет зависеть от типа сращивания близнецов, а также от того, обладает ли сознанием каждый близнец.

Что же касается применения к сиамским близнецам судом меры пресечения из числа предусмотренных статьей 98 УПК РФ, то Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ³² введена часть 2.1 ст. 108 УПК РФ, исключающая заключение под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случае, если он страдает тяжелым заболеванием (включено в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный Правительством РФ, и наличие заболевания подтверждено медицинскими документами). Таким образом, иные меры пресечения возможны с учетом тяжести преступления, состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого и других обстоятельств (ст. 98 Кодекса).

Заключение

Помимо общего статуса гражданина, можно выделять специальные статусы в зависимости от ряда критериев. Из состояния здоровья и соци-

ального положения складывается специальный статус сиамских близнецов, каждый из которых обладает правоспособностью при наличии автономного сознания у каждого.

В связи с этим требуется внести изменения в ст. 41 ГК РФ о патронате, ст. 48 СК РФ об установлении происхождения ребенка с учетом соединенных близнецов в качестве родителей, постановление Правительства РФ от 29.12.2014 № 1604 «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством». Что же касается личных неимущественных и имущественных прав соединенных близнецов, то целесообразно формирование отдельной статьи в гл. 3 ГК РФ «Граждане (физические лица)», а не точечное дополнение имеющихся норм в разных статьях Кодекса.

Необходима разработка правового положения подозреваемых, обвиняемых, осужденных сиамских близнецов. В случае доказанности вины в совершении преступления только одного из сиамских близнецов предлагается в УК РФ определить возможные к применению виды наказаний, которые в большей степени оторваны от лишения свободы, а именно: взыскание штрафа, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вдовина Г. В. Бог, ангелы и сиамские близнецы: теологические и антропологические приложения средневековой схоластической психологии // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 29–41.

Корнелюк О. В., Лифанова М. В. Особенности привлечения к уголовной ответственности сиамских (соединенных) близнецов: медицинский аспект, исторический опыт и современные реалии // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 177–179.

Криворучко Я. А. Некоторые аспекты нетрадиционной правосубъектности. Сиамские близнецы // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 7 (63). Ч. 6. С. 81–86.

Малеина М. Н. Обязанность родителей заботиться о здоровье своих детей и отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении своих детей в возрасте до 15 лет // Медицинское право. 2011. № 3. С. 21–25.

Мусатова Е. В., Колобов А. В. Сиамские близнецы — история и сегодняшний день // Медицина. XXI век. 2008. № 3. С. 36–45.

Сырейщикова И. А. Основания возникновения правоотношений, связанных с оказанием медицинской помощи // Юрист. 2008. № 11. С. 51–56.

Тушева А. И. Уголовная ответственность сиамских близнецов: российский и зарубежный опыт // Правовая система и вызовы современности : сборник материалов XVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ч. 2 / отв. ред. Н. С. Латыпова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 248–252.

³² Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 842.

Худолей К. М., Худолей Д. М. Правосубъектность сиамских близнецов: история и современность // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 442–466.

Членская М. С. Уголовно-правовая оценка причинения вреда в условиях крайней необходимости и обоснованного риска в Англии и Уэльсе // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2016. № 1. С. 129–139.

Школьников В. С., Тихолаз В. А., Гуминский Ю. Й. Структурная организация продолговатого и спинного мозга сиамских близнецов // Проблемы здоровья и экологии. 2014. № 2. С. 129–136.

Colleen D. Separating conjoined twins: A medical and criminal law dilemma // *Journal of Law and Medicine*. 2010. No. 17. P. 594–607.

Colleen D. Complicity, Crime and Conjoined Twins // *Alternative Law Journal*. 2017. Vol. 42. Iss. 1. P. 18–23.

Qutieshat E. The Legal Personality of Conjoined Twins // *European Journal of Business and Management*. 2017. Vol. 9. No. 5. P. 88–95.

REFERENCES

Chenskaya MS. Necessity and Justifiable Risk in Criminal Law in England and Wales. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2016;1:129-139. (In Russ.).

Colleen D. Complicity, Crime and Conjoined Twins. *Alternative Law Journal*. 2017;42(1):18-23.

Colleen D. Separating conjoined twins: A medical and criminal law dilemma. *Journal of Law and Medicine*. 2010;17:594-607.

Khudoley KM, Khudoley DM. Legal personality of conjoined (Siamese) twins: history and modern times. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;45:442-466. (In Russ.).

Kornelyuk OV, Lifanova MV. Features of criminal responsibility of Siamese (connected) twins: medical aspect, historical experience and modern realities. *Agrarian and Land Law*. 2023;6(222):177-179. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1329_2023_6_177.

Krivoruchko YaA. Several aspects of non-traditional legal personality. Conjoined twins. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Current Scientific Research in the Contemporary World]*. 2020;7(63)-6:81-86. (In Russ.).

Maleina MN. Parents' Duty to Care for the Health of Their Children and Parental Refusal of Medical Intervention for Children Under Fifteen. *Meditsinskoe pravo [Medical Law]*. 2011;3:21-25. (In Russ.).

Musatova EV, Kolobov AV. Conjoined Twins — History and the Present Day. *Meditsina. XXI vek [Medicine. 21st Century]*. 2008;3:36-45. (In Russ.).

Qutieshat E. The Legal Personality of Conjoined Twins. *European Journal of Business and Management*. 2017;9(5):88-95.

Shkilnikov VS, Tikholaз VA, Guminskiy YuY. Structural Organization of the Medulla Oblongata and Spinal Cord in Conjoined Twins. *Problemy zdorov'ya i ekologii [Problems of Health and Ecology]*. 2014;2:129-136. (In Russ.).

Syreyschikova IA. Foundations for the Emergence of Legal Relations Related to the Provision of Medical Care. *Yurist*. 2008;11:51-56. (In Russ.).

Tusheva AI. Criminal Liability of Conjoined Twins: Russian and Foreign Experience. In: Latypova NS (ed.). *The Legal System and Contemporary Challenges: Proceedings of the 18th International Scientific Conference of Students, Graduate Students, and Young Scholars*. Part 2, pp. 248–252. Ufa: RITs BashGU Publ.; 2021.

Vdovina GV. God, Angels and Conjoined Twins: Theological and Anthropological Applications of Post-Medieval Scholastic Psychology. *History of Philosophy*. 2018;23(1):29-41. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малеина Марина Николаевна, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mnmaleina@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina N. Maleina, Dr. Sci. (Law), Full Professor; Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
mnmaleina@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 18 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 23 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.*

*Received 18.09.2024.
Revised 23.11.2025.
Accepted 15.12.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.065-080

Е. Д. Суворов

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Судьба требований кредиторов к несостоятельному должнику и лицам, предоставившим обеспечение, при продаже требования о привлечении к субсидиарной ответственности

Резюме. Предметом настоящего исследования является вопрос о том, переходят ли к покупателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности права требования кредитора к должнику, а также права, обеспечивающие исполнение обязательства должником, и иные связанные с ними права в случае продажи (уступки) должником требования о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. Поводом для данной статьи послужила практика Верховного Суда РФ, в которой со ссылкой на солидарный характер соответствующих требований сделан вывод о переходе указанных прав в совокупности одновременно с продажей требования к привлеченному к субсидиарной ответственности лицу. В целом такой подход мотивирован необходимостью решения проблемы двойной ответственности (двойного взыскания), возникающей, по мнению Верховного Суда РФ, в случае изолированной уступки соответствующего требования. В статье критикуется подход Суда и обосновывается альтернативная точка зрения, в том числе исключающая проблему двойной ответственности должника и привлеченного к субсидиарной ответственности лица.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; солидарное обязательство; корреальное обязательство; множественность лиц; акцессорность

Для цитирования: Суворов Е. Д. Судьба требований кредиторов к несостоятельному должнику и лицам, предоставившим обеспечение, при продаже требования о привлечении к субсидиарной ответственности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 65–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.065-080

The Fate of Creditors' Claims against an Insolvent Debtor and Persons Providing Security in the Sale of a Claim for Imposition of Subsidiary (Vicarious) Liability

Evgeniy D. Suvorov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines whether, when a debtor sells (assigns) a claim for the imposition of subsidiary (vicarious) liability against a person controlling the debtor, the purchaser also acquires the creditor's claim against the debtor, the rights securing the debtor's performance of the obligation, and other rights related thereto. The study is prompted by the jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation and concludes, citing the joint and several nature of the relevant claims, that the aforementioned rights transfer jointly and concurrently with the sale of the claim against the person brought to subsidiary (vicarious) liability. This approach is generally justified as necessary to resolve the problem of double liability (double recovery) that, in the Supreme Court's view, may arise from an isolated assignment of the relevant claim. The paper criticizes the Supreme Court's

© Суворов Е. Д., 2026

reasoning and advances an alternative position, including solutions that eliminate the risk of double liability for both the debtor and the person held subsidiarily (vicarious) liable.

Keywords: subsidiary (vicarious) liability; solidary obligation; correal obligation; plurality of parties; accessoriness
Cite as: Suvorov ED. The Fate of Creditors' Claims Against an Insolvent Debtor and Persons Providing Security in the Sale of a Claim for Imposition of Subsidiary (Vicarious) Liability. *Lex russica*. 2026;79(1):65-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.065-080

Предметом настоящего исследования является вопрос о том, переходят ли к покупателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности права требования кредитора к должнику, а также права, обеспечивающие исполнение обязательства должником, и иные связанные с ними права в случае продажи (уступки) должником такого требования о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица.

Речь идет о способе распоряжения соответствующим правом, предусмотренным статьей 61.17 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве): названная норма предполагает, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности может быть продано в деле о банкротстве должника, если за иной способ распоряжения (взыскание в деле о банкротстве) не высказалось большинство кредиторов.

Поводом для данной статьи послужила отдельная практика Верховного Суда РФ, в которой со ссылкой на солидарный характер соответствующих требований сделан вывод о переходе указанных прав в совокупности одновременно с продажей требования к привлеченному к субсидиарной ответственности лицу¹. В целом такой подход мотивирован необходимостью решения проблемы двойной ответственности (двойного взыскания), возникающей, по мнению Верховного Суда РФ, в случае изолированной уступки соответствующего требования.

В статье критикуется занятый Верховным Судом РФ подход и обосновывается альтернативная точка зрения, в том числе исключающая проблему двойной ответственности должника и привлеченного к субсидиарной ответственности лица.

Итак, продажа требования о привлечении к субсидиарной ответственности не влечет перехода требований кредиторов к должнику

и предоставившим обеспечение лицам ввиду следующего.

Прежде всего следует отметить, что закон прямо (предметно) не разрешает вопрос о том, переходят ли названные требования к покупателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности, т.е. не содержит специальной нормы на этот счет. Не может вывод о переходе соответствующих требований ясно и недвусмысленно вытекать и из ординарного толкования норм материального права, равно как и из (мнимой) необходимости решения так называемой проблемы двойной ответственности.

В обоснование вышеуказанного утверждения могут быть приведены следующие аргументы.

1. Недопустимость передачи чужих прав

Прежде всего переход рассматриваемых требований не может иметь место, поскольку в силу буквального указания в законе требование о привлечении к субсидиарной ответственности принадлежит должнику, который является в таком правоотношении кредитором.

В соответствии с п. 6.1 ст. 61.17 Закона о банкротстве право требования о привлечении к субсидиарной ответственности продается по правилам, предусмотренным пунктом 2 ст. 140 названного Закона. В силу п. 2 ст. 140 Закона о банкротстве продажа прав требования должника осуществляется конкурсным управляющим в порядке и на условиях, которые установлены статьей 139 данного Закона. Следовательно, с точки зрения законодательных положений в данном случае требование о привлечении к субсидиарной ответственности рассматривается в качестве требования, принадлежащего должнику.

Аналогичный вывод следует из пп. 3 п. 2, п. 6 ст. 61.17 Закона о банкротстве, предусматривающего возможность уступки кредитором

¹ См., например: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.07.2024 № 308-ЭС22-21714 (3, 4, 5) по делу № А22-228/2021 ; от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035 (2) по делу № А52-1553/2018 ; от 18.04.2025 № 310-ЭС19-21208 (4) по делу № А14-15213/2016.

части требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Сама по себе уступка требования предполагает замену кредитора в нем, следовательно, до такой уступки кредитором по нему является должник по делу о банкротстве.

Принадлежность требования должнику подтверждается также и тем, что именно должнику выдается исполнительный лист в отношении субсидиарного должника (п. 4 ст. 61.17 Закона о банкротстве). На переход требования прямо указывается и в п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53. То, что именно должник является правообладателем в отношении указанного требования, подтверждено и в определении Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 302-ЭС20-20755, далее — в п. 22 Обзора судебной практики № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021).

Так как никто не может передать прав больше, чем он имеет (*Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*), переход требований, не принадлежащих должнику, вместе с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности невозможен.

В свою очередь, основные требования кредиторов к должнику, равно как и их требования к третьим лицам в силу предоставленного обеспечения исполнения обязательств должника, принадлежат на момент продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности кредиторам, а не должнику по делу о банкротстве.

При этом молчание кредитора не может быть квалифицировано как волеизъявление на отчуждение его имущества — требования к должнику и лицам, его обеспечившим. Так, следует иметь в виду, что продажа требования о привлечении к субсидиарной ответственности является способом распоряжения, действующим по умолчанию. Следовательно, такой способ будет применяться в случае, когда ни один из кредиторов не выразит волю на использование иных способов, т.е. в том числе не выразит волю вообще.

В свою очередь, из молчания кредитора не может быть выведена его воля на отчуждение его имущества — принадлежащего именно ему требования к основному должнику и (или) к третьим лицам, обеспечившим исполнение обязательства основного должника. Так, согласно п. 3 ст. 158 ГК РФ молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением

сторон. Ни закона, ни соглашения для таких случаев не имеется, в связи с чем требование не может предполагаться перешедшим вместе с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности. По тем же основаниям из молчания не может выводиться и предоставление полномочия управляющему на отчуждение такого требования.

Поскольку никто не может передать прав больше, чем он имеет, а полномочие управляющему на отчуждение требований, принадлежащих кредиторам, не предоставлялось, управляющий не может передать кому-либо права требования к основному должнику, которыми владеют кредиторы. Следовательно, не может быть признано правильным толкование, при котором кредитор лишается своего имущества — требования к должнику — без выражения воли на это.

2. Отсутствие оснований для применения нормы о переходе связанных с уступаемым требований (ст. 384 ГК РФ)

Рассматриваемые требования не могут переходить и по правилам, предусмотренным статьей 384 ГК РФ, так как при ординарном толковании не могут быть признаны связанными по отношению к требованию о привлечении к субсидиарной ответственности.

В силу п. 1 ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

По сути, применение правил, предусмотренных пунктом 1 ст. 384 ГК РФ, предполагает разрешение вопроса о том, являются ли требования кредиторов к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, требованиями, связанными с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, по смыслу ст. 384 ГК РФ. Иными словами, это вопрос о том, что понимается под связанными с требованием правами, или о том, что ими точно не является. Права, связанные с требованием, не являются по смыслу ст. 384 ГК РФ самостоятельными требованиями, а имеют дополнительный характер. При ином толковании такая связь может

пониматься максимально широко: в частности, связанными, например, являются требования в долевом обязательстве, но очевидно, что уступка требования к одному должнику в его доле не повлечет за собой уступку к другому должнику в его доле.

Одновременная уступка солидарных требований к разным должникам в пассивной множественности, как представляется, не охватывается категорией «связанные права», а может основываться лишь на иных предпосылках. Однако даже в случае признания распространения п. 1 ст. 384 ГК РФ на ситуации уступки одного из солидарных требований в пассивной множественности требования кредиторов к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, не могут считаться перешедшими одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, так как не являются солидарными по смыслу действующего законодательства.

3. Отсутствие оснований позиции Верховного Суда РФ о том, что подобные требования являются солидарными, в действующем законодательстве

Так, позиция о солидарности рассматриваемых требований не основана ни на тексте закона, ни на его сложившемся толковании.

В свою очередь, иная позиция, изложенная в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025), вступает в противоречие с понятием солидарного обязательства исходя из действующего законодательства; не является единообразной для всех сходных случаев; представляется новой и непоследовательной.

4. Противоречие понятию солидарного обязательства, вытекающему из закона

Пункт 1 ст. 322 ГК РФ закрепляет основания возникновения солидарной обязанности (ответственности) как одной из разновидностей правового режима обязательств с множественностью лиц на стороне должника или кредитора.

В силу данного положения солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена до-

говором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

Согласно ст. 323 ГК РФ при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга; кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников; солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью. Статья 325 ГК РФ предусматривает, что исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитор (п. 1); если иное не вытекает из отношений между солидарными должниками, должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях за вычетом доли, падающей на него самого, а неуплаченное одним из солидарных должников должнику, исполнившему солидарную обязанность, падает в равной доле на этого должника и на остальных должников (п. 2) (постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.2025 № 11-П).

Как видно из приведенных положений даже при буквальном толковании, речь в них идет о едином обязательстве со множественностью лиц на стороне должника, но не о разных обязательствах.

Вместе с тем неприменимость норм о солидарном обязательстве к случаям нескольких обязательств, связанных, например, через так называемый погашающий эффект, подтверждается следующим.

Во-первых, каждый из солидарных содолжников в едином обязательстве не вправе выдвигать против кредитора возражения, основанные на таких отношениях других содолжников друг с другом, в которых он не участвует (ст. 324 ГК РФ). Однако это не так в случае, когда речь идет об основном обязательстве и обязательстве поручителя (данную связь иногда приводят в качестве примера связи через погашающий эффект), поскольку поручитель вправе выдвигать возражения основного должника против кредитора (п. 1 ст. 364 ГК РФ).

Во-вторых, последствием исполнения одним из содолжников солидарного обязательства является приобретение им права на регрессные требования к оставшимся содолжникам, т.е. так

называемая разверстка или раскладка долга на всех содолжников (ст. 325 ГК РФ). Указанное последствие как нельзя лучше подтверждает природу солидарного обязательства — единый долг всех содолжников, которые по общему правилу обязаны участвовать в его погашении (об ином они могут договориться). Между тем иная ситуация в случае исполнения чужого обязательства, например, поручителем. В силу правопреемства он становится на место кредитора (суброгация) и относит все исполнение на счет основного должника (ст. 365 ГК РФ).

В литературе, поддерживающей применение норм о солидаритете к различным обязательствам, прямо признается, что соответствующие требования в классическом представлении не являются солидарными, а нормы о солидаритете предлагается применять лишь по аналогии. Так, даже сторонники более расширительного подхода на будущее признают, что речь идет об отклонении от текста закона и сложившихся доктринальных подходов.

Н. В. Тололаева признает, что в «ГК РФ закреплена позиция, согласно которой пассивное солидарное обязательство — это единое обязательство со множественностью лиц на стороне должника»². Она же указывает на то, что в российской доктрине и судебной практике субсидиарные обязательства не отождествляются с солидарными³. А. В. Егоров пишет, что правила ст. 322–325 ГК РФ рассчитаны на солидарные обязательства, возникшие из одного основания⁴. В работе Н. В. Тололаевой, которую иногда приводят в качестве правового обоснования позиций Верховного Суда РФ о солидарности нескольких обязательств, возникающих из разных оснований, по мотиву их направленности на удовлетворение общего экономического интереса, также отмечается наличие в

немецкой литературе деления соответствующих ситуаций на «настоящие» и «ненастоящие» солидарные обязательства, приводятся примеры из практики Федерального суда Швейцарии с соответствующей терминологией, указывается на незавершенность дискуссии о «настоящих» и «ненастоящих» солидарных обязательствах⁵.

Различие между единым солидарным обязательством и несколькими обязательствами, направленными на удовлетворение общего экономического интереса, проводится и в иных правопорядках. Так, во Франции как доктрина, так и судебная система⁶ различают солидарное обязательство (единый долг), т.е. *l'obligation solidaire*, и обязательства *in solidum*. При этом отмечается⁷, что последнее — изобретение судебной практики (*jurisprudence*), в ФГК речь идет только о солидарном обязательстве (ст. 1310–1319)⁸. Указывается, что между ними имеются и практические различия⁹. О едином долге, возникшем из одного основания, пишет и Л. Жюллио де ла Морандьер: «Права кредитора в отношении солидарных должников и предоставленные каждому из должников средства защиты основываются на двойственной концепции наличия единого долга с единым предметом и единым основанием, каждый из которых, лично и особо от других, отвечает за уплату этого долга полностью»¹⁰.

Обратим внимание на то, что ранее судебная практика в сходных случаях не признавала обязательства солидарными. Так, в п. 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 прямо говорится, что поручитель не является содолжником в обеспеченном поручительством обязательстве. Это означает, что в данном случае не образуется пассивной солидарной множественности, где имеет место участие содолжников.

² Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020. 144 с.

³ Тололаева Н. В. Указ. соч.

⁴ Егоров А. В. Актуальные проблемы солидаритета в обязательственном праве // *Цивилистика*. 2024. № 2.

⁵ URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/59980576/>.

⁶ Cour de Cassation, Chambre commerciale, du 19 juillet 1982, 80-12.877 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007011050>.

⁷ URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_\(droit_français\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_(droit_français)).

⁸ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA0000032031314/#LEGISCTA0000032031314.

⁹ URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_\(droit_français\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Obligation_in_solidum_(droit_français)).

¹⁰ Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / пер. Е. А. Флейшиц. Т. 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. С. 637–638.

Практика, которая разрешала проблемы конкуренции требований, заявляемых с целью удовлетворения одного экономического интереса, не использовала фикцию признания таких требований солидарными, а указывала на возможность удовлетворения всех требований до момента фактического исполнения первого из них. Так, соответствующий подход был изложен в п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63, согласно которому при наличии двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи и о виндикации вещи у иного лица) если будет исполнен один судебный акт, то исполнительное производство по второму судебному акту оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; если будут исполнены оба судебных акта, то по позднее исполненному осуществляется поворот исполнения в порядке ст. 325 АПК РФ. Данная позиция впоследствии подтверждалась и на уровне судебных коллегий Верховного Суда РФ, например в определении Суда от 15.11.2018 № 305-ЭС18-9344.

Не имелось указаний на солидарность требований о применении последствий недействительности сделки общества и о взыскании с руководителя общества убытков, причиненных такой сделкой, в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62. Так, в силу названного пункта удовлетворение требования о взыскании с директора убытков не зависит от того, имелась ли возможность возмещения имущественных потерь юридического лица с помощью иных способов защиты гражданских прав, например путем применения последствий недействительности сделки, истребования имущества юридического лица из чужого незаконного владения, взыскания неосновательного обогащения, а также от того, была ли признана недействительной сделка, повлекшая причинение убытков юридическому лицу. Однако в случае, если юридическое лицо уже получило возмещение своих имущественных потерь посредством иных мер защиты, в том числе путем взыскания убытков с непосредственного причинителя вреда (например, работника или контрагента), в удовлетворении требования к директору о возмещении убытков должно быть отказано. Данная позиция в том же виде без ссылки на солидарность соответствующих требований была при-

менена далее в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.01.2014 № 9324/13, определении Верховного Суда РФ от 23.01.2017 № 307-ЭС15-19016.

В определении от 09.10.2017 № 308-ЭС15-6280 Верховный Суд РФ исходил из того, что действующее законодательство допускает защиту конкурсной массы как путем предъявления арбитражным управляющим иска о признании недействительной первой сделки об отчуждении имущества должника и применении последствий ее недействительности в виде взыскания стоимости отчужденного имущества с первого приобретателя (ст. 61.1, 61.6 Закона о банкротстве), так и путем предъявления иска об истребовании этого же имущества из незаконного владения конечного приобретателя (ст. 301, 302 ГК РФ). По смыслу разъяснений, данных в абз. 4 и 5 п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”», виндикационный иск не подлежит удовлетворению, если к моменту его рассмотрения стоимость вещи уже будет полностью возвращена должнику стороной первой сделки. В иных случаях допускается вынесение двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи с первого приобретателя и о виндикации той же вещи у конечного приобретателя). При наличии таких судебных актов, если один из них будет исполнен, исполнительное производство по второму оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Соответственно, правовые механизмы, ограничивающие возможность должника восстановить владение вещью и одновременно получить денежные средства, составляющие ее стоимость, подлежат применению на стадии исполнения судебных актов.

В определении от 21.12.2020 № 305-ЭС20-15076 Верховный Суд РФ признал допустимым инициирование кредитором дела о банкротстве должника по реституционному требованию наряду с удовлетворенным иском кредитора о взыскании убытков, причиненных ему третьими лицами посредством тех же обстоятельств, что и послужили основанием для возникновения реституционного требования, если

требование о возмещении убытков не исполнено на момент инициирования дела о банкротстве. В определении Верховного Суда РФ от 09.02.2023 № 301-ЭС18-395 (4) прямо указано на то, что нормы о солидарных обязательствах могут быть применены к требованиям, возникшим из разных оснований, лишь для решения вопроса о двойном исполнении. Следовательно, даже признается, что речь не идет о солидарных обязательствах; по существу, соответствующие нормы лишь находят подходящими для решения проблемы двойного взыскания в конкретном деле.

Судебная практика в сходных случаях ранее не предполагала переход одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности требований к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение.

В силу п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 право на получение стимулирующего вознаграждения возникает у арбитражного управляющего как в случае взыскания денежных средств в конкурсную массу в результате исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности, так и в случае поступления денежных средств в результате продажи требования к контролирующему должника лицу на торгах по правилам п. 2 ст. 140 Закона о банкротстве.

Между тем арбитражный управляющий является текущим кредитором по требованиям о выплате вознаграждения; такие требования учитываются при определении размера субсидиарной ответственности. Следовательно, Верховный Суд РФ допускает сохранение требования о выплате стимулирующего вознаграждения у арбитражного управляющего после продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Однако данное требование явно является связанным с требованиями управляющего, учтенными в составе проданного требования о привлечении к субсидиарной ответственности, и должно переходить вместе с такими требованиями, если соответствующий переход предполагался по мотиву солидаритета. Однако подобное разъяснение, напротив, исходит из сохранения требования у управляющего, в связи с чем Верховный Суд РФ не предполагал переход требований управляющего к приобретателю требования из субсидиарной ответственности.

Из сохранения соответствующих прав кредиторов после продажи требования о при-

влечении к субсидиарной ответственности Верховный Суд РФ исходил и в определении от 25.05.2023 № 307-ЭС22-27948, когда предписывал определить, кому именно перешло требование о привлечении к субсидиарной ответственности — приобретателю или кредитору, поздно запросившему уступку части требования себе.

Следует признать, что судебная практика в настоящее время является противоречивой — в сходных случаях допускает и не допускает признание обязательств солидарными.

В определении от 12.05.2025 № 305-ЭС24-12635 Верховный Суд РФ поставил под сомнение признание солидарными обязательства из договора и обязательства вследствие причинения вреда в результате неисполнения первого. В определении от 14.11.2024 № 305-ЭС24-13352 Верховный Суд РФ не стал использовать конструкцию солидаритета для обязательств контролирующего лица по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности и по возмещению убытков, хотя они в части, относящейся на кредиторов, тоже направлены на удовлетворение одного экономического интереса.

В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 16.10.2024 № Ф09-6043/24 по делу № А47-6556/2023 не признаны солидарными обязательство управляющего по возмещению убытков и обязательство страховщика, застраховавшего ответственность такого управляющего, по выплате страхового возмещения.

Излагаемый в настоящей статье подход основан на том, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности является субсидиарным, а не солидарным обязательством, в связи с чем нормы о солидарных обязательствах к ним не подлежат применению. Так, ответственность субсидиарного должника является самостоятельным обязательством по чужому долгу, которое может быть приведено в исполнение исключительно в случае, когда исполнение основным должником (или иными лицами за него в силу обеспечения) оказалось окончательно невозможным.

Подтверждается указанное разделение и в сравнительно-правовом аспекте. Так, во Франции проводится разграничение обязательства субсидиарного должника по чужому долгу и солидарного обязательства со множественностью содолжников по одному долгу. В частности, отмечается, что случаи субсидиарной ответственности гаранта не следует смешивать с солидар-

ностью содолжников в одном обязательстве¹¹. При этом указывается, что субсидиарность обязательства есть характеристика момента, когда возможно предъявление соответствующего требования, — только после неисполнения основного должника; такое соотношение раскрывается через «ранги» обязательств (основное — первого ранга, субсидиарное — второго). Субсидиарным является то обязательство, которое может быть пущено в ход только вторым. Понятие субсидиарности несет в себе идею ранжирования исков (требований): основное предъявляется первым, субсидиарное — вторым¹². При этом необходимо напомнить, что законом не предусмотрено следование основного требования за дополнительным.

Требование о привлечении к субсидиарной ответственности, как и любое субсидиарное обязательство, может рассматриваться как дополнительное по отношению к основному (в данном случае — к требованиям кредиторов к должнику). В этой связи продажа требования о привлечении к субсидиарной ответственности есть уступка дополнительного требования. В таком контексте уступка дополнительного требования не может влечь одновременно уступку и основного, поскольку именно дополнительное должно следовать за основным (ст. 384 ГК РФ), а не основное за дополнительным. Так, акцессорность проявляется лишь для дополнительных обязательств, но не основных: именно акцессорное обязательство зависит от основного, но не наоборот. В данном случае следует признать, что речь идет об изолированной уступке субсидиарного (дополнительного) обязательства, которая допускается на уровне судебной практики (в том числе Верховного Суда РФ).

Решение проблемы двойной ответственности не может служить обоснованием распространения на различные обязательства норм о солидарных обязательствах.

Судебная практика Верховного Суда РФ, допускающая признание солидарными требования о привлечении к субсидиарной ответственности, требований кредиторов к основному должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, направлена на разрешение якобы имеющей место проблемы двойной ответственности. Так, именно необходимостью разрешения указанной проблемы мотивирована

позиция в определениях Верховного Суда РФ от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035 (2), от 05.07.2024 № 308-ЭС22-21714 (3, 4, 5). Между тем нормы материального права должны толковаться по их смыслу, а соответствующие категории применяться в соответствии с их назначением, что не позволяет использовать не предусмотренные для соответствующих случаев инструменты только потому, что по своим последствиям они якобы ведут к искомому решению. В противном случае речь идет о нарушении логических законов: следствие (искомый правовой результат) идет за причиной (норма), а не наоборот.

В то же время, как будет показано ниже, так называемая проблема двойной ответственности решается при правильном толковании норм о субсидиарных обязательствах.

С учетом природы субсидиарных обязательств решение проблемы двойной ответственности принципиально возможно и без признания обязательств солидарными.

Проведение различия между субсидиарной ответственностью по чужому долгу и солидарным обязательством с пассивной множественностью решает проблему двойной ответственности при изолированной уступке требования к субсидиарному должнику, что подтверждается следующим.

Природа субсидиарной ответственности состоит, помимо прочего, в том, что ответственный должник исполняет обязательство основного должника после установления факта недостаточности средств у первого. Соответственно, в такой ответственности имманентно заложена принципиальная последовательность. Если это так, то в полном объеме требование к субсидиарному должнику созревает после наступления данного факта — окончательного отсутствия возможности получить исполнение от должника и предоставленных им средств обеспечения. Следовательно, уступка требования о привлечении к субсидиарной ответственности до наступления указанного момента есть уступка будущего требования со всеми вытекающими последствиями. Такая уступка считается состоявшейся в момент возникновения требования (обнаружения окончательного отсутствия средств), как это следует из п. 2 ст. 388.1 ГК РФ. Здесь налицо продолжение максимы, согласно которой никто не может

¹¹ *Maromont C. A. de. Les obligations subsidiaires // RTDCiv. Revue trimestrielle de droit civil. 2018. No. 2. P. 305–326. hal-01695111. P. 10.*

¹² Цит. по: *Maromont C. A. de. Op. cit.*

передать прав больше, чем он имеет. Отсюда вытекает, что требование к субсидиарному должнику переходит не в момент соглашения об уступке, а в момент его возникновения (обнаружения окончательного отсутствия возможности у должника или третьих лиц за счет должника удовлетворить требования кредиторов). Расчеты субсидиарного должника до этого момента носят не более чем предварительный характер применительно к погашению требования, если и когда оно возникнет и перейдет к приобретателю. Если они превышают объем в итоге перешедшего требования, такое превышение подлежит возврату.

Соответственно, при подобном понимании природы субсидиарной ответственности (как дополнительной последовательной ответственности по чужому долгу) никакой двойной ответственности при изолированной уступке субсидиарного долга не возникает: такое требование будет исполнено лишь в объеме, который должник погасить в принципе не может, о чем говорилось выше.

Что касается поручителей, исполняющих обязательство должника после соглашения об уступке субсидиарной ответственности (залогодателей — третьих лиц), то требование в указанной части к приобретателю в момент его возникновения тоже не переходит, так как распорядительная власть на переход данного требования принадлежит исполнившему поручителю (залогодателю — третьему лицу), а не кредитору, получившему исполнение. Поскольку субсидиарная ответственность является последним средством получения исполнения, то следует презюмировать, что недостаточность окончательно считается установленной в момент, когда у кредиторов отсутствуют иные способы получения исполнения в принципе за счет должника и предоставленных им средств обеспечения (поручительства, залога).

С точки зрения механизма реализации требования из субсидиарной ответственности речь идет о следующем.

Если такая реализация имеет место до установления окончательной невозможности удовлетворения требования за счет должника и лиц, предоставивших обеспечение его обязательств, то соответствующим договором будет договор об уступке будущего требования (ст. 388.1 ГК РФ). Объем данного требования, что важно, не может быть определен на дату заключения договора, что соответствует сущности отношений по приобретению будущих

требований: в подобных случаях может быть неизвестен не только объем, но и в принципе перспективы возникновения требования в будущем. Так, в силу п. 1 ст. 388.1 ГК РФ требование по обязательству, которое возникнет в будущем (будущее требование), в том числе требование по обязательству из договора, который будет заключен в будущем, должно быть определено в соглашении об уступке способом, позволяющим идентифицировать это требование на момент его возникновения или перехода к цессионарию. Следовательно, для подобных случаев не требуется определения объема возможного к переходу в будущем требования. С учетом изложенного указание объема требования о привлечении к субсидиарной ответственности при его продаже по правилам ст. 61.17 Закона о банкротстве в ситуации, когда это требование еще не возникло и не определен его объем, есть не более чем способ определения верхнего предела такого возможного требования и не свидетельствует о приобретении требования именно в названном объеме.

Данное требование в силу п. 2 ст. 388.1 ГК РФ перейдет к цессионарию (приобретателю требования из субсидиарной ответственности) в момент его возникновения. Так как требование к субсидиарному должнику возникает в момент установления окончательной невозможности удовлетворения требования за счет должника и третьих лиц, предоставивших обеспечение, до этого момента будущий цессионарий, заключивший договор уступки права, не имеет права по отношению к субсидиарному должнику. Следовательно, все платежи, которые им будут получены до указанного момента возникновения требования, не являются платежами в погашение долга из субсидиарной ответственности. Такие платежи могут рассматриваться как платежи в счет возможного появления у приобретателя требования из субсидиарной ответственности и потому в момент получения еще не погашают потенциального долга. Следовательно, эти платежи не уменьшают размер обязательств должника, который наряду с третьими лицами, предоставившими обеспечение, может погашать их и далее. В свою очередь, все платежи, которые будут совершены должником или третьими лицами, предоставившими обеспечение, после заключения договора с приобретателем требования из субсидиарной ответственности, уменьшают размер обязательств должника и, следовательно, приводят к уменьшению потенциального

требования из субсидиарной ответственности. Помимо прочего, такие платежи могут быть осуществлены должником за счет покупной цены будущего требования из субсидиарной ответственности, что вовсе не противоречит существу складывающихся отношений и разумно может быть учтено цессионарием в момент изъявления согласия на цену приобретения.

После того как требование из субсидиарной ответственности возникнет в том объеме, который не смогли погасить ни должник, ни третьи лица, предоставившие обеспечение, ранее переданные субсидиарным должником цессионарию платежи могут быть засчитаны в счет погашения долга из субсидиарной ответственности. Если такие платежи меньше долга из субсидиарной ответственности, то вопроса о двойной ответственности не возникает. Если же они превышают долг из субсидиарной ответственности, то в части превышения представляют собой неосновательное обогащение, поскольку основания (каузы) для них не имеется. При таком подходе двойной ответственности тоже не возникает, поскольку цессионарий должен будет вернуть должнику из субсидиарной ответственности соответствующее превышение.

Очевидно также, что именно с этого момента цессионарий, имея возникшее требование к субсидиарному должнику, вправе осуществлять такое право в сложившемся объеме против субсидиарного должника.

В указанном контексте интерес будущего цессионария субординирован по отношению к интересу кредиторов, что вытекает из самого факта осознанного приобретения акцессорного требования к дополнительному субсидиарному должнику.

Следует также иметь в виду, что цессионарий приобретает лишь требования к субсидиарному должнику, а потому не имеет требований из обеспечения в отношении основных обязательств должника.

С учетом изложенного предложенный подход в принципе не предполагает конкуренции между цессионарием и кредиторами, так как цессионарий получает лишь остаток долга с субсидиарного должника, к которому у кредиторов требований не имеется; при этом цессионарий не имеет требований ни к должнику, ни к лицам, предоставившим обеспечение. Подобный подход не может привести и к двойной ответственности должника и субсидиарного должника: цессионарий не может получить более, чем остаток долга основного должника после

использования кредиторами всех возможностей для получения удовлетворения их требований от должника и лиц, предоставивших обеспечение. Данный подход не нарушает и разумно понимаемых интересов цессионария: выше уже говорилось о том, что указанное лицо заведомо приобретает акцессорное требование к дополнительному должнику, а потому в общем виде предполагает зависимость такого требования от результатов развития правоотношений по основному обязательству и локальным (сингулярным) обеспечениям.

5. Оценка альтернативных способов решения проблемы двойной ответственности (конкуренции цессионария и кредиторов)

Следует при этом отметить, что требование цессионария к субсидиарному должнику и требования кредиторов к должнику и лицам, предоставившим обеспечение, не образуют солидарной активной множественности (ст. 326 ГК РФ), поскольку они обращены к разным лицам (должник и лица, предоставившие обеспечение, — кредиторы; субсидиарный должник — цессионарий), что для такой множественности нехарактерно ввиду отсутствия единого общего долга.

Кроме того, такое признание само по себе не решает потенциальной проблемы конкуренции цессионария и кредиторов, поскольку вновь ставит вопрос о необходимости распределения полученного между всеми сокредиторами (п. 4 ст. 326 ГК РФ), а также погашении требований кредиторов при получении исполнения цессионарием (п. 3 ст. 326 ГК РФ), что противоречит необходимости субординации требования цессионария.

Если попробовать предложить альтернативный способ решения проблемы двойной ответственности через признание требований солидарными в смысле активной множественности кредиторов, это возможно через признание подчинения (в широком смысле — субординации) требований. В целом такая субординация может быть основана и на п. 4 ст. 326 ГК РФ, который предполагает учет существа отношений между сокредиторами. Так, в силу названного положения солидарный кредитор, получивший исполнение от должника, обязан возместить причитающееся другим кредиторам в равных долях, если иное не вытекает из отношений между ними. Отношения между цессионарием

и кредиторами обладают определенной спецификой, которая подлежит учету для определения внутренних отношений между такими сокредиторами (в широком смысле). Данные отношения основаны, во-первых, на акцессорности требования к субсидиарному должнику по отношению к требованиям к основному должнику. Во-вторых, кредиторы, отчуждая требование к субсидиарному должнику, очевидно, не могут претендовать на исполненное именно этим субсидиарным должником. В-третьих, отчуждение требования из субсидиарной ответственности, бесспорно, не должно ухудшать положение основных кредиторов, для которых такая субсидиарная ответственность является дополнительным средством защиты.

Для целей внутренних отношений цессионария и кредиторов указанная специфика должна приводить к следующему. Поскольку требование кредитора к субсидиарному должнику имеет акцессорный характер по отношению к требованиям кредиторов к основному должнику, то любое исполнение, произведенное должником или третьими лицами за него в пользу кредиторов после продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности, изменяет объем требования к субсидиарному должнику. Следовательно, такой субсидиарный должник не будет обязан к исполнению более, нежели осталось неисполненным со стороны должника и третьих лиц за него, а потому невозможна ситуация, когда регрессное требование субсидиарного должника после исполнения (п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве) приведет к превышению объема исполнения должником.

В свою очередь, исполнение субсидиарным должником до момента, когда исчерпаны все возможности получения удовлетворения от основного должника или третьих лиц, предоставивших обеспечение, приведет к постановке вопроса о двойной ответственности лишь в случае, когда такое исполнение вместе с полученным кредиторами от должника и третьих лиц (в том числе после исполнения субсидиарным должником) превысит объем задолженности основного должника. В условиях акцессорности требования к субсидиарному должнику и вытекающего отсюда субординированного характера требования цессионария это будет означать, что цессионарий, получивший от субсидиарного должника исполнение, должен будет вернуть сумму превышения соответствующему субсидиарному должнику. В данном случае суборди-

нация требования цессионария по отношению к требованиям кредиторов предполагает зависимость размера итогового удовлетворения от обстоятельств получения удовлетворения старшими кредиторами, т.е. основными кредиторами по отношению к должнику. Раз это так, то объем итогового требования цессионария (младшего кредитора) к субсидиарному должнику может быть полностью определен лишь после завершения получения исполнения старшими кредиторами. Возврат суммы превышения субсидиарному должнику приведет к тому, что размер его регрессного требования не сможет в совокупности с исполнением должника и третьих лиц, предоставивших обеспечение, превышать общий объем задолженности. При указанном толковании сама по себе изолированная уступка акцессорного требования также не создает проблемы двойной ответственности.

В силу п. 4 ст. 364 ГК РФ поручитель, который приобрел права созалогодержателя или права по иному обеспечению основного обязательства, не вправе осуществлять их во вред кредитору, в том числе не имеет права на удовлетворение своего требования к должнику из стоимости заложенного имущества до полного удовлетворения требований кредитора по основному обязательству. Расширительное толкование названного положения может привести к следующему выводу: приобретение требования к лицу, обеспечившему основное обязательство, до полного удовлетворения основного обязательства перед кредитором, также имеющим право на то же обеспечение, не может такое требование осуществить. Это выводимое положение решает проблему конкуренции требований цессионария и кредиторов по отношению к лицу, предоставившему обеспечение. Теоретически это могут быть сам субсидиарный должник (в широком смысле — как лицо, исполняющее чужое обязательство, а именно обязательство должника) и лица, предоставившие обеспечение за основного должника. В первом случае надо допустить, что кредиторы сохраняют свои требования к субсидиарному должнику, что противоречит существу отношений (продаже такого требования), во втором — что к цессионарию переходят требования к лицам, предоставившим обеспечение. Даже если не учитывать предшествующие выводы относительно отсутствия данного перехода, следует отметить, что названное положение не решает проблему конкуренции требований цессионария и требований кредиторов по отношению к

основному должнику, а ее необходимо будет решать, так как переход требований из обеспечения может быть обоснован лишь переходом требований к основному должнику.

Есть еще одно замечание по поводу решения проблемы через п. 4 ст. 364 ГК РФ: субординация требований поручителя основана на том, что именно он принял на себя обязательство отвечать перед кредитором, следовательно, его поведение в ущерб полному получению удовлетворения кредитором является противоречащим его предшествующему поведению, что недопустимо (*venire contra factum proprium*, запрет противоречивого поведения). Однако такое возражение не может без дополнительного обоснования предъявляться цессионарию. В самом широком виде цессионарию могут быть противопоставлены лишь приобретение подчиненного требования и потому необходимость субординации интересов, но для этого нет нужды ссылаться на п. 4 ст. 364 ГК РФ. Правило о недопустимости противоречивого поведения закреплено в п. 4 ст. 1 ГК РФ и конкретизировано в зависимости от обстоятельств в ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ.

Следует также обратить внимание на то, что сама по себе изолированная уступка требования, связанного через так называемый погашающий эффект с другим требованием, не противоречит закону, что подтверждается на уровне судебной практики.

Прежде всего сама дискуссионная практика Верховного Суда РФ допускает согласование изолированной уступки требования о привлечении к субсидиарной ответственности (например, определение Верховного Суда РФ от 02.12.2024 № 307-ЭС20-18035 (2)). В постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 16.12.2020 № Ф10-3042/12 по делу № А14-10202/2012 сделан вывод, согласно которому действующее законодательство не содержит запрета на уступку прав по договору ипотеки отдельно от уступки прав по основному, обеспеченному ей обязательству. Согласно правовой позиции, выраженной в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 06.12.2021 № Ф09-8991/21 по делу № А50-2387/2018, положения действующего гражданского законодательства не содержат прямого запрета на уступку права требования к поручителю отдельно от прав по обеспеченному обязательству; при этом поручитель сохраняет право на предъявление новому кредитору возражений, которые могли быть заявлены к

прежнему кредитору, в том числе со ссылкой на основное обязательство. Если изолированная уступка в принципе допустима, это возможно и в случае с уступкой акцессорного требования о привлечении к субсидиарной ответственности.

6. Неравное положение приобретателей требований из субсидиарной ответственности и лиц, удовлетворяющих требования кредиторов

Решение, согласно которому одновременно с уступкой требования о привлечении к субсидиарной ответственности переходят все требования кредиторов к должнику и к третьим лицам, ставит в неравное положение приобретателей требований из субсидиарной ответственности и лиц, удовлетворяющих требования кредиторов, что нарушает принцип равенства и потому не может предполагаться.

Как следует из ст. 113, 125 Закона о банкротстве, удовлетворение интереса в приобретении требования к должнику в сумме требований его кредиторов осуществляется посредством погашения таких требований в полном объеме. В свою очередь, приобретение требования о привлечении к субсидиарной ответственности, осуществляемое на торгах, всегда будет предполагать меньшие затраты, поскольку объектом продажи будет требование к субсидиарному должнику в объеме, не превышающем совокупный объем требований кредиторов, дисконтируемое от такого совокупного объема в зависимости от перспектив получения удовлетворения от субсидиарного должника. На практике подобное дисконтирование приводит к приобретению требования к субсидиарному должнику за сумму, в десятки, сотни и даже тысячи раз меньшую, чем номинальный объем соответствующего требования. Например, практически в тысячу раз составило кратное отклонение цены приобретения требования о привлечении к субсидиарной ответственности в деле, в рамках которого выносилось определение Верховного Суда РФ от 25.05.2023 № 307-ЭС22-27948: «Согласно протоколам об определении участников торгов от 16.09.2021 и о результатах торгов от 17.09.2021 победителем торгов признана консалтинговая группа, подавшая 10.09.2021 заявку на участие в торгах и предложившая в ходе торгов 1 400 000 руб. за требование о привлечении к субсидиарной ответственности на сумму около 1,3 млрд руб.». Отсюда следует, что при признании требова-

ний к должнику перешедшими одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности один и тот же интерес — приобретение требования к должнику в размере его совокупной задолженности — потенциально может удовлетворяться на неравных условиях (без дисконта и со значительным дисконтом в части затрат).

Впрочем, толкование законов не может быть произвольным. Оно подчиняется ст. 18 Конституции РФ, в силу которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, при выборе варианта толкования суд выбирает то, которое приводит к реализации таких прав и свобод, а не создает препятствия для этого. В свою очередь, в силу ч. 1 ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Из указанного следует, что закон не может быть истолкован в том смысле, что вместе с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности переходят и требования к должнику, а также к третьим лицам, предоставившим обеспечение, поскольку это приводит к нарушению принципа равенства.

7. Невозможность истолкования закона как допускающего обход норм о правилах приобретения требования к должнику в размере его совокупной задолженности

С учетом вышеизложенного способом приобретения требования к должнику в размере его совокупной задолженности является удовлетворение требований кредиторов в порядке, предусмотренном статьями 113, 125 Закона о банкротстве. В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Достижение целей (приобретение требования к должнику) способом, который не подразумевался законом и влечет нарушение защищаемых интересов кредиторов (на удовлетворение их требований), представляет собой обход норм, изложенных в ст. 113, 125 ГК РФ. Последствием обхода закона

является лишение обходящего такой закон преимуществ своего поведения (п. 2 ст. 10 ГК РФ), следовательно, для данной конкретной ситуации — отказ в признании требований кредиторов перешедшими к приобретателю требования из субсидиарной ответственности.

8. Невозможность истолкования закона как лишаящего имущества без справедливого возмещения

Как следует из п. 7 ст. 61.17 Закона о банкротстве, правила настоящей статьи не применяются к делам о банкротстве лиц, особенности банкротства которых регулируются параграфом 7 гл. IX названного Закона. В таких делах суммы по требованиям о привлечении к ответственности подлежат взысканию в рамках дела о банкротстве или права требования подлежат реализации по правилам ст. 140 данного Закона. К делам о банкротстве лиц, особенности банкротства которых регулируются параграфами 4 и 4.1 гл. IX Закона о банкротстве, правила упомянутой статьи применяются в случаях, если это предусмотрено положениями указанных параграфов. Это означает, что кредиторы в таких делах лишены возможности получения части требования к субсидиарному должнику и вынуждены выбирать между продажей требования о привлечении к субсидиарной ответственности и взысканием с субсидиарного должника в деле о банкротстве.

В условиях, когда взыскание в деле о банкротстве, по мнению большинства кредиторов, рассматривается как неэффективное либо когда пассивность кредиторов приводит к выбору по умолчанию продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности, это влечет лишение несогласных кредиторов их имущества в виде требований к должнику и обеспечителям, если допустить переход данных требований к приобретателю требования из субсидиарной ответственности. Это будет означать, что такой несогласный кредитор будет вынужден довольствоваться частью дисконтированной суммы, уплаченной приобретателем требования из субсидиарной ответственности, и вместе с тем будет принудительно лишен своего имущества — требования к должнику и лицам, предоставившим обеспечение. В свою очередь, в силу ч. 1–3 ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в соб-

ственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. В силу ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, при выборе варианта толкования суд выбирает то, которое приводит к реализации таких прав и свобод, а не создает препятствия для этого. Поскольку предложенный вариант толкования (переход требований кредиторов к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение, одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности к приобретателю такого требования) приводит к нарушению конституционного права собственности кредиторов должника, подобное толкование не может считаться верным.

Сходная ситуация имеет место и применительно к кредиторам, имеющим текущие требования по отношению к должнику. Такие кредиторы в любом деле о банкротстве лишены участия в определении порядка продажи требования о привлечении к субсидиарной ответственности, поскольку соответствующий порядок определяется собранием кредиторов (п. 5 ст. 61.17, п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве). Это означает, что они не могут воздействовать на определение наиболее эффективной модели продажи, лишаясь при спорном толковании также и своих требований к основному должнику, а также к лицам, предоставившим обеспечение. По мотивам, изложенным выше, это свидетельствует о неверности толкования, при котором одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности переходят требования кредиторов к должнику, а также к третьим лицам, предоставившим обеспечение.

9. Невозможность истолкования закона таким образом, который противоречит сформированным его текстом разумным ожиданиям участников оборота

Следует также обратить внимание на то, что в ст. 61.17 Закона о банкротстве прямо говорится о распоряжении требованием о привле-

чении к субсидиарной ответственности, а не требованиями к должнику и требованием о привлечении к субсидиарной ответственности. Следовательно, закон вызывает разумные ожидания участников оборота, которые заключаются в уступке лишь требования о привлечении к субсидиарной ответственности, но не требований к должнику вместе с первым. Создавая такие разумные ожидания, законодатель не может предполагать истолкование закона в противоречии с ними. Иное означало бы заведомое включение в текст закона неверно ориентирующих слов и выражений, что могло бы быть использовано против добросовестных участников лицами, желающими извлечь выгоду из несоответствия выражений закона предлагаемому толкованию. Между тем подобное положение вещей не может предполагаться по отношению к такому источнику права, как закон, поскольку коварство вторых не должно приносить им пользы, а простота первых не должна приносить им вреда (Ульпиан).

10. Невозможность истолкования закона таким образом, что вместо улучшения положения кредиторов через институт субсидиарной ответственности имеет место радикальное ухудшение данного положения, а именно потеря статуса кредитора и всего имущества, связанного с должником (права требования)

Требование о привлечении к субсидиарной ответственности является дополнительным способом защиты права кредитора. Оно в принципе не может приводить к тому, что кредитор лишается своего статуса в деле о банкротстве, выходя из него в связи с передачей всех своих требований приобретателю требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Между тем именно это имеет место в настоящем случае. Требование о привлечении к субсидиарной ответственности по умолчанию подлежит продаже, а значит, в истолковании спорной судебной практики это повлечет за собой потерю кредиторами всех своих требований к должнику и третьим лицам, предоставившим обеспечение. Очевидно, что закон не может предполагать, что дополнительный способ защиты права по умолчанию приводит к потере такого права, а потому указанное толкование не является верным.

11. Невозможность истолкования закона таким образом, что субсидиарный должник приобретает требования к основному должнику ранее исполнения субсидиарного обязательства

Именно это имеет место в случае применения спорного толкования при приобретении требования о привлечении к субсидиарной ответственности лицом, аффилированным с субсидиарным должником.

Как следует из п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве, привлеченное к субсидиарной ответственности лицо имеет право обратного требования (регресса) к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, которое удовлетворяется после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов, и требований, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр. Следовательно, для того чтобы привлеченное к ответственности лицо приобрело требования к должнику по делу о банкротстве, необходимо, чтобы данное лицо выплатило соответствующую сумму полностью или частично; вместе с тем регрессное требование ограничено суммой выплаченного. Однако в ситуации, когда требование о привлечении к субсидиарной ответственности приобретает лицом, аффилированным с субсидиарным должником, предполагается, что такое требование приобретено самим этим должником. Соответствующий прием, например, использовался в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019).

Следовательно, спорное толкование, предполагающее переход требования о привлечении к субсидиарной ответственности одновременно с требованиями кредиторов к основному должнику, вступит в противоречие с иной нормой закона, а именно с п. 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве. Отсюда следует, что подобное толкование не может иметь места.

12. Решение проблемы соотношения обязательств и иных требований, направленных к удовлетворению единого экономического интереса

Проблема соотношения требований, направленных к удовлетворению единого экономического интереса, решается в зависимости от ситуации без признания таких обязательств солидарными и выведения именно из солидаритета так называемого погашающего эффекта.

Выше были приведены способы разрешения соответствующих вопросов при конкуренции требований — виндикации и оспаривании сделок, при реституции и взыскании убытков с третьих лиц, при оспаривании сделок и взыскании убытков с руководителя контрагента по сделке и т.п. Во всех этих случаях речь идет о прекращении одного из требований после исполнения другого. В случае с поручительством двойного взыскания не образуется за счет прекращения поручительства после исполнения требования основным должником, а также за счет правопреемства на стороне кредитора после исполнения требования поручителем. Само по себе то обстоятельство, что такие требования принадлежат разным лицам (в случае с субсидиарной ответственностью это имеет место только после установления невозможности исполнения основным должником), не может менять их природу. Строго говоря, это возможно и во всех вышеперечисленных случаях при уступке одного из требований: как и ранее, в отсутствие субординации данных требований (что имеет место в случае с субсидиарной ответственностью) первое исполнение будет прекращать второе требование с возможностью цессионария обратиться к cedentu за возмещением своих потерь, если первым получит cedent.

Таким образом, оснований для вывода о переходе одновременно с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности требований кредиторов к должнику, а также к третьим лицам, предоставившим обеспечение, не имеется. При этом понимание сущности субсидиарной ответственности как последующей ответственности позволяет устранить проблему двойного взыскания, что лишает смысла введение соответствующего правового решения — перехода всех прав к приобретателю — в действующую правовую систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Егоров А. В. Актуальные проблемы солидаритета в обязательственном праве // *Цивилистика*. 2024. № 2.
Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции. Т. 2 / пер. Е. А. Флейшиц. М. : Издательство иностранной литературы, 1960.

Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020.

REFERENCES

Egorov AV. Current Issues of Solidarity in the Law of Obligations. *Civilistika*. 2024;2:18-35. (In Russ.).
Morander LZ. Civil Law of France. Vol. 2. Transl. by T.M. Fleishits. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury [Foreign Literature Publishing House]; 1960. (In Russ.).

Tololaeva NV. Passive Solidary Obligations: The Russian Approach and the Continental European Tradition. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворов Евгений Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
edsuorov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy D. Suvorov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
edsuorov@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 21 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 3 декабря 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.*

*Received 21.10.2024.
Revised 03.12.2025.
Accepted 15.12.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.081-093

Е. Г. Стрельцова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Досудебное урегулирование споров, возникающих в связи с оказанием медицинской помощи

Резюме. Опираясь на зарубежные исследования, отечественную судебную практику, статистические данные и данные опросов, автор приходит к выводу о важности факторов, не являющихся непосредственным предметом судебного исследования, но имеющих значение для этой категории споров. Пациенты не считают право защищенным, не получив извинений в случае нарушения их прав, а также полагают необходимым принятие мер, предотвращающих сходные ошибки. Таким образом, в медицинских спорах важна защита публичного и общественного интереса, которая связана с идеей устранения медицинских ошибок в отношении третьих лиц в будущем. В зарубежных правовых порядках подобные проблемы решаются посредством введения внесудебного урегулирования споров. Для исследуемых порядков характерны следующие черты: частный порядок урегулирования медицинских споров существует в качестве специализированной институции; арбитрами выступают юристы и врачи; информация о конфликте и о результатах его рассмотрения доводится до сведения лиц, полномочных принимать решения о профессиональной деятельности врачей (лицензировать их деятельность и т.д.). Выделены особенности обязательного и факультативного претензионных порядков в отношении медицинских споров в России, отмечены проблемы досудебного урегулирования требований о возмещении морального вреда. В настоящее время пациенты предпочитают обращение к контролирующим органам. Автор выступает с инициативой ввести единый внесудебный порядок рассмотрения споров, для чего необходимо создать специализированные региональные комиссии, действующие за счет отчислений страховых и медицинских организаций, и вносит предложения по организации работы этих комиссий.

Ключевые слова: медицинские споры; досудебное урегулирование; претензионный порядок; моральный вред; штрафные убытки; медицинская ошибка; публичный и общественный интерес; административный порядок защиты права; единый электронный федеральный реестр; дистанционное участие

Для цитирования: Стрельцова Е. Г. Досудебное урегулирование споров, возникающих в связи с оказанием медицинской помощи. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 81–93. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.081-093

Pre-Litigation Resolution of Medical Disputes

Elena G. Streltsova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on foreign research, domestic judicial practice, statistical data, and survey results, the author concludes that factors not constituting the direct subject of judicial examination nevertheless play a significant role in medical disputes subject to pre-litigation resolution. Patients do not consider their rights to be protected if they have not received an apology in cases of rights violations, and they regard the adoption of measures to prevent similar errors as necessary. Thus, in medical disputes, the protection of public and societal interests is of particular importance, being connected to the objective of eliminating medical errors affecting third parties in the future. In foreign legal systems, similar issues are addressed through the introduction of out-of-court

© Стрельцова Е. Г., 2026

dispute resolution mechanisms. The examined systems share the following characteristics: private procedures for resolving medical disputes operate as specialized institutions; arbitrators include both legal professionals and physicians; information regarding the conflict and the outcome of its resolution is communicated to persons authorized to make decisions concerning the professional activities of physicians (such as licensing their practice). The study identifies specific features of mandatory and optional claim procedures in medical disputes in Russia and highlights the challenges of pre-litigation resolution of claims for compensation for moral damages. At present, patients tend to prefer addressing supervisory authorities. The author proposes the establishment of a unified out-of-court procedure for dispute resolution, which would require the creation of specialized regional commissions funded through contributions from insurance and medical organizations, and outlines proposals for the organization and functioning of such commissions.

Keywords: medical disputes; pre-litigation resolution; claim procedure; moral damages; punitive damages; medical error; public and societal interest; administrative procedure for the protection of rights; unified federal electronic register; remote participation

Cite as: Streltsova EG. Pre-Litigation Resolution of Medical Disputes. *Lex russica*. 2026;79(1):81-93. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.081-093

1. Медицинские споры в целом и споры, связанные с оказанием медицинской помощи, — крайне непростая категория дел, поскольку помимо сложностей, возникающих при установлении и квалификации совокупности юридически значимых фактов, в этих делах весомое значение приобретают два неюридических фактора: медицинские знания и (в основном) длительная конфликтность ситуации.

Восполнение медицинских знаний в судебном процессе происходит за счет привлечения экспертов. В рассматриваемой категории дел, как правило, проводится экспертиза. Это, очевидно, объяснимо необходимостью восполнить отсутствие профессиональных медицинских знаний у суда. Однако у такого решения есть отрицательная сторона в виде существенно возрастающих судебных расходов. Так, на 2025 г. стоимость одной экспертизы по делам, связанным с оказанием медицинской помощи, могла составлять около 200 000 руб.¹ И вполне типична ситуация, когда стоимость экспертизы по этой категории дел сопоставима с суммой искового требования либо превышает ее. Например, в деле о возмещении вреда, причиненного ошибочным терапевтическим и ортопедическим лечением зубов, суд удовлетворил требования о взыскании некачественно оказанной помощи в размере 3 000 руб., взы-

скал неустойку в размере 70 380 руб., убытки — 111 000 руб., компенсацию морального вреда — 120 000 руб., штраф — 152 190 руб. Расходы на судебную экспертизу в данном деле — 130 000 руб.² Состав взысканного демонстрирует, что собственно стоимость некачественно оказанной помощи и убытки пациента — 114 000 руб., а стоимость экспертизы превысила эту сумму.

Из всех трат, понесенных заинтересованными лицами при рассмотрении судом споров, связанных с оказанием медицинской помощи, эта часть судебных расходов тяготеет к группе существенных, а значит, затрагивает интересы сразу нескольких лиц: лица, оплатившего экспертизу посредством внесения депозита; лица, обязанного судом возместить расходы на экспертизу по итогам рассмотрения дела; экспертной организации. Безусловно, кроме финансовых затрат, производство экспертизы влечет еще и значительное увеличение времени, в течение которого спор остается неразрешенным.

Второй неюридический фактор — высокая степень конфликтности дел данной категории — сам по себе очевиден, но чаще всего остается за границами судебного исследования. Лишь иногда в судебных постановлениях отражаются обстоятельства, которые наравне

¹ Так, в деле УИД 77RS0016-02-2022-020343-72 (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2025 № 88-16779/2025) расходы на экспертизу составили 228 тыс. руб.; в деле УИД 50RS0031-01-2023-007023-14 (определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2025 по делу № 88-15855/2025) — 237 518 руб.; в деле УИД 16RS0040-01-2021-012948-40 (определение Верховного суда Республики Татарстан от 03.07.2025 по делу № 33-10420/2025) — 184 863 руб.

² Решение Центрального районного суда города Барнаула от 06.08.2025 по делу № 2-816/2025 (УИД 22RS0068-01-2023-005472-11) (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

с прямым причинением вреда здоровью пациента повлияли на длительную конфликтность ситуации. Обычно их увязывают с возмещением морального вреда. Так, в одном из дел истец указал, что нравственные страдания выразились в обиде на врача В., который, чувствуя безнаказанность, заявил в конце работ: «Был зуб и нету»³. В другом деле пациент пояснил, что «испытывал обиду на врача из-за неуважительного отношения к нему, того, что до настоящего времени ему не принесены извинения от медицинского учреждения за поведение врача Е., за неправильное и несвоевременное лечение, повлекшее ампутацию, затруднения и неудобства в своем обслуживании, стеснение, вызванное неустранимым дефектом внешнего вида, и из-за прогнозирования повторной операции»⁴. Еще в одном деле истец прямо сослался на «длительность психотравмирующей ситуации, ограничившей его активную жизнь»⁵, а после смерти родственника истцы утверждали, что у них «появилась обида на врачей и страх за свои жизни при оказании медицинской помощи»⁶.

Принесение извинений имеет высокую ценность для пациентов и их законных представителей. Например, в деле, урегулированном во внесудебном порядке Уполномоченным по правам ребенка Московской области, в качестве самостоятельного результата разрешения спора прямо отмечалось, что «маме принесены извинения в связи со сложившейся ситуацией»⁷.

Учитывая, что суд не может обязать ответчика принести извинения, эта часть конфликта между пациентом и медицинской организацией или врачом нередко так и остается нераз-

решенной, несмотря на наличие судебного решения.

Таким образом, существует устойчивая проблема, касающаяся судебного порядка рассмотрения медицинских споров: судебные затраты по этим делам имеют для заинтересованных лиц повышенную стоимость, но при этом не всегда достигается значимый для пациента результат. Так, по данным социологического обследования, среди всех органов и должностных лиц, рассматривавших споры и жалобы, связанные с оказанием медицинской помощи, максимальное число респондентов, заявивших о полной неудовлетворенности результатом обращения, указали суд (30,6 %) ⁸.

2. В странах, накопивших опыт рассмотрения споров по поводу оказания медицинской помощи пациенту, наблюдаются сходные проблемы.

В частности, польские ученые считают, что интерес к АРС-урегулированию в отношении споров, возникающих из-за медицинских ошибок, проявился потому, что при рассмотрении в судебном порядке «потреблялось слишком много ресурсов, затруднялся обмен информацией между заинтересованными сторонами, а также требовались слишком формальные правила поведения и, что немаловажно, гораздо больше времени на обработку и разрешение спора, а также более высокие судебные издержки. Кроме того, передача спора с участием пациента в суд часто негативно сказывается на отношениях между пациентом и медицинским работником, а эмоции, сопровождающие такого рода споры, часто сводят судебные разбирательства к определению того, “кто прав”, а не того, является ли событие результатом халатности медицинских работников»⁹.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2025 № 88-16001/2025 (УИД 63RS0029-02-2024-001735-08).

⁴ Решение Зейского районного суда Амурской области от 10.12.2019 № 2-796/2019~М-705/2019.

⁵ Решение Междуреченского городского суда Кемеровской области от 04.04.2016 по делу № 2-437/2016~М-31/2016.

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 по делу № 88-19413/2024 (УИД 50RS0009-01-2023-000300-09).

⁷ Доклад Уполномоченного по правам ребенка в МО «О деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Московской области в 2022 году» // Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Московской области. URL: <http://detimo.mosreg.ru>. 28.09.2023.

⁸ См.: Результаты общероссийского комплексного социологического исследования «Мониторинг жалоб и обращений пациентов в связи с проблемами получения медицинской помощи в системе ОМС» (II волна, сентябрь — октябрь 2021 г.) // URL: <https://congress-vsp.ru/media/lwuna1kd/monitoringzhalobiobrasheniipacientovvsvyazisproblemamipolucheniya medicinskoipomoshivsystemeoims.pdf> (дата обращения: 16.10.2025). С. 19. Подробнее эти данные будут разобраны в разд. 5 статьи.

В зарубежных исследованиях, анализирующих данные о пациентах, обратившихся с исками против врачей и медицинских организаций, подчеркивается высокая степень эмоциональных ожиданий от порядка рассмотрения споров этой категории¹⁰ — тоже своего рода компенсации. Так, пациенты ожидают достижения трех внеправовых целей: объяснений (этот мотив был назван 90 % истцов при подаче исков о врачебной халатности в Англии и Уэльсе), предотвращения ситуации для других, в том числе путем взыскания штрафных убытков (признавая, что это цель *pro bono*), и извинений¹¹. Интересно, что извинения как одна из значимых целей отмечается и в другой стране, с другой правовой системой и другим социально-культурным контуром межличностных отношений. По мнению китайских авторов, необходим механизм урегулирования споров, предусматривающий извинения врача¹². Австралийские исследователи констатируют, что выбор пациентами государственной несудебной системы урегулирования медицинских споров (государственная комиссия по рассмотрению жалоб пациентов) связан в том числе с ожиданиями предотвращения аналогичных последствий для других пациентов¹³, то есть, по сути, с инициативным приданием общественной значимости результатам частнопроводимого спора.

Надо сказать, что в этом вопросе у пациентов в России сходная аргументация. Ссылка пациентов на потребность в извинениях со стороны медицинской организации, допустившей ошибку, выступает устойчивой частью исковых заявлений, апелляционных и кассационных жалоб или отзывов в вышестоящие судебные инстанции. Несмотря на то что суды, как правило, не обращаются к обсуждению этого вопроса в контексте изучения фактических обстоятельств дела, истцы считают необходимым подчеркнуть в процессуальных документах отсутствие извинений от виновного лица. Например, истец указал, что «извинения третьего лица не может принять как искренние, поскольку все действия произведены после возбуждения уголовного дела»¹⁴.

В другом случае на уровне рассмотрения дела в суде кассационной инстанции истец ссылался в качестве самостоятельных аргументов на «длительность разрешения спора (три года), непризнание вины и непринесение извинений ответчиком»¹⁵, а также на то, что «взысканный размер компенсации морального вреда не направлен на недопущение ответчиком в будущем нарушения прав пациентов»¹⁶, то есть фактически требовал взыскания штрафных убытков¹⁷.

Из этой и подобных формулировок процессуальных документов выявляется признавае-

⁹ Klich A. Proceedings before regional commission for evaluation of medical events (rcme) in Poland as an extrajudicial method of resolving civil disputes involving patients // *Медицинское право*. 2020. Vol. 2020. № 1. P. 40.

¹⁰ Tumelty M. E. Plaintiff aims in medical negligence disputes: limitations of an adversarial system // *Medical Law Review*. 2023. Vol. 31. № 2. P. 235–236.

¹¹ Tumelty M. E. *Op. cit.* P. 236–237.

¹² Linlin Zh., Shimeng Zh. Analysis and improving countermeasures of medical disputes from the perspective of legal changes // *Journal of Otolaryngology*. 2024. Vol. 19. № 4. C. 247–250.

¹³ Remedies sought and obtained in healthcare complaints / M. M. Bismark, M. J. Spittal, A. J. Gogos [et al.] // *BMJ Qual Saf*. 2011. № 20 (9). P. 806–810. URL: <https://qualitysafety.bmj.com/content/20/9/806> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁴ Решение Ленинского районного суда города Тюмени от 10.01.2020 № 2-449/2020.

¹⁵ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 № 88-17594/2025 (УИД 63RS0018-01-2023-000393-92).

¹⁶ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 № 88-17594/2025 (УИД 63RS0018-01-2023-000393-92).

¹⁷ Концепция штрафных убытков в зарубежном процессе связана с наказанием ответчика за тяжкие проступки, выходящие за рамки простой ошибки. Суды обращаются к этой компенсации, чтобы предотвратить повторение подобных противоправных действий. Называемый убытками, этот институт тем не менее не предназначен для возмещения убытков истца, его цель — предотвращение проступков в будущих делах о причинении вреда здоровью. Подробнее см., например: *The Code of Civil Procedure of California* // URL: <https://leginfo.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=CCP&tocTitle=Code+of+Civil+Procedure+-+CCP> (дата обращения: 08.10.2025). § 425.13.

мый самими пациентами публичный и общественный интерес, заключающийся в том, чтобы при рассмотрении конкретного спора были приняты меры по предотвращению сходных ошибок в отношении других пациентов.

3. Чтобы купировать проблемы, выявленные в связи с судебным порядком рассмотрения медицинских споров, в ряде юрисдикций обратились к досудебному порядку их урегулирования.

Приоритет внесудебному порядку рассмотрения медицинских споров отдается в Индонезии¹⁸, а с 2023 г. по данным категориям дел это стало обязательным досудебным этапом, однако стороны могут выбирать между медиацией и арбитражем, решения которого окончательны и обязательны для сторон¹⁹.

В Англии и Уэльсе досудебное урегулирование по этой категории дел также является обязательным, не препятствуя последующему обращению в суд²⁰.

В Ирландии добровольным вариантом досудебного урегулирования выступает медиация, к которой обращаются нечасто. При этом споры о медицинской халатности в Ирландии в 98 % случаев разрешаются без судебного разбирательства²¹.

В Китае существует множество форм досудебного урегулирования, оно осуществляется как в государственном, так и в частном порядке: это медиация, посредничество при медицинских учреждениях, но нередко стороны прибегают и к незаконному *Yinao*²². Китайские исследователи подчеркивают, что среди проанализированных ими дел провинции Гуандун медиация позволила разрешить около 90 % ме-

дицинских споров посредством существующих механизмов²³.

Установление того или иного досудебного порядка урегулирования споров, связанных с оказанием медицинской помощи, а также степени его обязательности, как представляется, прямо коррелирует с вопросом о том, считает ли законодатель необходимым учитывать в этих делах публичный, общественный интерес или нет.

Элемент публичного интереса выступает значимым аргументом для решения вопроса о том, могут ли дела, касающиеся урегулирования медицинских споров, рассматриваться в сугубо частноправовых порядках разрешения спора, без использования публичных инструментов. Вместе с тем нельзя не принять во внимание, что именно совокупность ресурсов публично-правовых инструментов, предоставляемых в государственных порядках, создает условия не столько для разрешения существующего конфликта, сколько для предотвращения возникновения подобных ситуаций в будущем.

Необходимость привлечения механизмов государственного контроля вызвана опасением, что ошибка, допущенная в отношении одного пациента, может стать системной. Тем более значимым это опасение становится, когда анализируются дела о компенсации вреда, причиненного оказанием медицинской помощи. В частности, это позволяет выявлять направления, в которых причинение вреда оценивается пациентами как настолько значимое для себя, что они начинают процесс защиты или восстановления права. Так, индийские ученые на сравнительно небольшом срезе дел приходят к заключению, что основные проблемы, связан-

¹⁸ Utama M. S., Zamroni M., Putera A. P. Settlement of medical disputes through litigation and non-litigation // JILPR Journal Indonesia Law and Policy Review. 2024. Vol. 5. № 3. P. 668–676.

¹⁹ Nusantara Putra I. M. H. C., Parsa I. W. Arbitration as a medical dispute resolution method under Indonesian positive law // Journal of Law and Regulation Governance. 2024. Vol. 2. № 9. P. 332–342.

²⁰ Tumelty M. E. Op. cit. P. 235.

²¹ Tumelty M. E. Op. cit. P. 228–229.

²² Термин *Yinao* раскрывается как конфликты, «которые семьи пациентов ведут с медицинским персоналом и учреждениями, используя насилие или незаконные формы поведения», при этом сам по себе этот вариант разрешения конфликта настолько укоренился в обществе, что семьи пациентов регулярно прибегают к нему. См.: Jiong Tu. *Yinao: Protest and Violence in China's Medical Sector* // Berkeley Journal of Sociology. URL: <https://berkeleyjournal.org/2014/12/11/yinao-protest-and-violence-in-chinas-medical-sector/> (дата обращения: 08.10.2025).

²³ The role of mediation in solving medical disputes in China / M. Wang, G. G. Liu, H. Zhao [et al.] // BMC Health Services Research. 2020. Vol. 20. № 1. P. 1–10.

В статье отмечается, что средний размер компенсации за медиацию составил 60 200 юаней, а средняя продолжительность медиации — 87 дней. При этом указывается и на относительно высокое количество дел, в которых применялось *Yinao*.

ные с выплатой компенсаций пациентам, чаще всего возникали в хирургии, затем — в акушерстве и гинекологии, причем самую большую группу составили случаи личной халатности врачей, за ней следовали ошибки, допущенные при оформлении медицинских документов²⁴.

Китайские авторы на гораздо более обширном материале прослеживают такую же зависимость: в первую очередь пациенты обращаются в суд из-за ошибок, допущенных в хирургии, затем — в акушерстве и гинекологии, а в качестве третьей группы они называют лечение внутренних болезней нехирургическими методами. По их данным, наибольшее количество споров возникает из-за медицинских манипуляций и операций, совершаемых в медицинских учреждениях низового звена²⁵. Любопытно, что и причины, по которым пациентам выплачены компенсации, также в целом совпадают, но, детализируя, китайские ученые указывают на то, что в отношении правил медицинского лечения и ухода за больными ошибки медицинского персонала — это в первую очередь нарушение информированного согласия пациента, а также нарушения, допущенные не только при назначении и осуществлении лечения врачами, но и в рамках сестринского ухода²⁶.

Южнокорейские исследователи отмечают примерно те же факторы, явившиеся причинами выплат компенсаций пациентам²⁷, а тайваньские добавляют интересную деталь: на вероятность медицинского спора в сфере пластической хирургии и отказ от судебного разбирательства значительно влияли стаж и опыт хирурга²⁸.

В действительности эти направления медицинской помощи (хирургия, гинекология) подтверждают не то, что в них чаще всего совершаются ошибки, а то, что пациенты оценивают ущерб здоровью, причиненный лечением и медицинскими манипуляциями в этих сферах, как наиболее значимый для них, в том числе ввиду пролонгированного эффекта от некачественной медицинской помощи и эмоциональной окраски сложившейся ситуации. Тем не менее каждый случай медицинской ошибки требует обязательной фиксации и разбора в целях предотвращения сходных ошибок.

В Казахстане этот вопрос решен следующим образом: споры, связанные с причинением вреда жизни и здоровью пациента при осуществлении лечения на условиях обязательного социального медицинского страхования, отнесены к публично-правовым. Остальные споры могут рассматриваться в частном порядке. Но на уровне научных исследований предлагается допустить возможность проводить альтернативные процедуры урегулирования споров, когда стороной спора является государственный орган или саморегулируемая организация, наделенная публичной властью, в том числе при решении вопросов, касающихся медицинского инцидента. При этом по действующим правилам причины и условия медицинского инцидента подлежат внутреннему анализу медицинской организацией, а также уполномоченными органами, осуществляющими государственное управление здравоохранением и государственный контроль в сферах оказания медицинской помощи²⁹. Таким образом, независимо от того,

²⁴ *Sukumar S. Medical negligence in cases decided by the national consumer disputes redressal commission: a five-year retrospective review // Indian Journal of Medical Ethics. 2023. Vol. 8. № 4. P. 273–278. URL: <https://ijme.in/articles/medical-negligence-in-cases-decided-by-the-national-consumer-disputes-redressal-commission-a-five-year-retrospective-review/> (дата обращения: 15.10.2025).*

²⁵ *Analysis of the characteristics and risk factors affecting the judgment results of medical damage liability disputes in 3 172 second-instance and retrial cases in China / Yanfei Shen, Sheng Lei, Qi Wang [et al.] // Human Resources for Health. 2023. Vol. 21. № 1. Article number 53. URL: <https://human-resources-health.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12960-023-00832-6#Sec7> (дата обращения: 15.10.2025).*

²⁶ *Analysis of the characteristics and risk factors affecting the judgment results of medical damage liability disputes in 3 172 second-instance and retrial cases in China.*

²⁷ *Analysis of lawsuit cases in the Department of Surgery in Korea / J.Y. Jung, S. Y. Kim, Kim, D. G. Kim [et al.] // Ann Surg Treat Res. 2018. Vol. 94. № 3. P. 113–117. URL: <https://doi.org/10.4174/astr.2018.94.3.113> (дата обращения: 15.10.2025).*

²⁸ *Analysis of medical litigation among patients with medical disputes in cosmetic surgery in Taiwan / Sh. Lyu, Ch. Liao, K. Chang [et al.] // Aesthetic Plastic Surgery. 2011. Vol. 35. № 5. P. 764–772.*

²⁹ *Нургазинов Б. К. Урегулирование споров о медицинских инцидентах в порядке медиации в контексте норм АППК РК // Астана медициналық журналы. 2020. № 4 (106). С. 318–327. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54160852_43164651.pdf (дата обращения: 16.10.2025).*

в каком из досудебных порядков рассматривается спор, частном или публичном, уполномоченные государственные органы получают возможность контролировать информацию об имевшихся спорах по поводу оказания медицинской помощи.

В Японии также действует сложная система сочетания частного порядка урегулирования спора с элементами публичного контроля за спорной ситуацией в целом. Пациент, считающий, что его права нарушены, обращается в медицинский совет префектуры (административный орган), который полномочен содействовать примирению сторон, что совет и делает независимо от хода рассмотрения спора. В свою очередь, сам спор рассматривается страховой компанией, в которой застрахована ответственность конкретного врача. Если врач состоит в самофинансируемой ассоциации врачей³⁰, страховая компания запрашивает ее мнение о том, как следует оценить деятельность врача, какова должна быть компенсация и т.д. К процессу урегулирования споров, помимо сторон, привлекаются медицинский совет префектуры и при необходимости сторонние юристы³¹.

В Польше рассмотрение медицинских споров осуществляется специальным органом (Региональной комиссией по оценке медицинского события) в рамках АРС-процедуры. Комиссия включает в себя двух представителей юридических наук, двух — медицинских, что связано с желанием избежать необходимости использования мнения специалиста благодаря знаниям членов судебной коллегии в области медицины. В литературе отмечается, что само по себе медицинское образование не всегда бывает достаточным для эффективного урегулирования спора³² и требуется более конкретная медицинская специализация в зависимости от специфики дела (вероятно, хорошим примером будет объяснение, что офтальмолог

вряд ли может профессионально и на нужном уровне проконсультировать по вопросам гастроэнтерологии)³³. Соответственно, и в этом правовом порядке существует диффузия частноправовых методов урегулирования с публичными средствами контроля, но с большим уклоном в частную сферу; поскольку региональные комиссии по оценке медицинского события относятся к органам самоуправления³⁴, наделенным публичными функциями, они могут принимать решения о лишении медицинских лицензий и о запрете занятия руководящих должностей в медицинских организациях³⁵.

Резюмируя, можно выделить следующие общие подходы:

— частный порядок урегулирования медицинских споров существует не как общая альтернатива разрешения споров во внесудебном порядке, а в качестве специализированной институции, призванной рассматривать только эти конфликты;

— в рассмотрении конфликтных ситуаций в качестве арбитров принимают участие как юристы, так и врачи;

— информация о конфликте и о результатах его рассмотрения доводится до сведения лиц, полномочных принимать решение о профессиональной деятельности врачей (лицензировать их деятельность, ограничивать в занятии должностей и т.д.).

В то же время нужно выделить еще одну особенность: сам по себе внесудебный порядок урегулирования медицинских споров, каким бы он ни был, имеет несколько целей:

— выявление причин конфликта для устранения ошибок и их причин;

— возможность получения стороной спора объяснений от врачей, с которыми возник конфликт, при участии независимых врачей, которые могут дать пациенту дополнительные консультации, в том числе верифицировать правильность действий лечащих врачей, объ-

³⁰ Участие в ней для врачей не является обязательным. См.: Японские врачи сами разрабатывают стандарты деятельности // URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=5498в> (дата обращения: 11.11.2025).

³¹ Японские врачи сами разрабатывают стандарты деятельности.

³² Членов комиссии назначают в алфавитном порядке, и область спора может не совпадать с областью специализации врача — члена комиссии. Из этого правила есть исключения, но они достаточно сложно реализуемы.

³³ Klich A. Op. cit. P. 48.

³⁴ В Польше участие в саморегулируемой организации врачей — обязательное условие для осуществления врачебной деятельности. См.: В Польше пациент может обратиться во врачебный суд // URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=5492> (дата обращения: 15.11.2025).

³⁵ В Польше пациент может обратиться во врачебный суд.

ясняющих выбор тактики и методов лечения, действий и т.д.;

— обсуждение более широкого круга вопросов, чем в суде, в том числе для выявления неюридических причин конфликта.

Необходимо отметить еще одну важную особенность обсуждаемых споров. Конфликт между пациентом и врачом может возникнуть на разных этапах лечения. Результаты исследований английских и норвежских ученых, согласно которым консенсус потенциально может привести к неблагоприятным решениям о лечении³⁶, позволяют заключить, что склонение сторон к взаимным уступкам, мировому соглашению и т.д. уместно, лишь когда это не касается порядка лечения. Таким образом, в указанной категории дел примирение не выступает центральной идеей процедуры урегулирования спора, что отражается на формировании порядка урегулирования конфликтов, связанных с оказанием медицинской помощи, и полномочиях лиц, рассматривающих спор.

4. В России обязательный претензионный порядок предусмотрен для споров, вытекающих из оказания медицинской помощи в рамках страхования. Досудебным урегулированием таких споров занимаются страховые медицинские организации, которые принимают на себя функцию экспертного контроля по страховым случаям³⁷. По данным Всероссийского союза пациентов, при стабильном ежегодном приросте жалоб пациентов практически в половине случаев, когда человека не устраивает лечение, он обращается за консультацией и помощью в компанию, оформившую ему полис ОМС³⁸. М. В. Кратенко справедливо отмечает, что требование о компенсации морального вреда (который не входит в страховое покрытие), согласно судебной статистике, является наиболее

распространенным в медицинских спорах³⁹. Это приводит к тому, что на практике при совокупности требований, в которых хотя бы по одному предусмотрено обращение в обязательном претензионном порядке, все остальные также заявляются в рамках досудебного требования.

А вот споры касательно медицинской помощи, оказанной вне страхования, в том числе по требованиям о возмещении вреда, включая моральный вред в связи с предоставлением медицинской помощи, не предполагают обязательного обращения к досудебному порядку урегулирования, однако и в этом случае пациенты нередко прибегают к нему. Как правило, выбор досудебного порядка обусловлен совокупностью причин, в числе которых надежда на более быстрое и простое разрешение спора и нежелание тратить значительные ресурсы: время, силы, деньги.

Вместе с тем в 2021 г. в ходе социологического опроса, моделировавшего ситуацию совета, куда следует обращаться при нарушении прав пациента (открытый опрос, допускающий несколько ответов), обращение в суд было названо лишь 4,4 % респондентов, а сама по себе медиация не была названа вообще. Но обращение к руководству медицинской организации, в страховую компанию и в Росздравнадзор или региональный орган управления здравоохранения назвали 59,3; 45,8 и 50 % в совокупности соответственно⁴⁰.

А в отношении реального опыта пациентов данные за тот же период таковы: обращение к руководству организации показало, что в 53,9 % случаев проблема решена, в 21,3 % направили в нужную организацию (то есть разъяснили порядок обращения, разграничение компетенции принятия решений и т.д.) и не решена в 24,8 % случаев. По той же динамике

³⁶ *Lindsey J., Schuberg D., Browning J.* Medical treatment disputes and children: an empirical analysis of sixteen years of reported judgments in England and Wales // *Journal of Social Welfare and Family Law*. 2024. Vol. 46. № 4. P. 582–601. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09649069.2025.2454107#d1e240> (дата обращения: 15.10.2025).

³⁷ *Старченко А. А.* Досудебное урегулирование споров в системе ОМС: эффективная экспертная деятельность и защита прав и законных интересов пациента в рамках национального проекта «Здравоохранение» // *Менеджер здравоохранения*. 2019. № 7. С. 69.

³⁸ URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Strahovshiki-soobshili-ob-velichenii-kolichestva-priznannyh-obosnovannymi-jalob-pacientov.html> (дата обращения: 16.10.2025).

³⁹ *Кратенко М. В.* Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М. : Норма, Инфра-М, 2024.

⁴⁰ Общероссийское комплексное социологическое исследование «Мониторинг жалоб и обращений пациентов в связи с проблемами получения медицинской помощи в системе ОМС». II волна, сентябрь — октябрь 2021 г. М., 2021. С. 17.

решение проблемы полностью региональным управлением здравоохранения было в 42,8 % случаях, Министерством здравоохранения — в 41,7 %, страховой компанией — в 40,1 %, судом — в 37,8 %. При этом по критерию «отказ в помощи» (то есть полная неудовлетворенность результатом обращения) лидирует суд (30,6 %) против 17,6 % у страховой компании, 24,8 % у руководства организации, 21,3 % у регионального управления здравоохранения и 26,7 % у Министерства здравоохранения⁴¹.

По данным обзора сведений об обращениях граждан Московской области в органы власти всех уровней в 2023 г., среди 97 тыс. обращений жалобы на отказ в оказании медицинской помощи составили 5 707, из них необоснованными признано 42,1 %; на некачественное оказание медицинской помощи пожаловались в 4 844 случаях, из них 51,4 % обращений признаны необоснованными⁴². Доля необоснованных жалоб на доступность медицинской помощи достаточно велика, связана с численностью и возрастной структурой населения⁴³.

По данным ФФОМС, за девять месяцев 2024 г. в страховые медицинские организации поступило около 3,5 млн обращений со стороны застрахованных лиц. В основном они содержат просьбы разъяснить или пояснить отдельные положения. Но 33,5 тыс. жалоб были на оказание некачественной медицинской помощи, из которых после проведения контрольно-экспертных мероприятий 23,7 тыс. признаны обоснованными и урегулированы. Доля поступивших в страховые медицинские организации жалоб на оказание некачественной медицинской помощи составила менее 1 %⁴⁴.

А в отношении частных медицинских организаций другой контролирующей организацией — Росздравнадзором — указывается обратное: по сравнению с 2023 г. количество

жалоб в 2024 г. увеличилось на 15,5 %. Среди них наибольшая доля — на качество медицинской помощи (21,5 %), 18,4 % касаются этики, 15 % — работы организации, 13,1 % — отказов в предоставлении помощи, 10,9 % — правил оказания помощи, 8,2 % — несвоевременной диагностики, 5,2 % — смерти пациента⁴⁵.

Приведенная статистика позволяет сделать несколько важных выводов:

1. В настоящее время в России пациенты при досудебном порядке урегулирования споров предпочитают обращение к контролирующим органам, что объясняется минимальными затратами временных и юридических ресурсов и бесплатностью для пациента.

К факторам, побуждающим обращаться именно в таком порядке, относятся также возможности контролирующего органа обеспечить быстрое исполнение принятого решения.

В качестве дополнительного фактора не исключаются ожидания пациентов, связанные с принятием контролирующим органом организационно-системных и кадровых решений, предотвращающих ошибку при оказании медицинской помощи в будущем.

2. Количество обращений с просьбой разъяснить или пояснить отдельные вопросы, возникающие при оказании медицинской помощи, демонстрирует потребность в наличии третьего, независимого лица, способного дать соответствующие пояснения в конфликтных ситуациях либо предотвратить их.

3. Данные о неудовлетворенности судебным порядком защиты прямо коррелируют с особенностями разрешения споров в судебном порядке и ожиданиями пациентов: суд исследует исключительно юридически значимые обстоятельства дела. Выше нами отмечалось, что потребность в извинениях (при наличии оснований) и разъяснениях оснований принятой или отвергнутой траектории лечения явля-

⁴¹ Общероссийское комплексное социологическое исследование «Мониторинг жалоб и обращений пациентов в связи с проблемами получения медицинской помощи в системе ОМС». II волна, сентябрь — октябрь 2021 г. С. 19.

⁴² Примачёва А. Р., Гурняк И. С., Тришина П. И., Сабгайда Т. П. Жалобы пациентов как индикатор доступности медицинской помощи // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70. № S5 : 10. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1677/30/lang.ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-S5-10.

⁴³ Примачёва А. Р., Гурняк И. С., Тришина П. И., Сабгайда Т. П. Указ. соч.

⁴⁴ URL: <https://protiv-raka.ru/rukovodstvo-ffoms-soobshhilo-skolko-zhaluyutsya-na-kachestvo-meditsinskoj-pomoshhi/> (дата обращения: 16.10.2025).

⁴⁵ URL: <https://www.pnp.ru/social/roszdravnadzor-chislo-zhalob-na-chastnye-kliniki-vyroslo-na-155.html> (дата обращения: 16.10.2025).

ется значимым компонентом урегулирования спора, но именно эти вопросы, как правило, не обсуждаются при рассмотрении дела в судебном порядке либо обсуждаются исключительно в контексте юридически значимых фактов.

4. Формирование системы защиты прав застрахованных лиц в сфере обязательного медицинского страхования, включая открытие офисов страховых медицинских организаций по защите прав застрахованных лиц, в том числе в целях досудебного урегулирования споров, связанных с оказанием медицинской помощи, отнесено к приоритетным направлениям развития здравоохранения в РФ⁴⁶.

В настоящее время параллельно действуют иные порядки урегулирования конфликтов в сфере оказания медицинской помощи, из которых наиболее востребован административный.

М. В. Кратенко предлагает большинство споров, связанных с оказанием пациенту некачественной медицинской помощи, рассматривать примирительными комиссиями при органах управления здравоохранением, взаимодействующих с субъектами ОМС (территориальными фондами ОМС, страховыми медицинскими организациями) в части обмена информацией о медицинских происшествиях, предъявленных пациентами претензиях, примененных к субъектам медицинской деятельности финансовых санкций⁴⁷. Контекст этого предложения не дает понять, считает ли их автор возможным отказаться от административного порядка урегулирования медицинских споров.

Полагаем, что административный порядок урегулирования таких споров вряд ли может быть отменен: граждане имеют право обращаться в контрольно-надзорные органы, а те обязаны реагировать на жалобы. Как указывалось выше, этот порядок в целом вызывает у граждан доверие и обладает для них дополнительными преимуществами экономии всех ресурсов, при этом его единственным недостатком можно считать обратную сторону достоинства: пациент не участвует в процессе рассмотрения конфликта, то есть может донести свою позицию единожды и опосредованно, в письменном виде; отчасти по этим же причинам (отсутствующая прямая коммуникация) пациент может не получить разъяснений касательно

выбора тактики и методов лечения, а также не получить извинений. Однако в данном случае это становится выбором пациента.

На наш взгляд, единый внесудебный порядок, не исключающий возможности обращения пациентов в административные органы, целесообразно внедрять посредством специализированных региональных комиссий, действующих за счет отчислений страховых и медицинских организаций.

Комиссией будут рассматриваться все споры, связанные с оказанием медицинской помощи, а не только со страховой медициной (обязательной и добровольной). Представляется, что любая медицинская организация, как и страховая компания, осуществляющая страхование медицинской деятельности, должна уплачивать регулярные взносы на финансирование этих комиссий (по аналогии с банками и страховыми организациями, несущими расходы на деятельность финансового уполномоченного).

С учетом потребностей, возникающих при рассмотрении этого вида споров, в состав комиссии войдут: представитель органа управления здравоохранением; представитель страховой организации; не менее двух врачей, ротирующихся в зависимости от медицинской специфики спора; юрист.

Целью работы комиссии будет достижение всех результатов, значимых для устранения спора, а именно:

- устранение спорной ситуации;
- подробное разъяснение пациенту причин выбора определенной тактики лечения или причин допущенных ошибок;
- принятие мер по устранению причин допущенных ошибок и их недопущению в отношении иных лиц;
- принесение извинений при необходимости как пациенту, так и врачу.

Вопрос достаточности врачей узкой специализации может быть решен посредством их дистанционного участия, в том числе привлечением специалистов из других регионов. Привлечение специалистов из других регионов вообще должно стать основным решением в рамках работы соответствующих комиссий.

Дистанционное участие следует предусмотреть и для пациентов, не имеющих фактиче-

⁴⁶ П. 32 Указа Президента РФ от 06.06.2019 № 254 (ред. от 27.03.2023) «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 07.06.2019.

⁴⁷ Кратенко М. В. Указ. соч.

ской возможности участвовать в заседании комиссии.

Отдельно стоит подчеркнуть, что примирение сторон не может являться самостоятельной целью работы комиссии, так как ее деятельность связана прежде всего с защитой здоровья пациента, и в первую очередь вариант разрешения спора должен соответствовать конкретным клиническим рекомендациям в отношении рассматриваемого случая. Комиссия может согласовать решение о примирении, только если такие клинические рекомендации учтены либо если в лечении уже нет необходимости.

Наконец, необходимо ведение единого электронного федерального реестра, в обязательном порядке отражающего сведения о конфликтных ситуациях и результатах их рассмо-

трения как в административном, так и в других внесудебных порядках. В этом реестре поиск будет осуществляться по индивидуальным персональным данным как врача, так и пациента, а также по медицинской организации; доступ к нему должны иметь как контрольно-надзорные органы, так и иные лица, полномочные урегулировать специализированные медицинские споры, включая суд и комиссии по урегулированию медицинских споров. Цель ведения реестра — не только обобщение сведений, имеющих значение для улучшения работы медицинских организаций и оптимизации контрольно-надзорной деятельности уполномоченных органов; реестр позволит фиксировать необоснованные жалобы на врачей, выступит определенной гарантией для них в случаях сутяжничества со стороны пациентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кратенко М. В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М. : Норма, Инфра-М, 2024. 240 с.

Нургазинов Б. К. Урегулирование споров о медицинских инцидентах в порядке медиации в контексте норм АППК РК // Астана медициналық журналы. 2020. № 4 (106). С. 318–327.

Примачёва А. Р., Гурняк И. С., Тришина П. И., Сабгайда Т. П. Жалобы пациентов как индикатор доступности медицинской помощи // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70. № 55 : 10. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1677/30/lang.ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-55-10.

Старченко А. А. Досудебное урегулирование споров в системе ОМС: эффективная экспертная деятельность и защита прав и законных интересов пациента в рамках национального проекта «Здравоохранение» // Менеджер здравоохранения. 2019. № 7. С. 64–70.

Analysis of lawsuit cases in the Department of Surgery in Korea / J.Y. Jung, S. Y. Kim, Kim, D. G. Kim [et al.] // Ann Surg Treat Res. 2018. Vol. 94. № 3. P. 113–117.

Analysis of medical litigation among patients with medical disputes in cosmetic surgery in Taiwan / Sh. Lyu, Ch. Liao, K. Chang [et al.] // Aesthetic Plastic Surgery. 2011. Vol. 35. № 5. P. 764–772.

Analysis of the characteristics and risk factors affecting the judgment results of medical damage liability disputes in 3172 second-instance and retrial cases in China / Yanfei Shen, Sheng Lei, Qi Wang [et al.] // Human Resources for Health. 2023. Vol. 21. № 1. Article number 53.

Klich A. Proceedings before regional commission for evaluation of medical events (RCME) in Poland as an extrajudicial method of resolving civil disputes involving patients // Медичне право. 2020. Vol. 2020. № 1. P. 38–56.

Lindsey J., Schuberg D., Browning J. Medical treatment disputes and children: an empirical analysis of sixteen years of reported judgments in England and Wales // Journal of Social Welfare and Family Law. 2024. Vol. 46. № 4. P. 582–601. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09649069.2025.2454107#d1e240>.

Linlin Zh., Shimeng Zh. Analysis and improving countermeasures of medical disputes from the perspective of legal changes // Journal of Otolaryngology. 2024. Vol. 19. № 4. P. 247–250.

Sukumar S. Medical negligence in cases decided by the national consumer disputes redressal commission: a five-year retrospective review // Indian Journal of Medical Ethics. 2023. Vol. 8. № 4. P. 273–278.

The role of mediation in solving medical disputes in China / M. Wang, G. G. Liu, H. Zhao [et al.] // BMC Health Services Research. 2020. Vol. 20. № 1. P. 1–10.

Tumelty M. E. Plaintiff aims in medical negligence disputes: limitations of an adversarial system // Medical Law Review. 2023. Vol. 31. № 2. P. 226–246.

Utama M. S., Zamroni M., Putera A. P. Settlement of medical disputes through litigation and non-litigation // JILPR Journal Indonesia Law and Policy Review. 2024. Vol. 5. № 3. P. 668–676.

REFERENCES

Jung JY, Kim SY, Kim DG, Kim CB, Chi KC, Kang WK, Lee W. Analysis of lawsuit cases in the Department of Surgery in Korea. *Annals of Surgical Treatment and Research*. 2018;94(3):113-117.

Klich A. Proceedings before regional commission for evaluation of medical events (RCME) in Poland as an extrajudicial method of resolving civil disputes involving patients. *Medichne pravo*. 2020;1:38-56.

Kratenko MV. Vred pri meditsinskom vmeshatelstve: problemy kompensatsii i predotvrashcheniya (sravnitelno-pravovoe issledovanie) [Harm in Medical Intervention: Issues of Compensation and Prevention (Comparative Legal Study)]. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Lindsey Ja, Schuberg D, Browning Ja. Medical treatment disputes and children: an empirical analysis of sixteen years of reported judgments in England and Wales. *Journal of Social Welfare and Family Law*. 2024;46(4):582-601. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09649069.2025.2454107#d1e240>.

Linlin Zh, Shimeng Zh. Analysis and improving countermeasures of medical disputes from the perspective of legal changes. *Journal of Otology*. 2024;19(4):247-250.

Lyu Sh, Liao Ch, Chang K, Tsai Sh, Lee M, Tsai F. Analysis of medical litigation among patients with medical disputes in cosmetic surgery in Taiwan. *Aesthetic Plastic Surgery*. 2011;35(5):764-772.

Nargazinov BK. Settlement of disputes about medical incidents in the order of mediation in the context of the standards of APPC RK. *Astana Medical Journal*. 2020;4(106):318-327. (In Russ.).

Primacheva AR, Gurnyak IS, Trishina PI, Sabgayda TP. Patient Complaints as an Indicator of Medical Care Availability. *Social Aspects of Population Health*. 2024;70(S5):10. Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1677/30/lang.ru/>. (In Russ.). DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-S5-10.

Shen Ya, Lei Sh, Wang Qi, Wang H, Hao X, Cai H. Analysis of the characteristics and risk factors affecting the judgment results of medical damage liability disputes in 3172 second-instance and retrial cases in China. *Human Resources for Health*. 2023;21(1). Article number 53. Available at: <https://human-resources-health.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12960-023-00832-6#Sec7>.

Starchenko AA. Pre-trial settlement of disputes in the compulsory medical insurance system: effective expert activity and protection of the rights and legitimate interests of the patient in the framework of the national healthcare project. *Manager Zdravoochranenia*. 2019;7:64-70. (In Russ.).

Sukumar S. Medical negligence in cases decided by the national consumer disputes redressal commission: a five-year retrospective review. *Indian Journal of Medical Ethics*. 2023;8(4):273-278.

Tumelty ME. Plaintiff aims in medical negligence disputes: limitations of an adversarial system. *Medical Law Review*. 2023;31(2):226-246.

Utama MS, Zamroni M, Putera AP. Settlement of medical disputes through litigation and non-litigation. *Journal Indonesia Law and Policy Review*. 2024;5(3):668-676.

Wang M, Liu GG, Zhao H, Butt T, Yang M, Cui Yu. The role of mediation in solving medical disputes in China. *BMC Health Services Research*. 2020;20(1):1-10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Елена Геннадиевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
egstrelcova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Streltsova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Civil and Administrative Court Procedure named after M.S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
egstrelcova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 28 ноября 2025 г.

Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 20.11.2024.

Revised 28.11.2025.

Accepted 15.12.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.094-108

Е. А. Фокин

Арбитражный суд Калининградской области
г. Калининград, Российская Федерация

Конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве

Резюме. Конституционным основам института несостоятельности (банкротства) детального и предметного внимания в российской науке пока не уделялось. Это связано с объективными причинами: Конституция РФ не упоминает о банкротстве в принципе, а в законодательстве о банкротстве нет главы или статьи, посвященной основным началам правового регулирования данного института. Тем не менее динамика развития общественных отношений в сфере банкротства, правовые коллизии и фундаментальные проблемы правоприменительной практики актуализируют вопрос о средствах достижения полноты конституционно-правового регулирования. Существует объективная необходимость в конституционализации процессуального порядка рассмотрения дел о банкротстве. Однако это обстоятельство ставит перед наукой целый ряд вопросов: о понимании конституционализации как правового явления, о ее существенных признаках в общественных отношениях в сфере банкротства, о роли Конституционного Суда РФ и иных судебных органов. Свидетельство актуализации вопроса о конституционализации процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве — ставшие частыми обращения Конституционного Суда РФ к проблематике конституционных основ общественных отношений в сфере несостоятельности. Обобщая роль органа конституционного правосудия, автор приходит к заключению, что стратегическая задача конституционного контроля состоит в формировании судебных доктрин банкротного права — системы методологических подходов, обеспечивающих эффективность и конституционную обоснованность правоприменения. В статье уделяется внимание и тенденциям судебно-арбитражной практики по делам о банкротстве, в которой процесс конституционализации заявляет о себе всё более конкретно.

Ключевые слова: конституционализация; процессуальная форма; банкротство; судебные доктрины; Конституционный Суд РФ

Для цитирования: Фокин Е. А. Конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 94–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.094-108

Constitutionalization of the Procedural Form for Adjudicating Bankruptcy Cases

Evgeny A. Fokin

Commercial (Arbitrazh Procedure) Court of the Kaliningrad Region
Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The constitutional foundations of the institute of insolvency (bankruptcy) have not yet received detailed and substantive attention in Russian science. This is due to objective reasons: the Constitution of the Russian Federation does not mention bankruptcy as it is, and the bankruptcy legislation lacks a chapter or article dedicated to the basic principles of legal regulation of this institution. Nevertheless, the dynamics of the development of social relations in the field of bankruptcy, legal conflicts, and fundamental problems of law enforcement practice bring to the fore the question of the means to achieve the completeness of constitutional and legal regulation. There is an objective need to constitutionalize the procedural order for bankruptcy cases. However, this circumstance raises a number of questions for legal science: concerning the understanding of constitutionalization as a legal phenomenon, its essential features in social relations in the field of bankruptcy, and the role of the Constitutional Court of the Russian Federation and other judicial bodies. The growing relevance of the issue of constitutionalizing the procedural form for adjudicating bankruptcy cases is evidenced

© Фокин Е. А., 2026

by the increasingly frequent reference of the Constitutional Court of the Russian Federation to the issues of the constitutional foundations of social relations in the field of insolvency. Summarizing the role of the constitutional justice body, the author concludes that the strategic task of constitutional control is to form judicial doctrines of bankruptcy law — a system of methodological approaches that ensure the effectiveness and constitutional validity of law enforcement. The paper also pays attention on trends in judicial arbitration practice in bankruptcy cases, in which the process of constitutionalization is becoming more specific.

Keywords: constitutionalization; procedural form; bankruptcy; judicial doctrines; Constitutional Court of the Russian Federation

Cite as: Fokin EA. Constitutionalization of the Procedural Form for Adjudicating Bankruptcy Cases. *Lex russica*. 2026;79(1):94-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.094-108

Введение

Дела о несостоятельности (банкротстве) стали основной категорией экономических споров, разрешаемых российскими арбитражными судами. В 2024 г. таких дел поступило в суды 533 416 (из них 488 898 — о банкротстве физических лиц), рассмотрено 407 151 (358 441 — по гражданам)¹. При этом всего арбитражными судами рассмотрено в 2024 г. 1 823 073 дела². Иными словами, 29,23 % (примерно треть) разрешенных в 2024 г. дел — это споры о несостоятельности (банкротстве). Хотелось бы обратить внимание на еще один статистический показатель. По официальной статистике, на последний рабочий день 2024 г. в арбитражных судах оставалось 325 584 нерассмотренных дела, возникающих из гражданских правоотношений, а дел о банкротстве — 456 048³. То есть на конкретную дату нерассмотренных банкротных дел больше (причем значительно), чем гражданских. Это обусловлено особенностями процедуры судебного рассмотрения дела о банкротстве, в том числе длительными сроками. Следует отметить и качественные особенности банкротных дел, которые нередко представляют значительную сложность. Интересно было бы сопоставить, сколько дел, не рассмотренных на конец 2023 г., были не рассмотрены и на конец 2024 г. Думается, что разница между гражданскими делами и делами о банкротстве в таком ракурсе осмысления была бы еще более впечатляющей.

Ни одно судебное дело не может быть рассмотрено и разрешено без соблюдения процессуальной формы. К понятию и сущностным признакам процессуальной формы обращались как современные исследователи, так и ученые предшествующих эпох. Тем не менее при всей фундаментальности данной категории дискуссии по поводу ее понимания далеки от завершения. Н. А. Чечина, например, под гражданской процессуальной формой понимала систему установленных законом правил, регулирующих порядок осуществления правосудия по гражданским делам, порядок деятельности каждого участвующего в процессе лица и всех их действий⁴. Другой советский ученый, В. М. Горшенев, иначе расставлял акценты и предлагал понимать под процессуальной формой особую юридическую конструкцию, воплощающую существенные принципы наиболее целесообразной процедуры осуществления конкретных полномочий⁵. О. В. Егорова по итогам анализа имевших место в советское время дискуссий пришла к выводу, что гражданская процессуальная форма — это установленный нормами гражданского процессуального права и реализуемый в гражданских процессуальных правоотношениях в соответствии с основными принципами гражданского процессуального права порядок осуществления правосудия по гражданским делам в целях защиты действительно нарушенного или оспоренного субъективного права или охраняемого законом

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945> (дата обращения: 19.06.2025).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год.

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год.

⁴ Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. М., 1987. С. 52.

⁵ Горшенев В. М. Процессуальная форма и ее назначение в советском праве // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 29.

интереса, характеризующийся системностью и предоставлением процессуальных гарантий участникам гражданского процесса⁶.

Можно еще долго приводить позиции различных ученых относительно понятия и характеристик процессуальной формы. Представляется, что главная ценность данного понятия состоит в том, что признаки процессуальной формы позволяют отличить деятельность по отправлению правосудия от любой другой правоприменительной и юрисдикционной деятельности. В основе гражданской процессуальной формы лежат фундаментальные правовые принципы, присущие только правосудию. Приведение судебной деятельности к процессуальной форме обеспечивает надлежащую защиту прав и законных участников процесса, придавая судопроизводству цивилизованный вид.

Обеспечение процессуальной формы — задача как законодателя, так и суда при рассмотрении конкретного дела. При законодательном моделировании некоего нового процессуального института или порядка рассмотрения отдельных категорий дел необходимо соблюдение сущностных характеристик процессуальной формы.

Сегодня достаточно остро стоят вопросы об актуальных направлениях развития гражданской процессуальной формы⁷, в том числе в условиях вездесущей цифровизации⁸. Нет единства мнений и относительно того, существует ли единая (универсальная) процессуальная форма или же можно констатировать появление арбитражной процессуальной формы, судебной

административной процессуальной формы⁹, а также сокращенных и упрощенных процессуальных форм¹⁰.

Что касается дел о банкротстве, то относительно их Т. В. Сахновой сделан конкретный и несколько радикальный вывод: рассмотрение дел о банкротстве в цивилистическую процессуальную форму не вписано¹¹. Такой тезис наталкивает на обстоятельные размышления. Если мы понимаем процессуальную форму как нормативно урегулированный порядок и систему рассмотрения дел, то проблемы как будто бы и нет. Арбитражный процессуальный кодекс РФ¹² в ст. 223 прямо указывает, что дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным Кодексом, с особенностями, установленными федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства). Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹³ (далее — Закон о банкротстве) тоже содержит систему процессуальных норм.

Однако если мы исходим из того, что в основе процессуальной формы лежат принципы и базовые положения, которые и определяют фундамент порядка рассмотрения судами дел, то здесь ситуация сложнее. Конституция РФ о банкротстве не упоминает вообще. Закон о банкротстве не имеет статей или главы, посвященных основным началам или принципам правового регулирования банкротства, в том числе принципам рассмотрения банкротного дела. Конечно, при рассмотрении дела о банк-

⁶ Егорова О. В. Сущность гражданской процессуальной формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 7.

⁷ Багыллы С. Т., Грибов Н. Д., Князькин С. И. Развитие цивилистической процессуальной формы в современных условиях // Вестник гражданского процесса. 2024. № 6. С. 145–164.

⁸ Незнамов А. В. Тенденции развития гражданской процессуальной формы в условиях цифровизации гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2024. № 3. С. 213–221.

⁹ Нельзя не вспомнить яркие публикации А. Т. Боннера и А. В. Ильина. См.: Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 24–51 ; Ильин А. В. К вопросу о возможности существования административного судопроизводства как отдельной процессуальной формы // Закон. 2013. № 4. С. 119–129.

¹⁰ Шадловская О. Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

¹¹ Сахнова Т. В. Банкротство как метапроцессуальная категория // Вестник гражданского процесса. 2024. № 1. С. 48–64.

¹² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. № 137.

¹³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209–210.

ротстве должны соблюдаться общие принципы правосудия и гражданского (арбитражного) процессуального права. Но было бы странно отрицать и то, что такие дела имеют существенную специфику и эта специфика обуславливает особенности реализации базовых принципов. Следовательно, фактически дела о банкротстве рассматриваются по некоей особой процессуальной форме, которая, однако, остается недостаточно конкретизированной.

Как с учетом количества банкротных дел в российских судах, так и ввиду их качественных особенностей принципиальное значение на современном этапе имеет конституционализация процессуальной формы судопроизводства по делу о банкротстве. Можно долго спорить о том, существует ли специальная процессуальная форма рассмотрения дела о банкротстве, каковы ее сущностные особенности и насколько она соответствует общетеоретическим представлениям о правосудии. Всё это, как представляется, вопросы второстепенные. В первую очередь необходимо определиться с реализацией при рассмотрении дела о банкротстве базовых конституционных идей о существовании правосудия. Автор статьи полагает, что насущной задачей современной доктрины и правоприменительной практики является имплементация в правовое регулирование отношений в области банкротства конституционных идей и принципов. Сама по себе эта задача объемна и требует обобщений монографического и диссертационного масштаба. В рамках же настоящей публикации поставим перед собой более локальную задачу, сводимую к осмыслению понятия и форм конституционализации порядка рассмотрения дел о банкротстве.

О понятии конституционализации

Содержание понятия «конституционализация» было достаточно подробно и убедительно

проанализировано И. Н. Плотниковой. Исследователь пришла к заключению, что конституционализация — это «сложный конструкт, атрибутивно-реляционным, сущностным, целевым признаком которого является обретение конституционного смысла всеми явлениями и процессами правовой действительности, происходящими в обществе и государстве»¹⁴. Существенный вклад в осмысление конституционализации внес также И. А. Кравец, многократно обращавшийся к данному понятию в своих публикациях. Импонирует общий подход ученого, согласно которому конституционализация необходима для конкретизации межотраслевых связей конституционного права, имплементации конституционных норм в конкретные отрасли российского законодательства и правоприменительную практику¹⁵.

Обобщая подходы представителей науки конституционного права, можно выделить следующие формы конституционализации:

1) закрепление тех или иных фундаментальных правовых идей в тексте Конституции РФ. Такие примеры нашему правопорядку известны: достаточно вспомнить обновление конституционного текста в 2020 г. Например, получила закрепление морально-этическая идея уважения к старшим¹⁶;

2) конкретизация основополагающих правовых положений силами и средствами Конституционного Суда РФ. Сама конституционная идея выводится через практику органа конституционного контроля, посредством различных форм толкования. По такому направлению, например, оформились конституционные основы противодействия коррупции¹⁷;

3) выявление конституционных смыслов правоприменительной практикой и доктриной.

На последней форме конституционализации остановимся подробнее. Закрепление какой-либо идеи в Конституции РФ или ее оформление в практике Конституционного Суда РФ — наиболее очевидные проявления

¹⁴ Плотникова И. Н. «Конституционализация»: к вопросу о понятии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. Т. 21, Вып. 2. С. 188–197.

¹⁵ См., в частности: Кравец И. А. Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 131–147.

¹⁶ См.: Астафичев П. А. Конституционализация принципа уважения к старшим: опыт конституционных поправок 2020 года, их содержание и проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2. С. 180–191.

¹⁷ См.: Бондарь Н. С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 36–55.

конституционализации. Тем не менее современные реалии, характеризующиеся появлением прав человека нового поколения, тенденциями цифровизации, геополитическими вызовами, необходимостью защиты национальных ценностей и другими аспектами, требуют более оперативного решения вопроса о том, что лежит в конституционно-правовой основе тех или иных групп общественных отношений. Конституционализация, таким образом, есть выявление конституционно-правового смысла в правовом регулировании тех или иных общественных отношений.

Оставим представителям науки конституционного права дискуссию о том, когда та или иная правовая идея из просто фундаментальной и значимой превращается в имеющую конституционное значение. Так или иначе, для института банкротства тенденция конституционализации является объективно необходимой ввиду полного отсутствия конкретики в понимании конституционных основ процедуры рассмотрения банкротного дела.

Результатом конституционализации, как отмечается в науке, выступает достижение полноты конституционно-правового регулирования¹⁸. Это замечание важно для института банкротства. Очевидно, что векторы развития банкротного законодательства, в том числе в части процессуальной формы развития дела о банкротстве, должны быть подчинены конституционным идеям и положениям. Напротив, выпадение банкротного законодательства из сферы конституционно-правового воздействия противоречит принципам правового государства. При этом повторимся, что закрепленные в Конституции РФ фундаментальные положения о правосудии требуют конкретизации.

Все ученые, так или иначе рассматривающие понятие конституционализации, фактически исходят из его динамичного, длящегося характера. Конституционализация — это процесс, а не свершившийся факт соответствия конституционным идеям всего массива правового регулирования. Можно ли утверждать, что он когда-то завершится? Очевидно, что нет. Вспоминается лекция недавно ушедшего от нас профессора В. В. Лазарева, который, рассуждая о

пределах правового регулирования, сравнивал их с линией горизонта. В попытках достигнуть этих пределов и урегулировать ту или иную группу общественных отношений полностью законодатель, по сути, пытается догнать линию горизонта.

В свою очередь, конституционализация, как правило, следует за развитием и расширением пределов правового регулирования. После урегулирования законодателем какого-то нового сегмента общественных отношений рано или поздно встает вопрос, а какие именно конституционные идеи отражаются (или защищаются) в новом регулировании. При таком подходе конституционализация играет догоняющую роль.

Бывает, конечно, и иначе. Например, не так уж редки ситуации, при которых законодатель запаздывает с урегулированием тех или иных общественных отношений, а также такие, при которых имеющиеся законодательные предписания не особенно соответствуют современным реалиям (снова вспомним профессора В. В. Лазарева, обосновавшего в свое время тезис о том, что законодательство по определению имеет пробелы). Явление конституционализации в таком случае может опередить законодательное развитие, а ее результаты — поставить законодателю конкретные задачи. Так, в феврале 2025 г. Конституционный Суд РФ признал противоречащими Основному Закону ряд морально устаревших положений законодательства о страховых пенсиях, так как они не учитывали возможности зачатия и рождения ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий через длительное время после смерти супруга матери, предоставившего при жизни необходимый биоматериал¹⁹.

Таким образом, процесс конституционализации может предопределять новые направления правового регулирования, а может и играть догоняющую роль при распространении правового регулирования на новые группы общественных отношений.

Какой из этих двух сценариев актуален для процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве?

По нашему глубокому убеждению, для развития банкротного права в настоящее время ха-

¹⁸ Малый А. Ф., Токарева И. Н. Понятие процесса конституционализации в контексте развития правовой системы Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 148–153.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // Российская газета. 2025. № 41.

рактен второй сценарий. Фактически мы имеем дело с тем, что сначала у нас законодатель формирует правовое регулирование тех или иных отношений в сфере банкротства и лишь затем актуализируется вопрос о конституционных основах такого регулирования. Вносимые в Закон о банкротстве изменения направлены в первую очередь на достижение экономической целесообразности, снижение судебной нагрузки, внедрение технологий цифровизации и т.д. Задача же по достижению полноты конституционно-правового регулирования либо вообще не ставится, либо получает достаточно скромное и ограниченное внимание.

Думается, что методологический подход к законодательному развитию института банкротства нуждается в «коперниканском перевороте». При конструировании новых правовых моделей в сфере банкротства отправной точкой должны стать конституционные идеи и ценности, а не соображения насущной целесообразности.

Д. О. Османова отмечает довольно интересную тенденцию, заключающуюся в претензиях института несостоятельности (банкротства) на господство над иными правовыми механизмами и институтами, а также на модификацию основ построения системы гражданских правоотношений²⁰. Как ни странно, но институт банкротства у нас превращается в некую мегаотрасль российского права, фактически стоящую над всеми иными направлениями правового регулирования. Думается, что конституционализация законодательства о банкротстве и решение возникающих проблем правоприменительной практики через призму конституционных положений как раз и позволит преодолеть данную проблему, восстановив нормальное положение вещей, при котором в основе правового регулирования лежит конституционный текст.

Конечно, было бы ошибочным утверждать, что российская наука вообще не уделяет внима-

ния конституционным основам института банкротства. Напротив, конституционные проблемы банкротного права уже были предметом исследований. Например, подробное рассмотрение получила проблема иммунитета единственного жилья должника в контексте конституционного права личности на жилище и с учетом соответствующей практики Конституционного Суда РФ²¹. Здесь, правда, обращают на себя внимание два нюанса. Во-первых, проблема обеспечения права должника на жилище, пожалуй, является единственной конституционно-правовой проблемой банкротства, которая стала предметом развернутых исследований, дискуссий и обобщений. Во-вторых, сама хронология возникновения, обострения и решения судебной практикой (а также доктриной) этой проблемы вновь показывает, что конституционализация в правовом регулировании банкротства имеет догоняющий характер.

Так, процедуры банкротства физических лиц появились в отечественном законодательстве в 2015 г. Каких-либо форм имплементации конституционных положений о праве личности на жилище в гл. X Закона о банкротстве не наблюдалось. И, хотя к тому времени уже было вынесено постановление Конституционного Суда РФ 2012 г. по жалобам граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикуновой²², проблема единственного жилья должника в процедуре банкротства первое время казалась не столь актуальной. Только обострившиеся в правоприменительной практике проблемы заставили орган конституционного контроля обращаться к данному вопросу снова и снова.

Эволюция практики Конституционного Суда РФ по вопросам единственного жилья должника, как отмечалось выше, уже была предметом анализа отечественных правоведов, что дает возможность воздержаться от ее подробного рассмотрения. Подчеркнем лишь, что к своему 10-летию юбилею институт банкрот-

²⁰ Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 5. С. 144–161.

²¹ См.: Карелина С. А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // *Закон*. 2023. № 6. С. 15–24; Сайфуллин Р. И. Концепция универсальной защиты конституционного права граждан на жилище: системный взгляд на проблему через призму банкротства. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2022 № 305-ЭС22-7163 // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2022. № 12. С. 4–15.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2012. № 4.

ства физических лиц подходит, осознав два возможных пути защиты конституционного права на жилище должника:

1) предоставление должнику замещающего жилья. Следует сказать, что данная концепция целиком и полностью сформулирована Конституционным Судом РФ, а внятное ее отражение в Законе о банкротстве пока что отсутствует. Это заставляет сделать вывод, что полнота конституционно-правового регулирования, по крайней мере в данной части банкротного права, не достигнута, а конституционализация, несмотря на усилия органа конституционного контроля, не завершена;

2) утверждение локального мирового соглашения (плана реструктуризации) по вопросу находящегося в ипотеке единственного жилья должника. Этот механизм был введен в 2024 г.²³ и, несмотря на отдельные проблемы правоприменительной практики²⁴, в целом доказал свою эффективность.

Итак, проанализировав понятие конституционализации, мы пришли к тому, что основным ее драйвером остается Конституционный Суд РФ, а не законодатель, имплементирующий конституционные идеи в нормативные правовые акты, и не доктрина, подсвечивающая конституционно-правовые проблемы банкротства. Это заставляет более детально исследовать роль органа конституционного контроля в вопросах конституционализации процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве.

Конституционный Суд РФ и развитие процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве

Российский орган конституционного контроля к проблематике банкротства обращается достаточно часто²⁵. Не вызывает сомнений, что каждое из постановлений Конституционного Суда РФ заслуживает детального внимания, научного осмысления и, конечно, учета в правоприменительной практике. В рамках же настоящего исследования в большей степени хотелось бы сформулировать обобщающие тезисы и предпринять попытку общего осмысления воздействия Конституционного Суда РФ на правовое регулирование отношений в сфере банкротства.

Не так уж и часто органу конституционного контроля приходится решать проблему конституционности положений законодательства о банкротстве самих по себе. Как правило, предметом внимания Конституционного Суда РФ становятся межотраслевые связи правового регулирования банкротства, что может выражаться в постановке следующих вопросов:

— конституционность положений Закона о банкротстве в связке с положениями иного отраслевого законодательства, например налогового²⁶;

— банкротно-правовые последствия реализации положений отраслевого («небанкротного») законодательства. Например, Конституционным Судом РФ рассматривался вопрос о возможностях привлечения к субсидиарной

²³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 298-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» // Российская газета. 2024. № 182.

²⁴ Эти проблемы касаются так называемой военной ипотеки. См.: Шевченко И. М. О первом опыте заключения локального мирового соглашения с залоговым кредитором в деле о банкротстве гражданина // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 113–127; Емалтынов А. Р., Боярский Д. А. Локальный план реструктуризации в процедуре банкротства физического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 37–41.

²⁵ Автором настоящей статьи для журнала «Цивилист» было подготовлено обобщение (правда, в большей степени обзорное и в меньшей — аналитическое) основных позиций Конституционного Суда РФ за 2023–2024 гг. См.: Фокин Е. А. Юридический дайджест: практика Конституционного Суда РФ по вопросам банкротства // Цивилист. 2024. № 6. С. 89–93. При этом обобщались правовые позиции, изложенные в постановлениях органа конституционного контроля; следует иметь в виду, что нередко содержательные и интересные идеи формулируются и в так называемых отказных определениях.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой общества с ограниченной ответственностью “Предприятие строительных работ энергетики”» // Российская газета. 2023. № 126.

ответственности по налоговым долгам организации (жалоба Л. В. Ваулиной)²⁷;

— материально-правовые последствия применения положений законодательства о банкротстве. Так, при рассмотрении жалоб Сбербанка России и ООО «ТД «Агроторг»» изучался вопрос о возможности должника-банкрота использовать для погашения налоговой задолженности доходы от сдачи в аренду и реализации имущества, находящегося в залоге²⁸.

Не секрет, что правоприменительная практика ждет от Конституционного Суда РФ новых правовых позиций относительно межотраслевых связей правового регулирования банкротства. Например, даже после известного определения Верховного Суда РФ по делу О. А. Сметанина²⁹ актуальным остается вопрос о судьбе уголовно-процессуального ареста имущества в банкротстве, да и в целом об арестных залогах в банкротстве. Много сказано в науке о соотношении исполнительного производства и банкротства³⁰. Как представляется, эта проблематика вопросом об исполнительском иммунитете единственного жилья не ограничивается.

Следующее наблюдение состоит в том, что, рассматривая конституционные основы института банкротства, Конституционный Суд РФ фактически оценивает эффективность процес-

суальной формы защиты субъективных прав лиц, так или иначе вовлеченных в орбиту судопроизводства по делу о банкротстве. Проблема конституционности правового эффекта межотраслевых связей банкротства наиболее часто актуализируется как раз в контексте соотношения процессуального законодательства и законодательства о банкротстве. Например, перед Конституционным Судом РФ ставился вопрос об особенностях взыскания судебных расходов в деле о банкротстве³¹. Достаточно громкими стали правовые позиции органа конституционного контроля касательно субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. И, хотя конституционность положений процессуального законодательства не оспаривалась, Конституционным Судом РФ были сделаны выводы о недостаточной эффективности принципа состязательности в этой категории дел (жалобы Г. В. Карпук и И. И. Покуля)³². Уместно вспомнить и то, что исполнительский иммунитет является категорией гражданского процессуального права³³, поэтому, формулируя правовые позиции относительно единственного жилья должника, Конституционный Суд РФ фактически решал задачу соотношения гражданского процессуального законодательства и законодательства о банкротстве.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 № 50-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданки Л. В. Ваулиной» // Российская газета. 2023. № 264.

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами публичного акционерного общества “Сбербанк России” и общества с ограниченной ответственностью “Торговый дом “Агроторг”» // Российская газета. 2024. № 90.

²⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021.

³⁰ См., например: *Османова Д. О.* Банкротство и исполнительное производство: вопросы корреляции правовых институтов // Юрист. 2021. № 5. С. 30–36.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2024 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 5 и пункта 3 статьи 137 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами граждан И. Е. Галлямовой и Е. П. Червяковой» // Российская газета. 2024. № 66.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук» // Российская газета. 2021. № 119 ; постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля» // Российская газета. 2023. № 36.

³³ Это вытекает как из того, что нормы об исполнительском иммунитете включены в гражданское процессуальное законодательство (ст. 446 ГПК РФ), так и из широкого понимания предмета гражданского процессуального права.

Анализ постановлений Конституционного Суда РФ по вопросам процессуальной формы рассмотрения дел о банкротстве показывает, что органом конституционного контроля при рассмотрении конкретных жалоб решались различные по масштабу задачи. Так, совершенно очевидны фундаментальность и значение для российской практики вопроса о реализации принципа состязательности при рассмотрении требований о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (уже упомянутые постановления по жалобам И. И. Покуля и Г. В. Карпук). В других же случаях, не оспаривая значения деятельности Конституционного Суда РФ, всё же задаешься вопросом: а действительно ли есть проблема, требующая внимания именно органа конституционного контроля?

В частности, вспоминается постановление Конституционного Суда РФ по жалобе страховой компании «ТИТ»³⁴. Страховая компания предпринимала попытки оспорить в апелляционном порядке судебный акт о взыскании убытков с конкурсного управляющего, чья ответственность была застрахована. Сам конкурсный управляющий при рассмотрении дела в первой инстанции вел себя достаточно пассивно, возможно в силу того, что платить всё равно придется страховщику, а не ему. В свою очередь, в апелляционной жалобе страховая компания указывала на отсутствие оснований привлечения арбитражного управляющего к ответственности. Однако апелляционная инстанция отказала в возбуждении апелляционного производства, сославшись на то, что в тексте статьи 35 Закона о банкротстве, определяющей состав лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве, о страховых организациях нет ни слова.

Впоследствии страховая компания оспорила в Конституционном Суде РФ конституционность ст. 42 («Права лиц, не участвовавших в деле, о правах и об обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт») АПК РФ, его ст. 270 (полномочия апелляционной инстанции) и собственно ст. 35 Закона о банкротстве. Конституционный Суд РФ, не выявив противоречия Конституции РФ в оспариваемых нормах,

тем не менее фактически признал, что позиция, занятая апелляционной инстанцией, является неконституционной и ограничивающей доступ к правосудию.

По убеждению автора статьи, ошибка, допущенная апелляционной инстанцией, подлежала исправлению кассационной инстанцией. Сама постановка перед Конституционным Судом РФ вопроса о конституционности ст. 42 АПК РФ несколько удивляет, поскольку данная норма как раз и служит средством реализации права на судебную защиту лиц, ошибочно не привлеченных к участию в арбитражном процессе. Что-либо противоречащее Конституции РФ в законодательно установленных полномочиях апелляционной инстанции усмотреть тоже непросто. Не представляется возможным также утверждать, что апелляционная инстанция придерживалась некоего общего подхода в судебной практике. Думается, что предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ оказалась частная проблема, выразившаяся в отдельно взятой ошибке судебных инстанций. Ошибка эта заключалась в текстуально-формалистском толковании права на апелляционное обжалование страховой компании. Сложно здесь не вспомнить уже упомянутую в настоящем исследовании проблемную тенденцию эволюции банкротного права в отрасль, подавляющую все иные направления и механизмы правового регулирования. Дело страховой компании «ТИТ» не дошло бы до органа конституционного контроля, если бы проверочные инстанции применили конституционное, процессуальное и собственно банкротное законодательство системно, а не ограничились буквальным толкованием отдельно взятой нормы Закона о банкротстве.

Дело страховой компании «ТИТ» заставляет вернуться к вопросу о том, какой должна быть роль Конституционного Суда РФ в развитии процессуальной формы судопроизводства по делу о банкротстве.

Полагаем, что стратегическая задача Конституционного Суда РФ при развитии процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве состоит в формировании судебных доктрин, а не формулировании отдельно взя-

³⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2023 № 30-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 35 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, статьи 42 и пункта 4 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Страховая компания “ТИТ”» // Российская газета. 2023. № 133.

тых прецедентных правовых позиций. Самому понятию «судебные доктрины» в российской науке внимание уже уделялось. Как отмечает Х. И. Гаджиев, судебная доктрина представляет собой подтвержденный авторитетом судебной власти испытанный подход к решению конкретных судебных дел в контексте достижений правовой науки и судебной практики, одновременно направленный на их развитие³⁵. Факторами формирования судебной доктрины, по мнению ученого, являются уровень научной разработанности с точки зрения теории права самой доктрины, ее ясность и точность, соотношение применяемой нормы и установленных фактов, уровень свободы усмотрения, способствующий реализации творческих начал и подходов в судебной профессии³⁶. Таким образом, судебную доктрину следует рассматривать как основанный на достижениях юридической науки и фундаментальных правовых принципах методологический подход к разрешению сходных по своему содержанию правовых конфликтов.

В России судебные доктрины оформляются прежде всего в практике Конституционного Суда РФ³⁷. Уже давно фактом объективной реальности стали судебные доктрины в сфере налогового права. Они констатировались учеными еще в 2005 г.³⁸, да и сам Конституционный Суд РФ в известном постановлении по делу компании «ЮКОС» прямо употребил термин «судебная доктрина»³⁹.

Формирование судебных доктрин банкротного права видится объективно необходимым. Вновь сошлемся на отсутствие у нас внятной системы принципов правового регулирования банкротства. С учетом того, что Закон о банкротстве принят в 2002 г., было бы странным сегодня, в 2025 г., указывать на необходимость законодательных реформирований и перестройки того, что условно можно назвать об-

щей частью законодательства о банкротстве. Более того, даже если бы у нас где-либо и был закреплен принцип состязательности по делам о привлечении к субсидиарной ответственности, то гражданам И. И. Покулю и Г. В. Карпук всё равно бы пришлось обращаться в Конституционный Суд РФ. Правовые принципы так или иначе требуют судебного толкования, без которого они рискуют остаться декларацией или лозунгом. Соответственно, необходимо, чтобы это толкование было системным, научно обоснованным и базирующимся на конституционной сущности правосудия. Поэтому так важны судебные доктрины, выводящие судебное толкование на должный методологический уровень.

Применение судебной доктрины в правоприменительной плоскости имеет выгодные отличия от использования судебного прецедента. Само судебное правоприменение можно сравнить с собиранием пазла. Взяв на вооружение отдельный прецедент (например, правовую позицию суда высшей инстанции), судья видит перед собой лишь деталь пазла. Имея же в своем методологическом арсенале судебную доктрину, судья видит картинку пазла целиком. Поэтому основная ценность судебной доктрины в том, что она обеспечивает эффективность процессуальной формы рассмотрения дела. И именно это подчеркивает необходимость формирования судебных доктрин банкротного права.

Другой нюанс: законодатель никогда не успеет за современными реалиями общественных отношений в сфере банкротства (вспомним аналогию с линией горизонта и пределами правового регулирования). Законодательство о банкротстве по определению всегда будет отставать от современной социально-экономической ситуации. Между тем радикального

³⁵ Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14.

³⁶ Гаджиев Х. И. Указ. соч. С. 17.

³⁷ См.: Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. Конституционная модель развития судебных доктрин // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика проявления : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП : Норма, Инфра-М, 2020. С. 38–50.

³⁸ См.: Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения: теоретический и практический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО ‘Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

изменения судебной нагрузки ждать не приходится, значительное количество дел о банкротстве по-прежнему будет оставаться для арбитражных судов повседневной реальностью. При этом зачастую ряд сложных правовых конфликтов в сфере банкротства рассматривается судами в условиях значительного дефицита законодательного материала. И эта проблема вновь акцентирует внимание на необходимости формирования судебных доктрин в сфере банкротства, которые позволят преодолеть несовершенство законодательства и обеспечить эффективный доступ к правосудию.

Вывод: стратегическая задача Конституционного Суда РФ сегодня состоит в формировании судебных доктрин банкротного права, основное предназначение которых — обеспечение эффективности процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве.

Конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве в судебно-арбитражной практике

Как уже отмечалось выше, было бы чрезмерным упрощением считать, что конституционализация проявляется только лишь в закреплении какой-либо идеи в Конституции РФ или ее конкретизации в судебных актах Конституционного Суда РФ. Вспомним ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой она имеет прямое действие на всей территории РФ. Статья 18 Основного Закона признает права и свободы человека непосредственно действующими, а также указывает, что они обеспечиваются правосудием.

В силу приведенных положений есть все основания утверждать, что конституционализация правового регулирования банкротства осуществляется и арбитражными судами, и Верховным Судом РФ. При рассмотрении дела о банкротстве суду следует иметь в виду в первую очередь положения конституционного текста, рассматривая их как отправную точку и необходимый фундамент для дальнейшей аргументации. Права и свободы человека и гражданина имеют определяющее значение для развития судебной практики рассмотрения дел о бан-

ротстве, причем как физических, так и юридических лиц. Вспоминается, в частности, дело о банкротстве учебно-опытного хозяйства «Молочное» из Вологодской области⁴⁰. Конкурсный управляющий на завершающих этапах банкротства обратился в Вологодский областной архив по личному составу с требованием принять на ответственное хранение документы личного состава. Специфика была в том, что хозяйство функционировало с 1936 по 2013 г. и объем документации измерялся вагонами. Получив отказ Вологодского архива в принятии документов, конкурсный управляющий обратился с аналогичным заявлением в Государственный архив РФ в Москве, который впоследствии также отказался принимать документацию. Конкурсный управляющий оспорил отказы вышеуказанных архивов в судебном порядке. Судебные инстанции вынесли решение, в соответствии с которым обязанность по принятию документов была возложена на Государственный архив. Между тем принятые по делу судебные акты были отменены Верховным Судом РФ. Отправной точкой в аргументации Судебной коллегии стала ссылка на ст. 18 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием. Верховный Суд РФ указал на необходимость обеспечения территориальной доступности архивов для гражданина, заинтересованного в ознакомлении с архивными материалами. С учетом того что заинтересованные пользователи архивной документации учебно-опытного хозяйства «Молочное» находятся преимущественно в Вологодской области, направление этой документации в Москву нарушает их законные интересы⁴¹. Впоследствии обязанность по принятию документации была возложена на Вологодский областной архив.

Данное дело наталкивает на мысль о том, что конституционализацию уместно рассматривать не только как глобальный процесс приведения судебной практики в соответствие с конституционными идеями, но и как общий подход к рассмотрению конкретных и отдельно взятых дел (в том числе обособленных споров). Процессуальная форма рассмотрения дела о

⁴⁰ Полное наименование: федеральное государственное унитарное предприятие «Учебно-опытное хозяйство «Молочное» Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии Н. В. Верещагина».

⁴¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.10.2016 № 305-ЭС16-4927 по делу № А40-146059/2014.

банкротстве должна обеспечивать доступность правосудия, а правосудие — права и свободы человека и гражданина.

В современной практике Верховного Суда РФ идеи конституционализации прослеживаются вполне убедительным образом. Представляется возможным констатировать два основных направления этой тенденции.

Во-первых, конституционализация проявляется в том, что после формулирования правовой позиции Конституционным Судом РФ Верховный Суд РФ приступает (причем весьма оперативно) к ее имплементации в судебно-арбитражную практику. Так, после принятия Конституционным Судом РФ постановления по жалобе И. И. Покуля Судебная коллегия по экономическим спорам отменила ряд судебных актов нижестоящих инстанций со ссылками на неправильное распределение бремени доказывания при рассмотрении заявления о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности⁴². Приведение подходов судебной практики в соответствие с конституционно-правовыми идеями П. Д. Блохин обозначает как «тонкую конституционно-правовую настройку»⁴³. Конституционный Суд РФ не так уж и часто признает противоречащими Конституции РФ положения Закона о банкротстве или процессуального законодательства. В то же время орган конституционного контроля выявляет в оспариваемых нормах конституционный смысл, становящийся обязательным для судов и задающий новый вектор правоприменения.

Во-вторых, Верховный Суд РФ предпринимает меры по самостоятельной (в отсутствие конкретных позиций Конституционного Суда РФ) имплементации в судебно-арбитражную практику конституционных идей. Эти попытки можно увидеть, например, в принятом в июне 2025 г. Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан⁴⁴. В частности, в подразд. 2, 3, 4 разд. III вновь было уделено значительное внимание исполнительским

иммунитетам в контексте конституционного права человека на жилище. При этом предметом рассмотрения Верховного Суда РФ стали и иные вопросы. Например, в п. 33, исходя из конституционно закрепленного права на получение квалифицированной юридической помощи, Верховный Суд РФ указал на допустимость исключения из конкурсной массы денежных средств, необходимых на оплату должником юридических услуг. Принципиально поддерживая данный подход, всё же отметим, что перед судами, рассматривающими соответствующие обособленные споры, он ставит ряд задач. Очевидно, что так или иначе подлежит оценке целесообразность получения юридических услуг в каждом конкретном случае. Следует ли исключать из конкурсной массы денежные средства, которые должник собирается потратить на привлечение к сопровождению процедуры банкротства сразу 10 юристов? Наконец, не отпадает ли и необходимость проверки реальности договора оказания юридических услуг, который, как представляется, может прикрывать и вывод активов должника? Но всё это вопросы, которые судебной практике пока только предстоит решить. Главное, что Верховный Суд РФ конкретизировал конституционную идею о доступе к получению квалифицированной юридической помощи применительно к делам о банкротстве. И это опять же может быть рассмотрено как проявление конституционализации процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве.

Таким образом, тенденция конституционализации в судебно-арбитражной практике — факт объективной реальности.

Заключение

По итогам исследования сделаем ряд выводов.

Наиболее удачным видится понимание конституционализации как процесса достижения

⁴² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.05.2025 № 305-ЭС24-24568 по делу № А40-55223/2023 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.04.2025 № 305-ЭС24-24042 по делу № А40-277055/2023 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.02.2025 № 307-ЭС24-18794 по делу № А66-9932/2023.

⁴³ Блохин П. Д. Участие Конституционного Суда РФ в деле формирования единообразной судебной практики // Закон. 2020. № 1. С. 85–97.

⁴⁴ Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г.) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/34516/> (дата обращения: 27.06.2025).

полноты конституционно-правового регулирования тех или иных общественных отношений. Процессуальная форма рассмотрения дела о банкротстве такой полнотой пока что не отличается. Напротив, открытыми остаются вопросы о специфике принципов банкротного права — как в целом, так и применительно к процедуре рассмотрения дела о банкротстве. Российский закон о банкротстве изначально имел фундаментальный недостаток, выразившийся в отсутствии конкретизации основных начал правового регулирования соответствующих общественных отношений. Думается, что годы спустя после его принятия рассуждать, каким бы могло быть законодательное закрепление фундаментальных основ правового регулирования банкротства, не совсем продуктивно. Конституционализация как явление призвана обеспечить развитие банкротного законодательства и правоприменительной практики в соответствии с конституционными идеями.

В значительной степени конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве осуществляется Конституционным Судом РФ. Как было показано в статье, сегодня перед органом конституционного контроля стоят масштабные задачи по форми-

рованию судебных доктрин банкротного права. Такие доктрины объективно необходимы: пробельность законодательства актуализирует ряд фундаментальных правовых проблем (например, касающихся межотраслевых связей банкротства), поэтому требуются не просто отдельно взятые правовые позиции высших судебных инстанций, а нечто более целостное и системное.

В сфере правового регулирования банкротства, по глубокому убеждению автора статьи, есть немало проблем, которые необходимо решать в первую очередь через призму конституционного права. Это, например, обеспечение принципа равенства кредиторов, который видится как частное проявление равенства всех перед законом и судом. Немало вопросов вызывают внесудебные процедуры банкротства и компетенция многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в контексте принципа осуществления правосудия только судом. Наконец, функции суда в деле о банкротстве тоже требуют дальнейшего концептуального осмысления. Это лишь некоторые вопросы, которые подталкивают к продолжению научных исследований проблематики конституционных основ банкротства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Астафичев П. А. Конституционализация принципа уважения к старшим: опыт конституционных поправок 2020 года, их содержание и проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2. С. 180–191.

Багыллы С. Т., Грибов Н. Д., Князькин С. И. Развитие цивилистической процессуальной формы в современных условиях // Вестник гражданского процесса. 2024. № 6. С. 145–164.

Блохин П. Д. Участие Конституционного Суда РФ в деле формирования единообразной судебной практики // Закон. 2020. № 1. С. 85–97.

Бондарь Н. С. Конституция против коррупции: о формировании национальной конституционно-правовой модели антикоррупционной деятельности // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 36–55.

Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 24–51.

Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. Конституционная модель развития судебных доктрин // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика проявления : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП : Норма, Инфра-М, 2020. С. 38–50.

Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14–26.

Горшенев В. М. Процессуальная форма и ее назначение в советском праве // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 28–35.

Егорова О. В. Сущность гражданской процессуальной формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 23 с.

Емалтынов А. Р., Боярский Д. А. Локальный план реструктуризации в процедуре банкротства физического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 37–41.

Ильин А. В. К вопросу о возможности существования административного судопроизводства как отдельной процессуальной формы // Закон. 2013. № 4. С. 119–129.

Карелина С. А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. 2023. № 6. С. 15–24.

Кравец И. А. Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 131–147.

Мальй А. Ф., Токарева И. Н. Понятие процесса конституционализации в контексте развития правовой системы Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 148–153.

Незнамов А. В. Тенденции развития гражданской процессуальной формы в условиях цифровизации гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2024. № 3. С. 213–221.

Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 144–161.

Османова Д. О. Банкротство и исполнительное производство: вопросы корреляции правовых институтов // Юрист. 2021. № 5. С. 30–36.

Плотникова И. Н. «Конституционализация»: к вопросу о понятии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 188–197.

Сайфуллин Р. И. Концепция универсальной защиты конституционного права граждан на жилище: системный взгляд на проблему через призму банкротства. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2022 № 305-ЭС22-7163 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. С. 4–15.

Сахнова Т. В. Банкротство как метапроцессуальная категория // Вестник гражданского процесса. 2024. № 1. С. 48–64.

Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения: теоретический и практический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 187 с.

Фокин Е. А. Юридический дайджест: практика Конституционного Суда РФ по вопросам банкротства // Цивилист. 2024. № 6. С. 89–93.

Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. М., 1987. 103 с.

Шадловская О. Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 32 с.

Шевченко И. М. О первом опыте заключения локального мирового соглашения с залоговым кредитором в деле о банкротстве гражданина // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 113–127.

REFERENCES

Astafichev PA. Constitutionalization of the principle of respect for elders: The experience of the 2020 constitutional amendments, their content and problems of implementation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2021;2:180-191. (In Russ.).

Bagylly ST, Gribov ND, Knyazkin SI. The development of the civil procedural form in modern conditions. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa [Herald of Civil Procedure]*. 2024;6:145-164. (In Russ.).

Blokhin PD. The participation of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of uniform judicial practice. *Zakon*. 2020;1:85-97. (In Russ.).

Bondar NS. Constitution against corruption: On the formation of a national constitutional and legal model of anti-corruption activities. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2022;4:36-55. (In Russ.).

Bonner AT. Administrative legal proceedings in the Russian Federation: Myth or reality, or a Dispute between a processualist and an administrativist. *Zakon*. 2016;7:24-51. (In Russ.).

Chechina NA. The main directions of the development of the science of Soviet civil procedural law. Moscow; 1987. (In Russ.).

Egorova OV. The essence of the civil procedural form. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). St. Petersburg; 2001. (In Russ.).

Emaltynov AR, Boyarsky DA. Local restructuring plan in the bankruptcy procedure of an individual. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2023;12:37-41. (In Russ.).

- Fokin EA. Legal digest: The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on bankruptcy issues. *Tsvilist*. 2024;6:89-93. (In Russ.).
- Gadzhiev GA, Blokhin PD. The constitutional model of the development of judicial doctrines. In: Lazarev VV, Gadzhiev Khl, editors. *Judicial doctrines in Russian law: Theory and practice of manifestation. A monograph*. Moscow: IZiSP: Norma: Infra-M Publ.; 2020. P. 38–50. (In Russ.).
- Gadzhiev Khl. Judicial doctrines and the effectiveness of law enforcement. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;6:14-26. (In Russ.).
- Gorshenev VM. Procedural form and its purpose in Soviet law. *Sovietskoe gosudarstvo i pravo*. 1973;12:28-35. (In Russ.).
- Ilyin AV. To the question of the possibility of the existence of administrative legal proceedings as a separate procedural form. *Zakon*. 2013;4:119-129. (In Russ.).
- Karelina SA. Features of the implementation of general legal principles in the process of bankruptcy of citizens. *Zakon*. 2023;6:15-24. (In Russ.).
- Kravets IA. Constitutional law and teleology: Subject matter and method of meta-discipline, scope of constitutionalization and interdisciplinary harmonization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;11:131-147. (In Russ.).
- Maly AF, Tokareva IN. The concept of the process of constitutionalization in the context of the development of the legal system of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2024(2):148-153. (In Russ.).
- Neznamov AV. Trends in the development of the civil procedural form in the context of the digitalization of the civil process. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2024;3:213-221. (In Russ.).
- Osmanova DO. Bankruptcy and enforcement proceedings: Issues of correlation of legal institutions. *Yurist [Jurist]*. 2021;5:30-36. (In Russ.).
- Osmanova DO. Insolvency (bankruptcy) procedure: quo vadis? *Lex russica*. 2024;77(5):144-161. (In Russ.).
- Plotnikova IN. «Constitutionalization»: To the question of the concept. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»*. 2021;21(2):188-197. (In Russ.).
- Sakhnova TV. Bankruptcy as a meta-procedural category. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2024;1:48-64. (In Russ.).
- Sayfullin RI. The concept of universal protection of the constitutional right of citizens to housing: A systematic view of the problem through the prism of bankruptcy. Commentary to the ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 22, 2022 No. 305-ES22-7163. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2022;12:4-15. (In Russ.).
- Shadlovskaya OD. Writ proceedings as a simplified form of civil proceedings. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2015. (In Russ.).
- Shevchenko IM. On the first experience of concluding a local settlement agreement with a secured creditor in a bankruptcy case of a citizen. *Arbitrazhnye spory*. 2024;2:113-127. (In Russ.).
- Taribo EV. Doctrines of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of taxation: Theoretical and practical aspects. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фокин Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Калининградской области
д. 2–4, Рокоссовского ул., г. Калининград 236040, Российская Федерация
evgeniy.hse2018@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Fokin, Cand. Sci. (Law), Judge of the Commercial (Arbitrazh Procedure) Court of the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russian Federation
evgeniy.hse2018@gmail.com

Материал поступил в редакцию 30 июня 2024 г.
Статья получена после рецензирования 30 июля 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 30.06.2024.
Revised 30.07.2025.
Accepted 15.12.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.109-120

Д. В. Зарубин

Севастопольский филиал Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Севастополь, Российская Федерация

Отпуск по беременности и родам (материнский отпуск): международные трудовые стандарты и российское законодательство

Резюме. В статье рассматриваются вопросы международно-правового регулирования материнских отпусков на универсальном и региональном уровне. Исследование в основном касается таких условий материнских отпусков, как продолжительность и оплачиваемость. Отмечается, что на универсальном уровне международно-правовое регулирование данных отпусков в рассматриваемой части характеризуется, с одной стороны, наличием положений актов ООН, носящих в большей мере абстрактный (общий) характер, с другой стороны, действием актов МОТ, положения которых обладают определенной степенью конкретизации и детализации. Обращается внимание на постепенное повышение международных трудовых стандартов в части продолжительности и оплачиваемости материнских отпусков (прежде всего в рамках МОТ), реализуемое путем включения более прогрессивных положений сначала в рекомендательные акты, а затем в акты договорного (юридически обязывающего) характера. Проводится сравнительно-правовой анализ норм российского законодательства с отдельными положениями Конвенции МОТ № 183, формулируется вывод о том, что в части продолжительности и оплачиваемости материнских отпусков нормы российского законодательства не просто соответствуют Конвенции МОТ № 183, а закрепляют более высокий уровень трудовых прав и гарантий для женщин.

Ключевые слова: международные трудовые стандарты; международное трудовое право; международно-правовое регулирование; Организация Объединенных Наций; Международная организация труда; Содружество Независимых Государств; Совет Европы; Европейский Союз; трудовое законодательство; Российская Федерация; материнский отпуск; отпуск по беременности и родам

Для цитирования: Зарубин Д. В. Отпуск по беременности и родам (материнский отпуск): международные трудовые стандарты и российское законодательство. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 109–120. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.109-120

Maternity Leave: International Labor Standards and Russian Legislation

Dmitriy V. Zarubin

Sevastopol Branch of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The paper discusses the issues of international legal regulation of maternity leave at the universal and regional levels. The study primarily focuses on such conditions of maternity leave as duration and remuneration. It is noted that at the universal level, international legal regulation of such leave in this regard is characterized, on the one hand, by the existence of provisions in UN acts of a more abstract (general) nature, and on the other hand, by the application of ILO acts whose provisions possess a certain degree of specificity and detail. Attention is given to the gradual increase in international labor standards regarding the duration and remuneration of maternity leave (primarily within the framework of the ILO), implemented by including more progressive provisions first in

© Зарубин Д. В., 2026

non-binding instruments and then into treaty-based (legally binding) instruments. A comparative legal analysis is conducted between the norms of Russian legislation and specific provisions of ILO Convention No. 183. The conclusion is formulated that, regarding the duration and remuneration of maternity leave, the norms of Russian legislation not only comply with the provisions of ILO Convention No. 183 but establish a higher level of labor rights and guarantees for women.

Keywords: international labor standards; international labor law; international legal regulation; United Nations; International Labor Organization; Commonwealth of Independent States; Council of Europe; European Union; labor legislation; Russian Federation; maternity leave

Cite as: Zarubin DV. Maternity Leave: International Labor Standards and Russian Legislation. *Lex russica*. 2026;79(1):109-120. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.109-120

Введение

Вопросы охраны материнства имеют приоритетное значение для политики нашей страны. 29 февраля 2024 г. Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию «предложил запустить новую программу по охране материнства и сбережению репродуктивного здоровья женщин»¹. Это обуславливает повышенный интерес к вопросам трудовых прав и гарантий женщин, ожидающих рождения ребенка.

Отпуск по беременности и родам (далее — ОБР, материнский отпуск) занимает важное место в системе мер, направленных на охрану материнства². Как отмечается в публикациях Международной организации труда (МОТ), целью данного отпуска является охрана здоровья женщины и ее ребенка с учетом особых психологических и физиологических потребностей, связанных с беременностью и родами, — ключевой элемент защиты работающих женщин в данное время³.

В ряде международных актов универсального и регионального уровня содержатся положения о материнских отпусках. Это обуславливает важность обращения к ним, а главное — целесообразность их сопоставления с нормами российского законодательства в рассматриваемой сфере. Таким образом, проведение исследования по освещаемой в данной статье

теме имеет целью проанализировать, с одной стороны, установленные на универсальном и региональном уровне международные трудовые стандарты, определяющие отдельные условия предоставления ОБР, с другой стороны, международные обязательства РФ, связанные с вопросами охраны материнства в обозначенной части. Исследование условий предоставления материнских отпусков в большей мере будет касаться вопросов их продолжительности и оплачиваемости.

Международно-правовое регулирование материнских отпусков (универсальный и региональный уровень)

Положения, затрагивающие ОБР, находят свое отражение в международных актах универсального и регионального уровня.

Говоря о первом из отмеченных уровней, сначала обратим внимание на акты Организации Объединенных Наций, значимость которых в международном трудовом праве, состоящая в том, что «в них определен комплекс тех прав и свобод человека, которые являются основными и общепризнанными»⁴, была подчеркнута Д. К. Бекашевым. Из числа международных договоров по правам человека, принятых в рамках данной международной организации, стоит обратить внимание на следующие:

¹ Путин предложил запустить новую программу по охране материнства // URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-poruchil-zapustit-novuyu-programmu-po-okhrane-materinstva.html> (дата обращения: 02.01.2025).

² О системе мер, направленных на охрану материнства, см., например: Костина С. Н., Банных Г. А., Касьянова Т. И. Охрана материнства как направление государственной политики на постсоветском пространстве: компаративный анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 213–221.

³ Maternity Protection Resource Package — From Aspiration to Reality for All. Module 6: Maternity leave and related types of leave. Geneva : ILO, 2012. P. 2.

⁴ Бекашев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник. М. : Проспект, 2023. С. 82.

— Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (МПЭСКП)⁵;

— Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (КЛДЖ)⁶.

МПЭСКП установил, в частности, необходимость предоставления работающим матерям оплачиваемых отпусков или отпусков с достаточными пособиями по социальному обеспечению в течение разумного периода до и после родов (п. 2 ст. 10). По состоянию на январь 2025 г. 173 государства участвуют в этом международном договоре.

Интересно, что ряд государств, выражая свое согласие на обязательность для себя МПЭСКП, сделали оговорки о возможности исполнения международного обязательства, предусмотренного пунктом 2 ст. 10. Так, например, в документе о присоединении Барбадоса к этому международному договору содержится оговорка о том, что Правительство Барбадоса оставляет за собой право отложить применение ст. 10 (2) в той мере, в какой это касается особой защиты, которая должна предоставляться матерям в течение разумного периода во время и после рождения ребенка⁷. В документе о присоединении Кении к МПЭСКП также говорится, что Правительство Кении признает и поддерживает принципы, изложенные в п. 2 ст. 10, однако нынешние обстоятельства, существующие в Кении, не делают необходимым или целесообразным введение этих принципов в законодательном порядке⁸.

КЛДЖ предусмотрела, в частности, необходимость установления оплачиваемых отпусков или отпусков с сопоставимыми социальными

пособиями по беременности и родам (далее — ПБР) без утраты прежнего места работы, старшинства или социальных пособий (пп. «b» п. 2 ст. 11). По состоянию на январь 2025 г. 189 государств участвуют в данном международном договоре.

Ряд государств, выражая свое согласие на обязательность для себя КЛДЖ, сделали оговорки о возможности исполнения международного обязательства, предусмотренного подпунктом «b» п. 2 ст. 11. В частности, при ратификации Австралией этого международного договора оговорено, что в настоящее время Правительство Австралии не в состоянии принять меры, требуемые статьей 11 (2), для введения оплачиваемого ОБР или сопоставимых социальных льгот на всей территории Австралии⁹.

Далее обратимся к актам, принятым МОТ — международной организацией, являющейся, как было отмечено И. Я. Киселевым, «главным центром международной нормативной деятельности по вопросам труда»¹⁰. С. Чарновиц пишет, что МОТ, основанная в 1919 г. в рамках Версальского мирного договора, была одной из первых многосторонних организаций и первой постоянно действующей организацией, разрабатывавшей международные договоры на регулярной основе¹¹. С. А. Иванов также признавал нормотворчество МОТ ее главной функцией, при прекращении которой «МОТ перестанет существовать как орган международного регулирования труда»¹².

Вопросы охраны материнства стояли на повестке дня Международной конференции труда (МКТ) уже в первый год создания МОТ. В целом нужно обратить внимание на конвенции,

⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 03.01.2025).

⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 03.01.2025).

⁷ Accession by Barbados // URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/1973/CN.5.1973-Eng.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

⁸ Accession by Kenya // URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/1972/CN.82.1972-Eng.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

⁹ Ratification by Australia // URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/1983/CN.246.1983-Eng.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

¹⁰ Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право : учебник для вузов. М. : Дело, 1999. С. 457.

¹¹ Charnovitz S. The International Labour Organization in its Second Century // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. № 4. P. 148.

¹² Иванов С. А. Проблемы международного регулирования труда. М. : Наука, 1964. С. 37.

правовая природа которых была обозначена Э. М. Аметистовым в качестве многосторонних международных договоров¹³, среди которых:

1) Конвенция № 3 МОТ о труде женщин до и после родов¹⁴ (далее — Конвенция № 3), принятая МКТ 29 октября 1919 г. на ее 1-й сессии. По состоянию на январь 2025 г. 26 государств несут международные обязательства по этой Конвенции;

2) Конвенция № 103 МОТ об охране материнства (пересмотренная в 1952 г.)¹⁵ (далее — Конвенция № 103), принятая МКТ 28 июня 1952 г. на ее 35-й сессии. По состоянию на январь 2025 г. 23 государства несут по ней международные обязательства;

3) Конвенция № 183 МОТ о пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 г. об охране материнства¹⁶ (далее — Конвенция № 183), принятая МКТ 15 июня 2000 г. на ее 88-й сессии. По состоянию на январь 2025 г. 44 государства несут по ней международные обязательства.

Прежде чем перейти к анализу положений названных конвенций, важно отметить, что в настоящее время из них только Конвенция № 183 относится к числу актуальных актов, «которые действуют в полном объеме»¹⁷. Конвенции № 3 и № 103 являются устаревшими, то есть «юридически сохраняющими свое действие по сей день, однако практически неприменяемыми»¹⁸. Кроме этого, на своей 349-й сессии (30 октября — 9 ноября 2023 г.) Административный совет МОТ принял к сведению рекомендации Трехсторонней рабочей

группы по механизму анализа норм. На их основе среди прочего будет рассмотрен вопрос о включении в повестку дня 121-й сессии МКТ (2033 г.)¹⁹ пункта об отмене конвенций № 3 и № 103 и изъятии Рекомендации № 95 МОТ об охране материнства²⁰ (далее — Рекомендация № 95). Для внесения большей ясности подчеркнем, что «процедура отмены касается конвенций, вступивших в силу. Порядок изъятия относится к конвенциям, не вступившим в силу, и к рекомендациям»²¹.

Анализ положений этих конвенций позволяет указать на следующие аспекты, связанные с продолжительностью и оплачиваемостью материнских отпусков.

Конвенция № 3 устанавливает 12-недельный ОБР (шесть недель до родов и шесть недель после них) с предоставлением женщине пособия, достаточного для содержания ее самой и ребенка в хорошем здоровом состоянии (конкретный размер такого пособия определяется компетентным органом власти каждой страны).

Конвенция № 103 предусматривает по меньшей мере 12-недельный ОБР, включающий в себя обязательный послеродовой отпуск, который не может быть менее шести недель. Оставшаяся же часть данного отпуска может быть использована полностью или частично как до предполагаемой даты родов, так и по окончании обязательного послеродового отпуска (такая возможность определяется внутренним законодательством). Денежное пособие,

¹³ Аметистов Э. М. Международное право и труд: факторы имплементации международных норм о труде. М. : Междунар. отношения, 1982. С. 45.

¹⁴ URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c003_ru.htm (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁵ URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c103_ru.htm (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁶ URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c183_ru.htm (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁷ Черняева Д. В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право) : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2010. С. 65.

¹⁸ Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права : монография. М. : Проспект, 2015. С. 141.

¹⁹ См. подробнее: Par. 23(g) of Minutes of the Legal Issues and International Labour Standards Section (Governing Body, 349th Session, Geneva, 30 October — 9 November 2023) // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_905606.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

²⁰ URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r095_ru.htm (дата обращения: 07.01.2025).

²¹ Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека : учеб. пособие. М. : РУДН, 2017. С. 102.

получаемое женщиной во время нахождения в таком отпуске, должно обеспечивать ей самой и ребенку хорошие с точки зрения гигиены жизненные условия и надлежащий уровень жизни (размер такого пособия определяется внутренним законодательством, но если эта сумма исчисляется на основе предшествовавшего заработка, то она должна составлять не менее его 2/3).

Указанные положения Конвенции № 103 дополняются Рекомендацией № 95 (принята МКТ 28 июня 1952 г. на ее 35-й сессии), которая в настоящее время (январь 2025 г.) является устаревшей и в отношении которой, как было отмечено ранее, планируется рассмотрение вопроса об изъятии. М. В. Лушникова и А. М. Лушников пишут, что «рекомендации МОТ, как уже следует из их наименования, носят рекомендательный характер, сопровождают соответствующие конвенции МОТ, детализируя, уточняя эти положения»²². Действительно, рекомендации МОТ не подлежат ратификации и по своей сути являются актами «мягкого» права, тем не менее они также находят свое практическое осуществление на национальном уровне, например используются российскими судебными органами при разрешении дел по трудовым и смежным с ними спорам²³. В целом Рекомендация № 95 в интересующем нас аспекте предусмотрела большую продолжительность материнского отпуска (14 недель) и более высокий размер денежного пособия (100 % предыдущего заработка женщины).

Конвенция № 183 предоставляет право женщинам как минимум на 14-недельный ОБР. Как можно заметить, отдельные юридически необязывающие положения Рекомендации № 95 (в части продолжительности материнского отпуска) нашли свое отражение с течением времени уже в договорном акте МОТ. Уровень же денежного пособия в связи с нахождением в ОБР, согласно Конвенции № 183, должен быть таким, чтобы женщина могла содержать себя

и своего ребенка в достойных с санитарно-гигиенической точки зрения условиях и иметь надлежащий уровень жизни (если исчисление такого пособия осуществляется на основе предыдущих заработков, то его размер устанавливается на уровне не менее 2/3 от них). Упомянутое выше положение Рекомендации № 95 о более высоком размере денежного пособия не было включено в содержание рассматриваемой Конвенции.

Рекомендация № 191 МОТ о пересмотре Рекомендации 1952 г. об охране материнства²⁴ (далее — Рекомендация № 191), принятая МКТ 15 июня 2000 г. на ее 88-й сессии, дополняет обозначенные положения Конвенции № 183. Данная Рекомендация также является актуальным актом МОТ. Документ предусмотрел, в частности, увеличенную продолжительность материнского отпуска (до 18 недель) и повышенный размер денежного пособия в связи с нахождением в таком отпуске (полная сумма предыдущих заработков).

Подводя итог исследованию международно-правового регулирования материнских отпусков (в части отдельных условий их предоставления — продолжительности и оплачиваемости) на универсальном уровне, можно констатировать, что, с одной стороны, его осуществление в проанализированных актах ООН носит в большей степени абстрактный (общий) характер, с другой стороны, положения представленных актов МОТ, касающиеся этого же аспекта, уже обладают определенной степенью конкретизации и детализации.

Перейдем к международным актам регионального уровня, особый интерес обращения к которым обуславливается тем, что «в рамках международных региональных организаций зачастую закрепляются повышенные стандарты в области труда по сравнению с универсальным уровнем регулирования в силу более тесного взаимодействия между государствами одного региона»²⁵.

²² Лушникова М. В. Международное трудовое право и международное право социального обеспечения: введение в курс : учеб. пособие / М. В. Лушникова, А. М. Лушников ; Яросл. гос. ун-т имени П.Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2010. С. 112–113.

²³ Зарубин Д. В. Рекомендации Международной организации труда в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 3. С. 61–63.

²⁴ URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_r191_ru.htm (дата обращения: 07.01.2025).

²⁵ Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016. С. 5.

В Европейской социальной хартии (пересмотренной) 1996 г.²⁶ (ЕСХ), принятой Советом Европы, содержится положение, согласно которому государства — участники этого международного договора (при признании ими обязательной силы п. 1 ст. 8) обязаны предоставлять женщинам до- и послеродовой оплачиваемый отпуск общей продолжительностью не менее 14 недель. По состоянию на январь 2025 г. международные обязательства по ЕСХ несут 36 государств — членов Совета Европы²⁷, из которых 33 признали для себя обязательную силу п. 1 ст. 8²⁸.

Европейский комитет по социальным правам (ЕКСП), осуществляющий мониторинг соблюдения ЕСХ, который «компетентен выносить правовую оценку соответствия или несоответствия законодательства, иных нормативных актов и практики их применения каждым государством требованиям Хартии»²⁹, отметил, что в целях соблюдения п. 1 ст. 8 государства-участники должны обеспечить существование:

— во-первых, правовых гарантий, защищающих женщин от любого давления со стороны работодателей, направленного на сокращение их материнского отпуска;

— во-вторых, соглашения с социальными партнерами о послеродовом отпуске, обеспечивающего свободный выбор женщин, которые должны быть защищены законом и на практике от необоснованного давления, побуждающего их брать послеродовой отпуск продолжительностью менее шести недель³⁰.

В части права на получение ПБР ЕКСП подчеркивает, что в соответствии с п. 1 ст. 8 ЕСХ государства-участники гарантируют работающим женщинам адекватную компенсацию за потерю заработка в период материнского отпуска, фор-

ма предоставления которой находится в пределах их усмотрения. Она может представлять собой либо оплачиваемый отпуск (продолжительная выплата заработной платы работодателем), либо ПБР по социальному обеспечению, либо любую альтернативную выплату из государственных фондов, либо комбинацию обозначенных вариантов. В то же время уровень такой компенсации должен быть адекватным: она не может быть существенно снижена по сравнению с предыдущей заработной платой и должна составлять не менее 70 % ее размера. Кроме этого, минимальная ставка компенсации не может быть ниже порога бедности, определяемого как 50 % от медианного эквивалентного дохода. Если данное пособие составляет 40–50 % от медианного эквивалентного дохода, будут учитываться и другие пособия (в том числе по социальному обеспечению или жилью). Однако размер компенсации, установленный на уровне менее 40 % от медианного эквивалентного дохода, явно недостаточный, поэтому его сочетание с другими пособиями не может привести ситуацию в соответствие с п. 1 ст. 8 ЕСХ³¹.

В Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г.³² (далее — Конвенция 1995 г.), в которой «отражены все фундаментальные права и основные свободы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, международных пактах об экономических, социальных, культурных, гражданских и политических правах»³³, также содержится положение об ОБР. В частности, подпункт «а» п. 2 ст. 14 обязывает государства, являющиеся участниками этого международного договора, предоставлять работающим женщинам, берущим отпуск

²⁶ URL: <https://rm.coe.int/168007cf96> (дата обращения: 07.01.2025).

²⁷ Chart of signatures and ratifications of Treaty 163 // URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treaty-num=163> (дата обращения: 07.01.2025).

²⁸ Reservations and Declarations for Treaty No. 163 — European Social Charter (revised) (ETS No. 163) // URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=declarations-by-treaty&numSte=163&codeNature=0> (дата обращения: 07.01.2025).

²⁹ Ходусов А. А. О системе контроля за соблюдением Европейской социальной Хартии // Евразийская адвокатура. 2017. № 6. С. 71.

³⁰ Digest of the case law of the European Committee of Social Rights (June 2022) // URL: <https://rm.coe.int/digest-ecsr-prems-106522-web-en/1680a95dbd> (дата обращения: 12.01.2025).

³¹ Digest of the case law of the European Committee of Social Rights (June 2022).

³² URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/api/v1/downloadDocument/451?whichDocument=REVISION&formatDocument=PDF&revision=1> (дата обращения: 12.01.2025).

³³ Ольшевская А. В. Обеспечение прав человека в соответствии с европейскими актами и актами СНГ // Современное право. 2004. № 5. С. 25.

до и после родов (срок такого отпуска устанавливается внутренним законодательством), оплачиваемый отпуск, достаточное пособие по социальному обеспечению или пособия из общественных фондов. По состоянию на январь 2025 г. Конвенция 1995 г. имеет юридическую силу для четырех государств — участников СНГ, в числе которых: Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан³⁴.

В Хартии социальных прав и гарантий граждан независимых государств 1994 г.³⁵, «акте, рекомендательном по своей сути»³⁶, предусматривается право женщин как минимум на 18-недельный ОБР начиная с 30-й недели беременности (ст. 36). Что касается оплачиваемости такого отпуска, то размер денежного пособия по нему должен полностью компенсировать утраченный заработок (ст. 37).

В 2020 г. был принят Модельный трудовой кодекс для государств — участников СНГ³⁷ (МТК). Говоря о правовой природе этого акта, следует привести мнение К. Л. Томашевского, который пишет, что «модельные законы СНГ не имеют прямого действия в странах — участницах Содружества, а имеют рекомендательное значение для национальных парламентов»³⁸. Но положения модельных актов носят в большей степени детальный и конкретизированный характер, что является их «преимуществом даже перед рядом договорных инструментов, особенно тех договоров, которые не содержат четких предписаний и ограничиваются рамоч-

ными позициями»³⁹. Вместе с тем в части продолжительности и порядка предоставления ОБР положения МТК установили лишь то, что этот вопрос определяется национальным законодательством (ст. 278). Представляется, что более детальные положения данного акта в рассматриваемом аспекте оказали бы большую поддержку в развитии такого направления, как сближение законодательств государств — участников СНГ. Исходя от этого, видится весьма целесообразным продолжить работу по выработке единых подходов, в том числе к ОБР, в целях дальнейшей гармонизации и унификации законодательств государств — участников СНГ.

В рамках Европейского Союза действует Директива о беременных женщинах (Pregnant Workers Directive) 1992 г.⁴⁰ А. И. Абдуллин пишет, что «директива обязательна для каждого государства-члена, которому она адресована, в отношении ожидаемого результата, но сохраняет за национальными властями свободу выбора форм и методов действий»⁴¹. В этом документе указывается, в частности, на необходимость принятия государствами — членами ЕС мер для обеспечения работницам:

— права на непрерывный ОБР продолжительностью не менее 14 недель, который предоставляется до и/или после родов в соответствии с национальным законодательством и/или практикой (п. 1 ст. 8);

— права на сохранение выплаты и/или права на адекватное пособие в случае использования материнского отпуска (п. 2 (b) ст. 11),

³⁴ Информация депозитария (Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.) // URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/print/depositary-info?ids=451> (дата обращения: 12.01.2025).

³⁵ URL: https://cis.minsk.by/reestr2/api/v1/downloadDocument/374?whichDocument=INIT_TEXT&formatDocument=PDF (дата обращения: 12.01.2025).

³⁶ *Давлетгильдеев Р. Ш.* Международно-правовое сотрудничество государств — участников Содружества Независимых Государств в области труда и социального обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. С. 25.

³⁷ URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/922.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).

³⁸ *Томашевский К. Л.* Системы источников трудового права государств — членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 319.

³⁹ *Михалева Т. Н.* Модельное правотворчество в СНГ как юридическое средство мягкой интеграции и проявление парламентской дипломатии // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов : материалы междунар. науч.-практ. конференции, Минск, 23 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 59.

⁴⁰ Council Directive 92/85/EEC of 19 October 1992 on the introduction of measures to encourage improvements in the safety and health at work of pregnant workers and workers who have recently given birth or are breastfeeding // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:01992L0085-20190726> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴¹ *Абдуллин А. И.* Право европейских сообществ: к вопросу о классификации источников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4. С. 187.

размер которого считается достаточным, если он гарантирует доход, по крайней мере эквивалентный тому, который работница получала бы в случае перерыва в своей деятельности по причинам, связанным с состоянием ее здоровья, с учетом любых ограничений, установленных национальным законодательством (п. 3 ст. 11).

Международные обязательства России и соотношение норм российского законодательства с отдельными положениями Конвенции № 183

Российская Федерация активно участвует в международном сотрудничестве в сфере труда, что находит подтверждение и в том, что нашей страной принят такой объем международных обязательств, которым, как пишет Р. Ш. Давлетгильдеев, «в настоящее время мы можем гордиться»⁴².

Будучи правопреемником (правопродолжателем) СССР в отношении участия в международных договорах, наша страна несет международные обязательства по двум отмеченным ранее актам ООН, а именно:

- МПЭСКП (ратифицирован СССР в 1973 г.⁴³);
- КЛДЖ (ратифицирована СССР в 1980 г.⁴⁴).

Кроме этого, Российской Федерацией признана компетенция Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, осуществляющего мониторинг выполнения КЛДЖ: в

2004 г. Россия ратифицировала⁴⁵ Факультативный протокол к КЛДЖ 1999 г.

Из названных ранее конвенций МОТ наша страна несет международные обязательства по Конвенции № 103 (ратифицирована СССР в 1956 г.⁴⁶). Данная Конвенция, как уже было отмечено, является устаревшим актом, поскольку ее положения были пересмотрены Конвенцией № 183 (в настоящее время не ратифицирована РФ). Вопрос о проведении консультаций, связанных с возможностью ратификации нашей страной Конвенции № 183, неоднократно обозначался в специальных трехсторонних генеральных соглашениях⁴⁷.

Проведя соотношение норм российского законодательства и положений Конвенции № 183 в части продолжительности и оплачиваемости материнских отпусков, можно подчеркнуть следующее.

Во-первых, статья 255 ТК РФ⁴⁸ установила по общему правилу 140-дневный ОБР (70 дней как до, так и после родов), что равняется 20 неделям. Такая продолжительность материнского отпуска не только на 42,9 % больше указанной в Конвенции № 183 (14 недель), но и на 11,1 % превышает обозначенную в Рекомендации № 191 (18 недель). В связи с этим важно сказать, что, по данным МОТ, средняя продолжительность ОБР в мире составляет 17,6 недели. Кроме этого, только 52 страны из 185 предоставляют такой отпуск сроком 18 недель и более⁴⁹. Это означает, что Российская Федерация относится к 28,1 % стран, которые смогли обеспечить

⁴² Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека. С. 121.

⁴³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 40. Ст. 564.

⁴⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.12.1980 № 3565-X «О ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» // Ведомости ВС СССР. 1981. № 1. Ст. 3.

⁴⁵ Федеральный закон от 19.06.2004 № 52-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2483.

⁴⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.07.1956 «О ратификации конвенций Международной организации труда (МОТ)» // Ведомости ВС СССР. 1956. № 14. Ст. 301.

⁴⁷ См., например: п. 7.14 Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021–2023 годы // URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/960/xg38z1gpib3bbu42ufmf17d0az7hsczz/Generalnoe-Soglashenie-2021_2023.pdf (дата обращения: 30.01.2025); п. 7.15 Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2024–2026 годы // URL: https://fnpr.ru/upload/iblock/426/guypkgvf2tvtw91oocnups0vhw8nlnu/Generalnoe-soglashenie-2024_2026-dlya-sayta.pdf (дата обращения: 30.01.2025).

⁴⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

⁴⁹ Addati L., Cattaneo U., Pozzan E. Care at work: Investing in care leave and services for a more gender equal world of work. Geneva : ILO, 2022. P. 54.

на своем национальном уровне повышенную продолжительность материнского отпуска.

Во-вторых, статья 11 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ⁵⁰ установила ПБР в размере 100 % среднего заработка (если страховой стаж женщины не менее шести месяцев). В этом контексте заострим внимание на сведениях МОТ. Согласно исследованиям, 123 страны из 185 обеспечивают получение женщиной денежного пособия по материнскому отпуску в размере 100 % от предыдущих заработков. Вместе с тем значительная доля потенциальных матерей до сих пор проживает в тех странах, где ПБР не являются адекватными, как это предусмотрено Конвенцией № 183. Так, во всем мире в 2021 г.:

— 3,8 % потенциальных матерей (72 млн) проживают в 13 странах, где законодательство всё еще устанавливает денежные пособия по материнскому отпуску ниже 2/3 от предыдущего заработка;

— 4,1 % потенциальных матерей (78 млн) проживают в трех странах, где нет установленных законом периодических денежных пособий по данному отпуску, среди которых Папуа — Новая Гвинея, Тонга (не предусмотрен ОБР) и Соединенные Штаты Америки⁵¹.

Из вышеизложенного следует, что в части продолжительности материнского отпуска, а также его оплачиваемости нормы российского законодательства не то что соответствуют положениям Конвенции № 183, а закрепляют более высокий уровень трудовых прав и гарантий для женщин.

В 1995 г.⁵² Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 1995 г., принятую в рамках СНГ.

В течение 13 лет, с 2009⁵³ по 2022 г.⁵⁴, наша страна принимала участие в ЕСХ, признав для себя обязательную силу, в частности, п. 1 ст. 8. Хотя в настоящее время ЕСХ прекратила действие в отношении России, интересно заметить, что в 2019 г. ЕКСП сделал вывод о том, что ситуация в РФ не соответствует п. 1 ст. 8 ЕСХ, поскольку минимальный размер ПБР явно слишком низок. Этот вывод обосновывался принятием к сведению ЕКСП расчета ПБР на основе МРОТ, который в течение отчетного периода (2018 г.) был меньше прожиточного минимума⁵⁵.

Одним из пунктов, добавленных в ст. 75 Конституции РФ в 2020 г., стал пятый пункт, закрепивший гарантию обеспечения МРОТ не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России⁵⁶. Э. Г. Тучкова пишет, что «закрепленное ранее в трудовом законодательстве соответствующее положение об этом (ст. 133 ТК РФ) трансформируется в конституционный принцип, за полную реализацию которого на всей территории страны несет ответственность само государство»⁵⁷. В настоящее время это положение находит свою практическую реализацию. Так, например, на 2025 г. прожиточный минимум в целом по РФ для трудоспособного населения составил 19 329 руб./мес.⁵⁸, а МРОТ был установлен в сумме 22 440 руб./мес.⁵⁹

⁵⁰ Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 18.

⁵¹ *Addati L., Cattaneo U., Pozzan E.* Op. cit. P. 59.

⁵² Федеральный закон от 04.11.1995 № 163-ФЗ «О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека» // СЗ РФ. 1995. № 45. Ст. 4239.

⁵³ Федеральный закон от 03.06.2009 № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 03.05.1996» // СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2756.

⁵⁴ Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

⁵⁵ Conclusions of the European Committee of Social Rights 2019 concerning the Russian Federation // URL: <https://rm.coe.int/rapport-rus-en/16809cfbe0> (дата обращения: 31.01.2025).

⁵⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁵⁷ Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Т. 1 : Общие проблемы современного трудового права. М. : Норма, 2022. С. 124.

⁵⁸ Постановление Правительства РФ от 12.06.2024 № 789 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2025 год» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3649.

⁵⁹ Федеральный закон от 29.10.2024 № 365-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6696.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что международно-правовое регулирование материнских отпусков (в части их продолжительности и оплачиваемости) на универсальном уровне характеризуется, с одной стороны, наличием положений актов ООН, носящих в большей степени абстрактный (общий) характер, с другой стороны, действием обладающих определенной степенью конкретизации и детализации положений актов МОТ. Кроме этого, следует обратить внимание на тенденцию постепенного повышения международных трудовых стандартов в части продолжительности и оплачиваемости материнских отпусков (прежде всего в рамках МОТ), реализуемую путем включения более прогрессивных положений сначала в рекомендательные акты, а затем в акты договорного (юридически обязывающего) характера.

Наиболее высокий уровень трудовых прав и гарантий касательно продолжительности и оплачиваемости материнских отпусков, который закреплен в международных актах, отражен в Рекомендации № 191 и Хартии социаль-

ных прав и гарантий граждан независимых государств 1994 г. Оба документа устанавливают нормы международного «мягкого» права, «реализуемые государствами на добровольной основе в рамках международного и национального права»⁶⁰.

Нормы российского законодательства, регламентирующие продолжительность и оплачиваемость ОБР, предусматривают более высокий уровень трудовых прав и гарантий для женщин, чем положения Конвенции № 183.

Российская Федерация относится к 28,1 % стран, которые смогли обеспечить на своем национальном уровне повышенную продолжительность материнского отпуска (18 недель и более). Наша страна обеспечила и получение женщиной денежного пособия по материнскому отпуску в размере 100 % от предыдущих заработков, в то время как в 13 странах такие пособия ниже 2/3 от обозначенных заработков. Кроме этого, в трех странах (Папуа — Новая Гвинея, Тонга и Соединенные Штаты Америки) отсутствуют установленные законом периодические денежные пособия по материнскому отпуску.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллин А. И. Право европейских сообществ: к вопросу о классификации источников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4. С. 177–197.

Аметистов Э. М. Международное право и труд: факторы имплементации международных норм о труде. М. : Междунар. отношения, 1982. 272 с.

Бекяшев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты) : учебник. М. : Проспект, 2023. 280 с.

Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека : учеб. пособие. М. : РУДН, 2017. 509 с.

Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016. 586 с.

Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое сотрудничество государств — участников Содружества Независимых Государств в области труда и социального обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. 28 с.

Зарубин Д. В. Рекомендации Международной организации труда в практике судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 3. С. 58–65.

Иванов С. А. Проблемы международного регулирования труда. М. : Наука, 1964. 343 с.

Киселев И. Я. Сравнительное и международное трудовое право : учебник для вузов. М. : Дело, 1999. 728 с.

Костина С. Н., Банных Г. А., Касьянова Т. И. Охрана материнства как направление государственной политики на постсоветском пространстве: компаративный анализ // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 213–221.

⁶⁰ Халафян Р. М. Концепция международного «мягкого» права в международно-правовой доктрине // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2. С. 37.

Лушникова М. В. Международное трудовое право и международное право социального обеспечения: введение в курс : учеб. пособие / М. В. Лушникова, А. М. Лушников ; Ярослав. гос. ун-т имени П.Г. Демидова. Ярославль : ЯРГУ, 2010. 248 с.

Лютов Н. Л. Эффективность норм международного трудового права : монография. М. : Проспект, 2015. 328 с.

Михалева Т. Н. Модельное правотворчество в СНГ как юридическое средство мягкой интеграции и проявление парламентской дипломатии // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов : материалы междунар. науч.-практ. конференции, Минск, 23 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 56–60.

Ольшевская А. В. Обеспечение прав человека в соответствии с европейскими актами и актами СНГ // Современное право. 2004. № 5. С. 23–25.

Томашевский К. Л. Системы источников трудового права государств — членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 509 с.

Трудовое право: национальное и международное измерение : монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. Т. 1 : Общие проблемы современного трудового права. М. : Норма, 2022. 608 с.

Халафян Р. М. Концепция международного «мягкого» права в международно-правовой доктрине // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2. С. 35–38.

Ходусов А. А. О системе контроля за соблюдением Европейской социальной Хартии // Евразийская адвокатура. 2017. № 6. С. 71–74.

Черняева Д. В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право) : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2010. 232 с.

Addati L., Cattaneo U., Pozzan E. Care at work: Investing in care leave and services for a more gender equal world of work. Geneva : ILO, 2022. 427 p.

Charnovitz S. The International Labour Organization in its Second Century // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. № 4. P. 147–184.

Maternity Protection Resource Package — From Aspiration to Reality for All. Module 6: Maternity leave and related types of leave. Geneva : ILO, 2012. 31 p.

REFERENCES

Abdullin AI. The Law of the European Communities: To the issue of classification of sources. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2001;4:177-197. (In Russ.).

Addati L, Cattaneo U, Pozzan E. Care at work: Investing in care leave and services for a more gender equal world of work. Geneva: ILO; 2022.

Ametystov EM. International law and labor: Factors of the implementation of international labor standards. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ.; 1982. (In Russ.).

Bekyashev DK. International labor law (public law aspects): A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Charnovitz S. The International Labour Organization in its Second Century. Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000;4:147-184.

Chernyaeva DV. International Labor Standards (international public labor law): A study guide. Moscow: Knorus Publ.; 2010. (In Russ.).

Davletgildeev RS. International legal cooperation of the member states of the Commonwealth of Independent States in the field of labor and social security. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Kazan; 1998. (In Russ.).

Davletgildeev RS. International legal protection of human labor rights: A study guide. Moscow: RUDN University Publ.; 2017. (In Russ.).

Davletgildeev RS. International legal regulation of labor at the regional level. Dr. Diss. (Law). Kazan; 2016. (In Russ.).

Golovina SYu, Lyutov NL, editors. Labor law: National and international dimension. A monograph. Vol. 1: General problems of modern labor law. Moscow: Norma Publ.; 2022. (In Russ.).

Ivanov SA. The problem of international regulation of labour. Moscow: Nauka Publ.; 1964. (In Russ.).

Khalafyan RM. The concept of international «soft» law in international legal doctrine. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2012;2:35-38. (In Russ.).

Khodusov AA. On the system of monitoring compliance with the European Social Charter. *Evraziyskaya advokatura [Eurasian Advocacy]*. 2017;6:71-74. (In Russ.).

Kiselyov IYa. Comparative and international labor law: A textbook for universities. Moscow: Delo Publ.; 1999. (In Russ.).

Kostina SN, Bannykh GA, Kasyanova TI. Maternity protection as an area of state policy in the post-Soviet space: A comparative analysis. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2020;4:213-221. (In Russ.).

Lushnikova MV. International labor law and international social security law: Introduction to the course. A study guide. Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Yaroslavl: YarGU Publ.; 2010. (In Russ.).

Lyutov NL. The effectiveness of the norms of international labor law: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2015. (In Russ.).

Maternity Protection Resource Package — From Aspiration to Reality for All. Module 6: Maternity leave and related types of leave. Geneva: ILO; 2012.

Mikhaleva TN. Model law making in the CIS as a legal means of soft integration and a manifestation of parliamentary diplomacy. In: Dostanko EA, editor. *Diplomacy of Belarus in the context of new challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 23, 2023*. Belarusian State University. Minsk: BSU Publ.; 2023. Pp. 56–60. (In Russ.).

Olshevskaya AV. Ensuring human rights in accordance with European and CIS acts. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2004;5:23-25. (In Russ.).

Tomashevskiy KL. Systems of sources of labor law of the EAEU member states: Theory and practice. Dr. Diss. (Law). Moscow; 2017. (In Russ.).

Zarubin DV. Recommendations of the International Labor Organization in the practice of courts of general jurisdiction in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;3:58-65. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубин Дмитрий Викторович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Севастопольского филиала Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
д. 7, Гоголя ул., г. Севастополь 299011, Российская Федерация
dimaaa95.95@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Zarubin, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Sevastopol Branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Sevastopol, Russian Federation
dimaaa95.95@mail.ru

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 1 марта 2025 г.

Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 03.02.2025.

Revised 01.03.2025.

Accepted 15.12.2025.

Опасное состояние личности и основание уголовной ответственности: доктринально-нормативный опыт

Резюме. В статье исследуется эволюция концепции уголовной ответственности через призму взаимодействия фундаментальных категорий уголовного права: преступление; лицо, совершившее преступление; уголовная ответственность. В этом ракурсе рассматривается историческое развитие уголовно-правовых доктрин от классической школы до современных представлений. Особое внимание уделено концепту опасного состояния личности, разработанному антропологической и социологической школами. Проводится сравнительный анализ умеренного и радикального подходов к определению оснований применения уголовно-правовых мер. Раскрывается реализация этих концепций в советском уголовном законодательстве 1920-х гг. Демонстрируется трансформация представлений об уголовной ответственности в советский период, включая переход от радикальных идей социологической школы к традиционному пониманию преступления как основания уголовной ответственности. Выявлено, что радикальные попытки обоснования уголовной ответственности за потенциальную опасность личности были отвергнуты как противоречащие идее свободы человека. Результаты исследования показывают, что в современном российском уголовном праве основанием ответственности выступает исключительно общественно опасное деяние. Данные о личности преступника признаются значимыми при определении мер уголовно-правового воздействия. Выводы подтверждают необходимость дифференцированного подхода к основаниям и мерам уголовно-правового воздействия, где деяние выступает определяющим фактором, а характеристики личности — дополнительным критерием.

Ключевые слова: преступление; основание уголовной ответственности; опасное состояние личности; лицо, совершившее преступление; антропологическая школа уголовного права; социологическая школа уголовного права

Для цитирования: Куфлева В. Н. Опасное состояние личности и основание уголовной ответственности: доктринально-нормативный опыт. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 121–133. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.121-133

Dangerous State of the Individual and the Grounds for Criminal Liability: Doctrinal and Normative Experience

Valentina N. Kufleva
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The paper examines the evolution of the concept of criminal liability through the prism of the interaction between fundamental categories of criminal law: crime; the person who committed the crime; and criminal liability. From this perspective, it analyzes the historical development of criminal law doctrines from the classical

school to modern conceptions. Particular attention is given to the concept of the dangerous state of the individual, developed by the anthropological and sociological schools. A comparative analysis is conducted of moderate and radical approaches to defining the grounds for applying criminal law measures. The implementation of these concepts in Soviet criminal legislation of the 1920s is analyzed. The study demonstrates the transformation of views on criminal liability during the Soviet period, including the shift from the radical ideas of the sociological school to the traditional understanding of crime as the basis for criminal liability. It is revealed that radical attempts to justify criminal liability based on the potential danger of an individual were rejected as contrary to the idea of human freedom. The results of the study show that in modern Russian criminal law, the sole ground for liability is a socially dangerous act. Information about the offender's personality is recognized as significant in determining measures of criminal law impact. The conclusions of the work confirm the need for a differentiated approach to the grounds and measures of criminal law impact, where the act is the determining factor and personal characteristics are an additional criterion.

Keywords: crime; basis of criminal liability; dangerous state of individual; person who committed a crime; anthropological school of criminal law; sociological school of criminal law

Cite as: Kufleva VN. Dangerous State of the Individual and the Grounds for Criminal Liability: Doctrinal and Normative Experience. *Lex russica*. 2026;79(1):121-133. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.121-133

Введение

«Уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее преступление». Эта общая формула, с одной стороны, выражает quintessence нормативного опыта уголовно-правового противодействия преступлениям, с другой стороны, представляет собой отправную точку понимания современной уголовно-правовой и уголовно-политической концепции. Содержание и связь трех отраженных в заявленной формуле фундаментальных отраслевых понятий — «преступление», «лицо» и «уголовная ответственность» — составляют ядро этой концепции, которая имеет длительный, наполненный противоречиями и яркими событиями период формирования, а также непростой, противоречивый опыт современной реализации.

Базовые вопросы истории и современности заключаются в определении того, что (преступление) или кто (лицо) выступает основанием для разработки и реализации всех нормативных предписаний отрасли уголовного права, в уточнении целей уголовной ответственности и социальных функций уголовного права (применяются ли его нормы за что-то или для чего-то), в выявлении на этой основе содержания правовых и (или) иных средств антикриминального уголовно-правового воздействия.

В формулировку вопросов сознательно заложена дихотомия возможных ответов. Такая поллярность суждений может выглядеть заведомо

ошибочной, поскольку современное уголовное право стремится прагматическим образом синтезировать достижения самых разных подходов к организации уголовно-правового воздействия на общество и продуцируемую им преступность. Однако расстановка акцентов при формулировке ответов не менее важна, чем сами ответы. Тонкий, детализированный анализ этих акцентов необходим не столько для типологической характеристики действующего в стране уголовного права, сколько для правильного и системного представления едва ли не всех компонентов формирующей его доктрины, включая основание применения мер уголовно-правового воздействия и их содержание.

Эволюция концепции опасного состояния личности в теории школ уголовного права: от классики к позитивизму

Наиболее остро эти проблемы проявили себя в связи с возникновением и последующим противостоянием основных уголовно-правовых школ в конце XIX — первой трети XX столетия. Их размежевание, как известно, было связано с обсуждением вопроса о предмете науки уголовного права в свете достижений позитивистской методологии, обнаживших определенную недостаточность формально-логической обработки уголовно-правовых норм и их подчеркнута философско-этического обоснования¹.

¹ История обсуждения этого вопроса хорошо известна, см., например: *Духовской М. В.* Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года // *Временник Демидовского*

Главная критика со стороны нового, позитивистского направления, представленного антропологической и социологической школами, в адрес школы классической была связана с ее «поклонением перед догмами уголовного права в ущерб естественному развитию науки, в том числе и криминального цикла»². Если адепты классической школы были сосредоточены на разработке правовых институтов преступления и наказания, то в центре внимания социологов и антропологов находились не отвлеченные правовые понятия, а реальная личность преступника, которая и должна была, по их мнению, стать объектом уголовно-правового воздействия.

Научным открытием новой уголовно-правовой теории стал феномен опасного состояния личности, который признавался представителями и социологической, и антропологической школ, хотя и с различиями в понимании и интерпретации источника этого состояния.

Его смысл заключался в признании того, что определенная часть людей обладает некоторыми «дефектами», в силу которых они имеют постоянную или изменчивую склонность к совершению преступлений и не поддаются «действию обыкновенных средних мотивов поведения», господствующих в обществе. «Эта дефективность, — писал П. И. Люблинский, — определяется или какими-либо органическими пороками (такие болезненные склонности, как алкоголизм, мании, неврастения и т.д.), создающими так называемую “уменьшенную вменяемость”, либо недостатком социального воспитания (преступные дети и подростки или с прочно усвоенными на почве социального вырождения социальными пороками (развратом, привычкой к праздности, эксплуатации других и т.д.))»³.

Состоящая в социальных, психологических, биологических и прочих особенностях опасность лица не может быть устранена действием уголовного наказания, которое построено как раз на учете «средних мотивов среднего человека» и призвано обеспечить эквивалентное возмездие за сделанный им свободный поведенческий выбор и причиненный обществу вред. «Если выражением старой школы была идея возмездия за учиненное зло, — писал В. Станкевич, — то нынешняя базируется на понятии ограждения от опасных субъективных свойств преступника, нашедших свое выражение в преступлении. Вместо объективной тяжести преступления на первый план выдвигаются субъективные свойства преступника. И это изменение в сущности и цели карательной деятельности настолько важно, что новая школа часто характеризует себя им, именуясь “субъективной”, противопоставляя себя таким образом старой, придававшей главное значение объективной, внешней стороне преступления»⁴.

В рамках реализации нового подхода к минимизации и устранению социальной опасности личности представители позитивистского направления в уголовном праве разработали развернутую систему мер социальной защиты, дифференцированных в зависимости от источника формирования опасной личности.

Стоит подчеркнуть, что в своей умеренной части позитивисты не замещали категорию преступления категорией опасного состояния, но дополняли ее представления об основаниях и содержании уголовно-правового воздействия. Понятие опасного состояния и критерии его установления были необходимы им для разработки особых, отличных от наказания мер воздействия на лиц, совершивших именно

юридического лица. Ярославль, 1873. Кн. 4. С. 220–252 ; *Спасович В. Д.* Новые направления в науке уголовного права. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1898 ; *Чубинский М. И.* Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 7. С. 97–166 ; *Мокринский С. П.* Система и методы науки уголовного права. СПб. : Сенатская тип., 1906.

² *Кадников Н. Г.* Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 51 ; *Лоба В. Е.* «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 100–107 ; *Сафронова Е. В., Лоба В. Е.* «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17.

³ *Люблинский П. И.* О действии наказания // Новые идеи в правоведении : непериодическое издание, выходящее под ред. Л. И. Петражицкого. Сборник первый : Цели наказания (Составлен профессором П. И. Люблинским). СПб. : Печатный труд, 1914. С. 21–22.

⁴ *Станкевич В.* Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении. С. 94.

преступление. Эту мысль хорошо иллюстрируют рассуждения А. А. Жижиленко. Он писал: «При признании опасности лица необходимо считаться с интересами личной свободы, так как это признание влечет за собою весьма невыгодные последствия для личности. Поэтому представляется более целесообразным указание в самом законе признаков опасного преступника, чем предоставление решения всего этого вопроса усмотрению суда. Таким признаком прежде всего может служить повторность учинения известных преступлений... Далее должны быть указаны определенные преступления, при которых следует признать, что их учинитель действительно вызывает особенное беспокойство в обществе. <...> Но наряду с указанными признаками для других категорий опасных состояний могли бы иметь значение и иные обстоятельства, именно не самое существо данного посягательства, а его связь с определенными склонностями данного субъекта — именно связь преступления с тунеядством, распутством и пьянством»⁵.

Обратим внимание, что опасное состояние мыслилось не иначе как характеристика лица, совершившего преступление. Факт совершения преступления (особого вида, неоднократно или по особым связанным с личностными особенностями деятеля причинам) признавался необходимым условием самой постановки вопроса о наличии опасного состояния. Вне преступления опасность лица не существовала. При таком подходе опасное состояние лица, совершившего преступление, и само совершенное преступление воспринимались в качестве одновременно существующих, но отдельных оснований для применения к субъекту дифференцированных по целям и содержанию «мер социальной защиты». Возникал определенный дуализм и оснований, и мер уголовно-правового воздействия, или, как писал В. Н. Щедрин, «двухколейность» уголовного законодательства⁶. Эта «двухколейность» опиралась на представления о том, что «наказание связано с определенным составом

преступления и указанным в законе за него общим карательным последствием, которое и является руководящим для суда», оно имеет своим основанием вину и целью — общую превенцию преступлений, в то время как «меры социальной защиты не связаны с определенным составом преступления и со следующим за ним карательным следствием, а лишь с формой “опасного состояния” преступника», не основаны на вине и преследуют цели частной превенции⁷.

Иные теоретическая концепция и нормативная практика складывались под влиянием крайних позитивистских социолого-антропологических идей, обосновывающих концептуальную возможность отрыва представлений об опасном состоянии лица от факта совершения им преступления. Исходной точкой здесь служили высказывания А. Принса о том, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка»⁸. При этом представители крайних антропологических идей видели основу для применения уголовно-правовых мер в биологических и психологических особенностях личности (в том числе врожденных), а социологи — в ее социальной характеристике, обусловленной среди прочего особенностями среды формирования и жизнедеятельности.

Поскольку здесь основанием применения мер уголовно-правового воздействия определялось не совершение преступления, а само по себе опасное состояние личности, исходящая от нее угроза причинения вреда иным лицам, обществу или государству, не требовалось дифференциации средств уголовно-правового воздействия на наказание и меры социальной защиты, в связи с чем изменялась и терминология для их обозначения. Недифференцированные и единые по природе, они по преимуществу стали называться мерами безопасности.

Смещение акцентов в понимании оснований применения мер уголовно-правового воз-

⁵ Жижиленко А. А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников. Доклад, представленный VIII съезду Русской группы Международного союза криминалистов. СПб. : Тип. А. Г. Розена, 1911. С. 7–9.

⁶ Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер / под науч. ред. Н. В. Щедрина. Красноярск : СФУ, 2010. С. 117.

⁷ См. об этом: Пионтковский А. А. Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР // Советское право. Журнал Института советского права. 1923. № 3 (6). С. 26–28.

⁸ Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права / пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. проф. Г. С. Фельдштейна. М. : Кн-во торгового дома «В. И. Знаменский и Ко», 1912. С. 131.

действия потенциально приводило к серьезным последствиям для уголовного права как отрасли права. И речь не только о том, что право, основанное на идее опасного состояния личности, не требовало детализированного и нормативно установленного перечня составов преступлений. Справедливо оценил развитие ситуации А. А. Пионтковский: «В силу того, что объективный элемент — учиненное преступное деяние — играет в “опасном состоянии” второстепенное значение (он — симптом опасности и один из моментов, характеризующих эту опасность), “опасное состояние” как основание для соответствующей формы принуждения проявляет тенденцию выйти за пределы уголовного права, поскольку без совершения преступления есть и надежные симптомы опасности, и достаточно характеризующие эту опасность моменты»⁹.

Таким образом, формирование концепта «опасное состояние личности», вызванное реакцией на объективную недостаточность и ограниченность теоретических и нормативных возможностей классической школы уголовного права, создавало два типологических варианта развития отрасли:

1) умеренное, предполагавшее сочетание свойств деяния и свойств личности в определении оснований применения уголовно-правовых мер и дифференциации их видов с законодательными ограничениями свободы судейского усмотрения;

2) радикальное, основанное на идее признания опасного состояния лица основанием применения мер уголовной репрессии с корреспондирующим этой идее расширением пределов усмотрения в определении подлежащих уголовно-правовому воздействию лиц.

Эволюция теории опасного состояния личности в советский период

В исторической ретроспективе стоит заметить, что характеризующаяся крайним плюрализмом мнений и потому неустойчивая теоретическая

ситуация в хронологическом отношении практически совпала с революцией 1917 г. и последовавшими кардинальными преобразованиями российского государства и права. Уже в силу одного этого факта новые, в том числе и радикальные, уголовно-правовые идеи не могли не сказаться на содержании формирующегося советского уголовного права. Не ставя задачей провести детальный анализ его истории, обратим внимание только на одно обстоятельство, нашедшее свое выражение в УК РСФСР 1922 г.¹⁰ и 1926 г.¹¹ и в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г.¹², связанное с официальным признанием теории опасного состояния.

Эти документы не исключали идеи преступления как основания применения мер уголовной ответственности, но гораздо более широко, нежели прежнее законодательство, смотрели на личность виновного как источник дифференциации применяемых в уголовном праве мер. В этом отношении можно утверждать, что теоретической основой первых советских кодифицированных актов стали положения так называемой третьей школы¹³, по сути своей умеренно-позитивистской. Однако наряду с этим в Основных началах и кодексах была прямо закреплена и радикальная концепция опасного состояния личности в ее социологической интерпретации, что ставит под сомнение наличие в них единой методологической платформы и свидетельствует о неустойчивости методологических оснований, вполне, на наш взгляд, объяснимых особенностями исторического момента¹⁴.

Свое выражение радикальная концепция опасного состояния нашла в нескольких нормах. Так, статья 7 УК РСФСР 1922 г. провозглашала, что опасность лица обнаруживалась не только совершением конкретных действий, причиняющих вред, но также и «деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку». Статья 49 Кодекса предписывала применение меры защиты в виде лишения права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет в отношении лиц,

⁹ Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 36.

¹⁰ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹¹ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹² СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 204.

¹³ Гончаров Н. В. Идеи «третьей школы» в уголовном законодательстве и праве России 1917–1926 годов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 3. С. 28.

¹⁴ Как констатируют специальные исследования, «УК РСФСР 1922 г. не рассматривал преступность деяния как единственное основание уголовной ответственности, т.е. на него оказали влияние социологическая

признанных судом социально опасными как «по своей преступной деятельности», так и «по связи с преступной средой данной местности». Аналогичное правило было подтверждено статьей 22 Основных начал 1924 г. «Эта мера, — гласил Закон, — может быть применяема судом по предложению органов прокуратуры к указанной категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, так и в том случае, когда они, будучи привлечены по обвинению в совершении определенного преступления, будут судом оправданы, но признаны социально опасными». Вслед за Основами статья 7 УК РСФСР 1926 г. также признала возможность применения в отношении данной категории лиц мер социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера¹⁵. Дополнением к этим положениям может служить статья 43 УК РСФСР 1926 г., согласно которой предостережение как мера социальной защиты могла применяться судом *лишь при вынесении оправдательного приговора*, если суд усматривает, что поведение оправданного дает основание опасаться совершения им преступления в будущем¹⁶.

В соответствии со всеми этими нормами опасность лица, подтвержденная лишь его социальными связями или предшествовавшей деятельностью (в том числе не преступной), выступала достаточным основанием для применения мер уголовно-правового характера. В законах отсутствовали четко фиксируемые показатели или критерии социальной опасности. Однако, учитывая, что антропологическая школа с ее концептом прирожденного преступника, имеющего внешние атрибуты опасности, в практическом отношении не пользовалась особой популярностью ни в России, ни в мире (к тому же в середине 20-х гг. прошлого века она уже была сильно потеснена представителями социологи-

ческой школы), показатели социальной опасности в доктрине и практике советского права рассматриваемого периода трактовались в духе их социологической интерпретации, причем революционно окрашенной. Такая опасность усматривалась, пожалуй, прежде всего в социальном статусе лица, его классовой принадлежности.

Показательны в этом отношении предписания законодательных актов в части, устанавливающей начала ужесточения и смягчения наказания. Так, Декрет ВЦИК и СНК от 01.06.1921 «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям»¹⁷ устанавливал в качестве «единственного признака, допускающего отступление» от изложенных в нем правил назначения наказания, «социальное происхождение и классовую принадлежность привлекаемых и осужденных лиц, с тем чтобы в отношении лиц пролетарского и полупролетарского происхождения суровость репрессии ослаблялась, в отношении же должностных лиц и представителей спекулятивного мира осуществлялась бы со всей неукоснительностью и последовательностью»¹⁸. Аналогичные положения были воспроизведены в Основных началах уголовного законодательства 1924 г., согласно п. «б» ст. 31 и п. «б» ст. 32 которых при оценке общественной опасности преступления и при определении конкретной меры необходимо учитывать, совершено ли преступление «лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд», либо же «рабочим или трудовым крестьянином»¹⁹.

В этих правовых предписаниях речь идет о наказании за конкретное преступление. Однако в силу общей логики развития революционного права едва ли будет ошибкой распространить такой подход и на оценку опасности лиц, которые, не совершая конкретного деяния,

и антропологическая теории и политическая целесообразность репрессии в отношении классовых врагов». См.: Сулейманов А. А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

¹⁵ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М. : Госюриздат, 1953. С. 117, 122, 257.

¹⁶ Уголовный кодекс РСФСР с изменениями на 15 октября 1935 г. Официальный текст с приложением статейно-систематизированных материалов. М. : Советское законодательство, 1935.

¹⁷ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Уголовное законодательство России: октябрь 1917 — май 1922 года : хрестоматия / авт.-сост. П. А. Филиппов. М. : Проспект, 2024. С. 171.

¹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. С. 205.

представляли опасность для революционного государства «ввиду своей связи с преступной средой». Классовая принадлежность лица в целом ряде случаев могла восприниматься в качестве достаточного основания для применения к нему мер уголовно-правового воздействия²⁰.

У нормативного правила применять меры воздействия в отношении лиц безотносительно к факту совершения преступления, в том числе с учетом их классовой принадлежности, были свои сторонники. Так, Н. А. Черлюнчакевич высоко ценил то положение, что «Кодекс предусматривает ряд мер, могущих обезвредить для общественного организма лиц, находящихся в опасном состоянии и являющихся в силу этого угрозой обществу»²¹. Другой автор (подписавшийся Н. П.) утверждал, что «высылка как мера социальной защиты во имя целесообразности наказания должна применяться или там, где преступное деяние еще не совершено, а преступная и полуправовая деятельность, не укладывающаяся в определенные рамки ст[атей] Уголовного кодекса, налицо, или при наличии у признаваемого опасным, неуловимого на деле гражданина прочной связи и сношений с преступным лицом данной местности, или же как дополнение к юридическому наказанию, не должна применяться к уже отбывшим срок»²². Особую поддержку соответствующие идеи находили у Н. В. Крыленко, занимавшего пост народного комиссара юстиции. Официально объясняя по поручению Наркомюста проект УК РСФСР 1926 г., он писал, что право суда привлекать по обвинению в «социальной опасности» декларируется проектом как «основная линия судебной политики советской власти»²³.

Однако эти радикальные идеи социологической школы уголовного права, получившие

на первых порах популярность, создавали для советских правоведов ловушку, опасность которой нарастала по мере укрепления Советского государства. Склонность к совершению преступления в традициях социологической школы в значительной мере детерминировалась социальной маргинальностью личности, нищетой, алкоголизмом, низким образовательным и культурным уровнем и т.д. Но все эти характеристики в значительной степени были свойственны представителям самого революционного класса — рабочим и крестьянам России первой четверти прошлого столетия. В таких условиях обратить острие уголовной репрессии в адрес господствующего класса было большой политической ошибкой. К тому же преступность как объективное и закономерное явление не исчезла в связи со сменой политического режима и с необходимостью требовала государственной реакции. И, поскольку основной класс людей — пролетариат и крестьянство — был основным «поставщиком» преступников, акцентировать внимание на их социальных характеристиках при разработке и реализации уголовной политики было в принципе невозможно.

Как показывают специальные исследования, уже в Кодексе РСФСР 1926 г. наблюдается ослабление влияния социологической школы при определении оснований уголовной репрессии и характеристике субъекта преступления²⁴.

В 1927 г. из Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик исключаются упомянутые выше п. «б» ст. 31 и п. «б» ст. 32.

В том же 1927 г. законодательно были скорректированы и уточнены представления о ссылке и высылке социально опасных элементов²⁵. Согласно совместному Циркуляру НКВД и Нар-

²⁰ Как доказывают специальные исследования, в первые годы советской власти «репрессивные меры имели нормативное закрепление и применялись как к определенным слоям населения (зажиточным крестьянам, кулакам, буржуазии и др.), так и к отдельным лицам по политическим, социальным, а также идеологическим мотивам». См.: Колотков М. Б. Карательная политика Советского государства в 1917–1922 гг.: законодательство и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12–13.

²¹ Черлюнчакевич Н. А. Об Уголовном кодексе : доклад (IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции, утреннее заседание 27 января) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 5. С. 9.

²² Н. П. О высылке по судебным приговорам лиц, признанных социально опасными // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 12. С. 266–269.

²³ Крыленко Н. Объяснительная записка к проекту Уголовного кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 38–39. С. 1234.

²⁴ Окунева М. О. Субъект преступления в советском уголовном праве. Становление и развитие института в 1917–1941 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 108–111.

²⁵ Нам неизвестны масштабы применения ссылки и высылки в отношении лиц, которым не было предъявлено обвинение в совершении конкретного преступления, или в отношении оправданных лиц. Од-

комюста, «в соответствии со статьей 7 УК РСФСР высылка или ссылка может быть применена судом лишь при непереносимом условии предъявления к лицу обвинения по определенному конкретному преступлению по той или иной статье особенной части УК»; «ни в коем случае не допускается применение высылки и ссылки по ст. 7 и 35 УК за социально опасное состояние без предъявления обвинения по конкретно содеянному преступлению, лишь на основании прошлой преступной деятельности, за которую в свое время уже была применена и отбита совершившим преступление лицом мера социальной защиты, или лишь по связи его с преступной средой».

При этом, однако, за судом оставалось право, если предъявленное обвинение по той или иной статье особенной части уголовного закона будет отвергнуто, «исходя из социальной опасности преступника по связи с преступной средой или по его прошлой деятельности, на основании статьи 7 УК применить меры социальной защиты, предусмотренные статьей 35 УК»²⁶. Позже суды были лишены и этого права. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 12.07.1946 № 8/5/У «О возможности применения наказания лишь к лицам, совершившим определенное преступление», ссылаясь на Закон СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик», категорически провозглашало, что положения уголовного закона о возможности применения ссылки и высылки к лицам, которые хотя и не соверши-

ли преступления, но представляют опасность по своей прошлой деятельности или по своей связи с преступной средой, «должны считаться отпавшими»²⁷.

Такие законодательные новации стали определенным итогом бурной политической дискуссии в отечественной уголовно-правовой науке относительно оценки содержания, возможностей и потенциала социологической школы уголовного права. К началу 30-х гг. прошлого века советская наука решительно от нее дистанцировалась, в том числе и сам Н. В. Крыленко²⁸. Позднее, характеризуя идейную основу первых советских кодексов, Г. В. Швеков даже утверждал (правда, как думается, больше по политическим соображениям, нежели с опорой на факты), что положения социологической школы права советскому законодательству были чужды и влияния на него не оказали²⁹.

Закономерным следствием сложных политико-правовых дебатов стала постепенная кристаллизация мысли о том, что опасное состояние личности безотносительно к факту совершения ею какого-либо деяния не может выступать основанием применения мер уголовной репрессии, а сама репрессия должна быть направлена против строго (или относительно строго) установленного перечня общественно опасных деяний. Введение в Уголовный кодекс теории опасного состояния личности признавалось «противоречащим классовым интересам пролетариата» и, кроме того, «в условиях стремления рабоче-крестьянской власти к уста-

---

нако опубликованные данные свидетельствуют о том, что эти меры социальной защиты в отношении осужденных лиц применялись крайне редко. В 1923–1926 гг. изгнание из пределов Республики применялось только к одному из 10 тыс. осужденных; высылка как дополнительная мера социальной защиты практически не применялась, 97,6 % всех приговоров были вынесены без указания на применение дополнительных мер воздействия к преступникам. См.: Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. М. : Мосполиграф, 1930. С. 54.

²⁶ Инструкция о порядке приведения в исполнение судебных приговоров о высылке и ссылке (утв. 16 сентября 1927 г. Циркуляром НКВД № 346, НКЮ № 171; согл. с Центральным управлением конвойной стражи Союза СССР) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 40. С. 1262–1264.

²⁷ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изм. на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М. : Госюриздат, 1950. С. 169–171.

²⁸ Крыленко Н. В. К критике недавнего прошлого (проект Уголовного кодекса 1930 г.) // Проблемы социалистического права : сборник / I Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР ; под ред. Н. В. Крыленко. М. : Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С. 6–24.

²⁹ Швеков Г. В. Первый советский Уголовный кодекс. М. : Высшая школа, 1970. С. 132, 136, 173.

Интересно заметить, что современные исследователи дают прямо противоположную оценку. В. И. Михайлов пишет: «Теоретической основой УК 1922 г., как и Руководящих начал 1919 г., выступала идея опасного состояния личности как квинтэссенция социологической школы уголовного права». См.: Михайлов В. И. УК РСФСР 1922 г.: вопросы разработки и характеристика теоретической основы и институтов Общей части // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 5. С. 103.

новлению законности — чрезвычайно опасным и вредным для самой идеи законности»³⁰. При обсуждении проекта УК СССР во второй половине 30-х гг. отчетливо звучали тезисы о том, что отражение в законодательстве «учения о преступнике» является ненужным, а попытки построить советское уголовное право на идее отказа от точных составов и беспредельном судебском усмотрении есть не что иное, как происки «врагов народа»³¹. Советское право, резюмировал А. Я. Эстрин, руководствуется диалектическим положением о единстве опасности преступления и опасности преступника³².

Теория опасного состояния личности: современный концепт

Последующее обращение отечественной науки к теории опасного состояния личности и идеям социологической и антропологической школ было исключительно критическим. Причем важно отметить, что критика эта развивалась не столько в русле обсуждения профилактических задач уголовного права и использования его возможностей для устранения реальной и потенциальной опасности существующему правопорядку и общественным отношениям (что в свое время послужило истоком размежевания уголовно-правовых школ), сколько в связке с пониманием основания применения мер уголовно-правового воздействия и соотношением компетенции законодателя и суда в определении этого основания.

Такая исследовательская программа была отчетливо заложена А. Н. Трайниным в работе, посвященной составу преступления. Здесь он выступает уже с решительной критикой опасного состояния личности как основания применения уголовной репрессии, демонстрируя на

примерах развития уголовного законодательства зарубежных стран «связь антропологического и социологического субъективизма с усилением карательной политики», которое находило воплощение в снятии всех ограничивающих репрессию принципов и расширении возможности «классового маневрирования при помощи гибкого судебного аппарата»³³. Такие оценки были подтверждены позднее А. Б. Сахаровым, который указывал на основное предназначение социологических и антропологических теорий — «обосновать отказ от принципов демократии и законности в уголовном праве и оправдать произвол полицейско-судебного аппарата против всех неугодных членов общества»³⁴.

Таким образом, после недолгих и опасных революционных опытов отечественное право окончательно утвердилось в положении о том, что основанием применения мер уголовной ответственности может быть исключительно общественно опасное деяние, но никак не само лицо, его совершившее. Идея опасного состояния в современных представлениях есть «одно из самых реакционных изобретений уголовно-правовой теории», поскольку «замена наказания мерами безопасности на деле означает отрицание основных институтов уголовного права, игнорирование принципа ответственности за вину в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния»³⁵.

Эта принципиальная установка тем не менее не могла всецело вытеснить из уголовного права положения о лице, совершившем преступление. Достигнутый опыт его изучения и объективная значимость для организации эффективного уголовно-правового противодействия преступлениям требовали разработки концептуальных построений, которые позволили

³⁰ Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (к теории опасного состояния) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 8. С. 2.

³¹ Герцензон А. А. Основные принципы и положения проекта Уголовного кодекса СССР : доклад // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 27 января — 3 февраля 1939 г. / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 142, 149.

³² Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Часть Общая. Вып. I : Основы и история уголовного права. М. : Советское законодательство, 1935. С. 119.

³³ Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М. : Юрид. издат. Минюста СССР, 1946. С. 23, 24.

³⁴ Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М. : Юридическая литература, 1961. С. 10.

³⁵ Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. Ч. 1. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 531–532.

бы совместить тезис о преступлении как основании ответственности и учение о преступнике. Такое совмещение протекало в русле обсуждения двух основополагающих проблем:

— во-первых, соотношения состава преступления и лица, совершившего преступление, что требовало решения вопросов о включении или невключении признаков субъекта в разряд признаков состава преступления, включении или невключении признаков, характеризующих опасность лица, в число признаков субъекта преступления;

— во-вторых, соотношения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, что требовало решения вопроса о том, составляют ли меры, ориентированные на преимущественный учет данных о лице, совершившем преступление, часть содержания уголовной ответственности, выступают ли основанием их применения преступление или особенности лица, его совершившего, имеет ли уголовно-правовое воздействие, таким образом, монистический или дуалистический характер.

Эти проблемы отчетливо коррелируют с дискуссиями о составе преступления и о мерах уголовно-правового характера и имеют выраженную хронологическую привязку соответственно к УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. В современных условиях они не только не потеряли своей остроты, но и реактуализируются, приобретая особое значение для обоснования логичной и внутренне непротиворечивой уголовно-правовой доктрины.

Заключение

Подводя итоги исследования вопроса о связи категорий «основание уголовной ответствен-

ности» и «лицо, совершившее преступление», можно сформулировать несколько главных тезисов:

— развитие позитивистского направления в уголовном праве своим прогрессивным следствием имело включение в орбиту теоретических рассуждений и в практику реализации уголовной политики фактических данных о лице, совершившем преступление, что существенным образом скорректировало представления о содержании и направлениях уголовно-правового воздействия, а следом — и базовые представления о мерах уголовно-правового характера и основаниях их применения;

— радикальные попытки обосновать возможность применения мер уголовной ответственности за потенциальную опасность лица, обусловленную его биологическими, психическими, социальными или иными факторами, безотносительно к факту совершения конкретного деяния доказали свою реакционность как противоречащие идее свободы человека и были решительно отвергнуты уголовно-правовой доктриной;

— преступление (общественно опасное деяние) и совершившее его лицо (продемонстрировавшее свою опасность фактом совершения деяния) выступают необходимыми социальными предпосылками организации уголовно-правового воздействия в современном Российском государстве, предполагая дифференциацию оснований и мер такого воздействия;

— основание уголовной ответственности по российскому праву не может быть описано с использованием концепта «лицо, совершившее преступление», в качестве такого основания выступает исключительно деяние, опасность которого в определенных ситуациях может быть установлена лишь с учетом статуса лица, совершающего это деяние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герцензон А. А. Основные принципы и положения проекта Уголовного кодекса СССР : доклад // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 27 января — 3 февраля 1939 г. / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. М., 1940. С. 141–157.

Гончаров Н. В. Идеи «третьей школы» в уголовном законодательстве и праве России 1917–1926 годов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 3. С. 28.

Духовской М. В. Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 4. С. 220–252.

Жижиленко А. А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников. Доклад, представленный VIII съезду Русской группы Международного союза криминалистов. СПб., 1911. 40 с.

- Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 1. С. 50–55.
- Колотков М. Б. Карательная политика Советского государства в 1917–1922 гг.: законодательство и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27 с.
- Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер / под науч. ред. Н. В. Щедрина. Красноярск, 2010. 324 с.
- Крыленко Н. Объяснительная записка к проекту Уголовного кодекса // *Еженедельник советской юстиции*. 1925. № 38–39. С. 1232–1239.
- Крыленко Н. В. К критике недавнего прошлого (проект Уголовного кодекса 1930 г.) // *Проблемы социалистического права : сборник I / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР ; под ред. Н. В. Крыленко*. М., 1937. С. 6–24.
- Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2013. № 4 (10). С. 100–107.
- Люблинский П. И. О действии наказания // *Новые идеи в правоведении : непериодическое издание, выходящее под ред. Л. И. Петражицкого. Сборник первый : Цели наказания (составлен профессором П. И. Люблинским)*. СПб., 1914. С. 1–27.
- Михайлов В. И. УК РСФСР 1922 г.: вопросы разработки и характеристика теоретической основы и институтов Общей части // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28. № 5. С. 100–115.
- Мокринский С. П. Система и методы науки уголовного права. СПб., 1906. 35 с.
- Н. П. О высылке по судебным приговорам лиц, признанных социально опасными // *Еженедельник советской юстиции*. 1923. № 12. С. 266–269.
- Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. Ч. 1. М., 2015. 752 с.
- Окунева М. О. Субъект преступления в советском уголовном праве. Становление и развитие института в 1917–1941 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 272 с.
- Пионтковский А. А. Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР // *Советское право. Журнал Института советского права*. 1923. № 3 (6). С. 12–52.
- Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права / пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. проф. Г. С. Фельдштейна. М., 1912. 161 с.
- Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2014. № 2. С. 10–17.
- Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. 279 с.
- Славин И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (к теории опасного состояния) // *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 8. С. 1–4.
- Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права. М., 1898. 139 с.
- Станкевич В. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // *Новые идеи в правоведении : непериодическое издание, выходящее под ред. Л. И. Петражицкого. Сборник первый : Цели наказания (составлен профессором П. И. Люблинским)*. СПб., 1914. С. 78–135.
- Сулейманов А. А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 22 с.
- Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946. 185 с.
- Черлюнчакевич Н. А. Об Уголовном кодексе : доклад (IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции, утреннее заседание 27 января) // *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 5. С. 9.
- Чубинский М. И. Наука уголовного права и ее составные элементы // *Журнал Министерства юстиции*. 1902. № 7. С. 97–166.
- Швеков Г. В. Первый советский Уголовный кодекс. М., 1970. 207 с.
- Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Часть Общая. Вып. I : Основы и история уголовного права. М., 1935. 151 с.

REFERENCES

- Cherlyunchakevich NA. On the Criminal Code: Report [4th All-Russian Congress of Soviet Justice Figures: Morning session on January 27]. *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. 1922;5:9. (In Russ.).
- Chubinsky MI. The science of criminal law and its constituent elements. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1902;7:97-166. (In Russ.).
- Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of measures. Shchedrin NV, editor. Krasnoyarsk; 2010. (In Russ.).
- Dukhovskoy MV. The tasks of the science of criminal law. Introductory lecture, delivered on October 3, 1872. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*. Yaroslavl; 1873. Book 4. Pp. 220–252. (In Russ.).
- Estrin AYa. Russian criminal law. General Part. Issue I: Fundamentals and history of criminal law. Moscow; 1935. (In Russ.).
- Gertsenzon AA. Basic principles and provisions of the draft Criminal Code of the USSR: A report. Proceedings of the first scientific session of the All-Union Institute of Law, January 27 — February 3, 1939. All-Union Institute of Law of the NKYu USSR. Moscow; 1940. Pp. 141–157. (In Russ.).
- Goncharov NV. The ideas of the «third school» in criminal legislation and Russian Law of 1917–1926. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 2011;3:28. (In Russ.).
- Kadnikov NG. Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 2020;1:50-55. (In Russ.).
- Kolotkov MB. The punitive policy of the Soviet state in 1917–1922: Legislation and practice. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).
- Krylenko N. Explanatory note to the draft Criminal Code. *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. 1925;38-39:1232-1239. (In Russ.).
- Krylenko NV. Towards a critique of the recent past (draft of the Criminal Code of 1930). Problems of Socialist Law. Collection 1. In: Krylenko NV, editor. Vsesoyuzny institut yuridicheskikh nauk NKYu SSSR. Moscow; 1937. P. 6-9. (In Russ.).
- Loba VE. The «recipes» of the fight against crime of the sociological school of criminal law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2013;4(10):100-107. (In Russ.).
- Lyublinsky PI. On the effect of punishment. In: Petrazhitsky LI, editor. New ideas in jurisprudence. A periodical collection. Collection One: The aims of punishment (compiled by Professor Lublinskiy PI). St. Petersburg; 1914. P. 1–13. (In Russ.).
- Mikhailov VI. The Criminal Code of the RSFSR of 1922: Issues of development and characteristics of the theoretical framework and institutions of the General part. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2024;28(5):100-115. (In Russ.).
- Mokrinsky SP. System and methods of criminal law science. St. Petersburg; 1906. (In Russ.).
- N. P. On the expulsion by court sentences of persons recognized as socially dangerous. *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. 1923;12:266-269. (In Russ.).
- Naumov AV. Crime and punishment in the history of Russia. In 2 parts. Part 1. Moscow; 2015. (In Russ.).
- Okuneva MO. The subject of crime in Soviet criminal law. Formation and development of the Institute in 1917–1941. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2019. (In Russ.).
- Piontkovskiy AA. Social protection measures and the Criminal Code of the RSFSR. *Soviet Law. Zhurnal Instituta sovetskogo prava*. 1923;3(6):12-52. (In Russ.).
- Prince A. Protection of society and the transformation of criminal law. Translated from French. E. Markelova. Feldstein GS, editor, foreword. Moscow; 1912. (In Russ.).
- Safronova EV, Loba VE. «Dangerous state of personality» as a criminological category. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]*. 2014;2:10-17. (In Russ.).
- Sakharov AB. On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR. Moscow; 1961. (In Russ.).
- Shvekov GV. The first Soviet Criminal Code. Moscow; 1970. (In Russ.).
- Slavin I. Is criminal unreliability punishable (towards the theory of a dangerousness). *Ezhenedelnik sovetskoy yustitsii*. 1922;8:1-4. (In Russ.).
- Spasovich VD. New directions in the science of criminal law. Moscow; 1898. (In Russ.).

Stankevich V. Combating a dangerousness as the main task of the new criminal law. In: Petrazhitsky LI, editor. New ideas in jurisprudence. A periodical collection. Collection One: The aims of punishment (compiled by Professor Lublinskiy PI). St. Petersburg; 1914. P. 78–135. (In Russ.).

Suleymanov AA. The Criminal Code of the RSFSR of 1922. Conceptual foundations and general characteristics. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2007. (In Russ.).

Traynin AN. The doctrine of the elements of the crime. Moscow; 1946. (In Russ.).

Zhizhilenko AA. Social protection measures for dangerous criminals. Report presented to the 8th Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists. St. Petersburg; 1911. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куфлева Валентина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета
д. 149, Ставропольская ул., г. Краснодар 350040, Российская Федерация
val_swatch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina N. Kufleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
val_swatch@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 24 июля 2025 г.

Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 23.07.2024.

Revised 24.07.2025.

Accepted 15.12.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151

В. К. АндриановМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Триединый законосообразный подход как основа уголовно-правового воздействия

Резюме. Перед современной уголовно-правовой наукой остро стоит проблема поиска нового подхода к научно-методическому обеспечению эффективности уголовной политики. Актуальность этой проблемы обусловлена рядом обстоятельств: с одной стороны, нарастающими недостатками уголовного законодательства (в числе которых избыточная и дублирующая криминализация, разбалансированность санкций, сверхдинамизм и бессистемность изменений, недостатки законодательной техники, внутриотраслевая и межотраслевая несогласованность, излишняя политизированность и активность использования уголовно-правовых средств в решении текущих социальных проблем), а с другой стороны, зачастую умозрительным и формально-юридическим подходом науки к критике и предложениям по совершенствованию уголовного законодательства. В связи с распространенностью законотворческих дефектов необходимы разработка и принятие концепции уголовно-правовой политики, но это не решает проблему качества уголовного закона по существу. Содержательное ее решение, по нашему мнению, заключается в новом для науки и практики триедином законосообразном подходе, включающем в себя законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс, который позволит обеспечить их системность, взаимообусловленность и эффективность. Данный подход имеет не только отраслевое, но и межотраслевое, а также общетеоретическое значение и может служить основой законосообразного правопонимания и законосообразной правовой политики (концепция «право как законосообразность»).

Ключевые слова: закономерности права; теория закономерностей уголовного права; уголовно-правовая политика; качество уголовного закона; триединый законосообразный подход; законосообразное правопонимание

Для цитирования: Андрианов В. К. Триединый законосообразный подход как основа уголовно-правового воздействия. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 134–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151

The Three-Pronged Law-Conforming Approach as the Basis of Criminal Law Enforcement

Vladimir K. Andrianov Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Modern criminal law science faces the acute problem of finding a new approach to scientific and methodological support for the effectiveness of criminal policy. The urgency of this problem is due to a number of circumstances. On the one hand, there are growing shortcomings in criminal legislation, including excessive and duplicative criminalization, imbalance in sanctions, over-dynamism and haphazard changes, shortcomings in legislative technology, intra- and inter-branch inconsistencies, excessive politicization and the active use of criminal law tools in solving current social problems. On the other hand, scholarly criticism and proposals for improving criminal legislation are often characterized by a speculative and formal-legal approach. Given the prevalence of law-making defects, there is a need to develop and adopt a concept of criminal law policy, but this does not fundamentally solve the problem of the quality of the criminal law itself. In our opinion, its meaningful solution lies in a three-pronged law-conforming approach that is new to science and practice, including a law-

© Андрианов В. К., 2026

conforming legal understanding of criminal law, a law-conforming concept and implementation of criminal law policy, and a law-conforming criminal code that will ensure their consistency, interdependence, and effectiveness. This approach holds significance not only within the criminal law field but also has interdisciplinary and general theoretical value, serving as a foundation for law-conforming legal understanding and law-conforming legal policy (the concept of «law as law-conformity»).

Keywords: legal regularities; theory of criminal law regularities; criminal law policy; quality of criminal law; three-pronged law-conforming approach; law-conforming legal understanding

Cite as: Andrianov VK. The Three-Pronged Law-Conforming Approach as the Basis of Criminal Law Enforcement. *Lex russica*. 2026;79(1):134-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.134-151

Введение

В научной литературе высказываются различные мнения о соотношении уголовного права с уголовной политикой с точки зрения того, что первично, что шире, консервативнее, стабильнее, мобильнее и т.д. В частности, Н. А. Лопашенко считает, что «уголовно-правовая политика первична по отношению к уголовному праву», «уголовное право аккумулирует в себе сущность уголовно-правовой политики». Однако в последние десятилетия сложилась ситуация, когда и право, и закон, и политика ощутили свою полную независимость друг от друга и заговорили на разных языках, притом каждый — на непонятном и неизвестном другому. По мнению ученого, принципы уголовного права и являются тем спасительным инструментом, который в состоянии помочь преодолеть указанную беду и проблему¹.

На наш взгляд, взаимодействие уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правовой политики должно строиться на триедином законосообразном подходе², обеспечивающем их системность, взаимообусловленность и эффективность.

Законосообразный подход в уголовно-правовой сфере предполагает следующий цикл: законосообразное понимание уголовного права должно лежать в основе соответствующей концепции уголовно-правовой политики, а законосообразная концепция должна обуславливать такую реализацию ее форм и методов, которая обеспечивает законосообразность уголовного кодекса и практики его применения.

Эта триада включает в себя следующие компоненты³:

— *законосообразное понимание уголовного права* — это парадигма его познания, заклю-

чающаяся в том, чтобы сообразно сущности и сторонам содержания уголовного права, выраженным в системе специальных социальных, экономических, социокультурных, политических и иных закономерностей, влияющих на формирование, действие и развитие уголовного права, обеспечить его социальную и криминологическую обоснованность и адекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, правовую определенность, стабильность и прогнозируемость, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую согласованность, оптимальность законодательной техники, эффективность функционирования и устойчивость развития;

— *законосообразная концепция уголовно-правовой политики* — эта такая доктрина законодательной и правоприменительной деятельности в уголовно-правовой сфере, которая, базируясь на идее познания, учета и активного использования системы закономерностей уголовного права в процессе криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обеспечивает честность, эффективность и предсказуемость государства в обращении с уголовным кодексом, ограничивая законотворческое и правоприменительное своеволие;

— *законосообразная уголовно-правовая политика* — это такая реализация форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность, которая путем познания, учета и активного использования системы закономерностей, детерминирующих и характеризующих содержание и действие уголовного права и законодательства, обеспечивает законосообразность их развития и функционирования;

¹ См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 36–38.

² Категория «законосообразный» здесь и далее используется нами в значении «закономерный, т.е. обусловленный действием и соответствующий требованиям объективных законов и закономерностей».

³ См.: Андрианов В. К. Теория закономерностей уголовного права. М., 2025. С. 43–73.

— *законосообразный уголовный кодекс* — это такой нормативный уголовно-правовой акт, который регламентирует вопросы преступности и наказуемости, а также иные аспекты уголовной ответственности в соответствии с закономерностями, влияющими на содержание, действие и развитие уголовного права, и его специальными, в частности технико-юридическими, закономерностями.

Поскольку закономерности уголовного права детерминируют и реализуются через уголовно-правовую политику, от степени их познания, учета и активного использования в законотворческой и правоприменительной деятельности в процессе осуществления ее методов (криминализации, декриминализации, пенализации, депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности) зависит как законосообразность самой уголовной политики, так и законосообразность содержания, развития и функционирования уголовного права и уголовного закона.

С триединым законосообразным подходом как перспективной моделью взаимосвязи уголовного права, уголовного закона и уголовно-правовой политики согласилось подавляющее большинство опрошенных нами научных сотрудников (81 %)⁴.

Онтологический статус закономерностей в уголовном праве и типы уголовно-политических решений

Главное, о чем надо сказать, характеризуя онтологический статус закономерностей уголовного права, — это то, что они, как всякого рода закономерности, имеют объективный характер и представляют собой такие существенные, необходимые, повторяющиеся и устойчивые связи, которые выражают качественное своеобразие его возникновения, развития, структурного построения и функционирования как самостоятельной правовой отрасли. Объективные закономерности придают уголовному праву социальную и криминологическую обусловленность и правовую определенность. Закономерности играют системообразующую роль, обеспечивая системность уголовного права, т.е. его структурированность и внутреннюю логику, внутритраслевую и межотраслевую юриди-

ческую согласованность, а также встроенность в общественную, политическую и нормативно-регулятивную системы общества.

Закономерности поддерживают устойчивое развитие уголовного права, предполагающее преемственность его различных исторических периодов, накопление уголовно-правовых ценностей и достижений охранительно-предупредительной культуры уголовного права, соблюдение баланса между стабильностью и динамикой уголовного законодательства, уголовно-правовыми традициями и инновациями, планомерность, прогнозируемость развития уголовного права и его адаптивность к актуальным криминальным угрозам и современным тенденциям преступности, а также в целом подстраивание уголовного права под социальную действительность. Закономерности обеспечивают предсказуемость уголовного законодательства и единообразие практики его применения. Существует зависимость устойчивости развития уголовного права от развитости и устойчивости системы его закономерностей, стабильности их влияния на уголовно-правовую политику, степени подчинения объективным закономерностям форм и методов ее реализации, а следовательно, защиты уголовного права от случая и произвола, а также поспешных политических решений.

Такой онтологический статус закономерностей права предопределяет суть субъективного отношения к ним законодателя и правоприменителя и характер последствий их решений. Отношение это может выражаться в изучении, учете и использовании объективных закономерностей общественной жизни и уголовного права при криминализации, пенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности с обеспечением должного уровня социально-криминологической обоснованности и эффективности уголовного законодательства и практики его применения. Или, напротив, в игнорировании или недоучете объективных закономерностей социальной жизни и специальных закономерностей уголовного права, манипулировании ими в процессе реализации уголовной политики, которое вызывает серьезные негативные социальные последствия, такие как необоснованная криминализация, несправедливая пенализация, непоследовательная дифференциация уголовной ответственности.

⁴ Опрошено 50 научно-педагогических работников (20 докторов и 30 кандидатов юридических наук), занимающихся исследованием проблем уголовно-правовой политики, уголовного права и закона.

Онтологический статус закономерностей права дает основание для выделения двух типов уголовно-политических решений: законосообразных и незаконосообразных.

Первые — это такие решения в области реализации уголовной политики о криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, которые обусловлены и согласуются с объективными закономерностями общественной жизни и специальными закономерностями уголовного права.

Вторые — это субъективистские (произвольные, волюнтаристские), т.е. не имеющие реальных предпосылок, решения, пренебрегающие объективными социальными и специальными закономерностями уголовного права в процессе реализации форм и методов уголовно-правовой политики.

Но незаконосообразные решения также неоднородны, среди них можно выделить уголовно-политические акты, воплощающие невольные отклонения от закономерностей развития общества и уголовного права, и решения, сознательно игнорирующие такие закономерности.

Невольные отклонения от закономерностей есть результат непреднамеренных ошибочных решений в уголовной политике, т.е. просчеты, упущения законодателя, которые заключаются, например, в несоответствии объема уголовно-правового запрета содержанию общественно опасного деяния, в несогласованности уголовно-правовых норм между собой и с другими законами, в дублировании составов преступлений.

Сознательное пренебрежение законодателя к объективным закономерностям развития общества и уголовного права, как правило, продиктовано конъюнктурными соображениями, основной фактор принятия таких решений — эгоистические, узко политические властные или лоббистские интересы, а сами решения воплощаются в чрезмерной или недостаточной криминализации и пенализации деяний.

Однако общим для таких решений в области уголовной политики является то, что любые, произвольные и намеренные, отклонения от закономерностей развития общества и самого

уголовного права, какова бы ни была их причина, неизбежно влекут широкий спектр деструктивных социальных последствий и издержек.

Оценка законосообразности современной российской уголовно-правовой политики

Для того чтобы оценить степень познания и учета различных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права в процессе уголовного правотворчества, обратимся к анализу содержания пояснительных записок к законопроектам, ставшим законами в 2013–2024 гг.⁵

Пояснительные записки с точки зрения тех факторов, которые приводятся в них в обоснование необходимости принятия соответствующих законопроектов, можно подразделить на два вида.

Первый — пояснительные записки, где круг факторов, на которые ссылаются авторы соответствующих законопроектов, ограничивается специально-юридическим уровнем содержания уголовного права, смежных и регулятивных отраслей.

В таких пояснительных записках в обоснование изменений уголовного закона говорится: об устранении отдельных недостатков и пробелов в действующих уголовно-правовых нормах (законопроекты № 196666-6, 398894-6, 1050812-7, 1099900-7), о необходимости обеспечения единой системы уголовно-правовой защиты (законопроект № 231311-8), об отсутствии специального состава преступления (законопроект № 392886-6), о недостаточности существующих мер административной ответственности (законопроект № 237666-7), об обязательствах государств-участников принять необходимые меры по криминализации деяний (законопроекты № 151664-6, 42307-8), о согласовании бланкетных норм уголовного законодательства с положениями регулятивного законодательства (законопроекты № 195130-8, 140581-8), об исполнении постановления Конституционного Суда РФ (законопроект № 536-8), а также указов Президента РФ (законопроект № 253939-8).

Второй вид пояснительных записок — те, в которых авторы оперируют факторами, отно-

⁵ В нашем исследовании проведено сплошное изучение пояснительных записок ко всем законопроектам о внесении изменений в УК РФ, ставшим законами за период с 2013 по 2024 г., проанализировано в общей сложности 212 таких документов (URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2025)).

сящимися к социально-политическому и криминологическому уровню содержания уголовного права.

В них в обоснование криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности отмечается, что «такого рода посяательства являются общественно опасными, поскольку нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении многих веков, его нравственные устои, противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность» (законопроект № 142303-6), что, «принимая во внимание сложившуюся внутриполитическую и социальную ситуацию в стране, указанные изменения будут способствовать ее нормализации и недопущению дестабилизации обстановки» (законопроект № 1165661-7). Кроме того, приводятся различные экспертные оценки (законопроекты № 233026-6, 416458-6, 478806-6), статистические данные (законопроекты № 254761-6, 129690-6, 301629-6, 435716-6, 588894-5, 485729-6, 391791-6, 186587-6, 1142948-7, 1157845-7, 41607-8, 388776-7, 130391-8), материалы правоприменительной практики (законопроекты № 276472-6, 509018-6, 1142948-7, 154146-8), анализ причины и условия совершения определенных деяний (законопроект № 352918-6), ссылки на принципы международного права (законопроекты № 403815-6, 197582-5).

Между тем достаточно часто встречаются пояснительные записки, в которых просто излагаются предлагаемые изменения уголовного законодательства как данность, без их обоснования (законопроекты № 173958-6, 337978-6, 291364-6, 428889-6, 359513-6, 105976-6, 347667-6, 464757-7, 103503-8, 130406-8) или которые не соответствуют содержанию законопроекта (законопроекты № 160006-8, 9712-8, 218171-8, 232768-8).

Анализируя оба вида пояснительных записок с точки зрения обоснования предлагаемых ими уголовно-политических актов объективными закономерностями, следует отметить, что имеют место случаи, когда в пояснительных записках правильно обозначаются закономерности криминализации, например указывается, что криминализация нарушений мотивирована их общественной опасностью и степенью негативного влияния, а предлагаемое изменение направлено на приведение уголовно-правовой нормы в соответствие с регулятивным законодательством в определенной сфере, но отсут-

ствует их подробное обоснование (законопроект № 1143531-7).

Среди факторов, лежащих в основе содержания пояснительных записок, к закономерностям можно отнести также данные статистики и правоприменительной практики, которые свидетельствуют об устойчивой тенденции и служат поводом для внесения изменений в Уголовный кодекс. При этом во многих случаях, когда законодатель приводит статистические и эмпирические закономерности, они не анализируются с точки зрения принципов криминализации, правил пенализации и дифференциации уголовной ответственности, а указываются как априорно доказывающие необходимость применения именно методов уголовной политики. Поэтому, по сути, такие пояснительные записки тоже не доказывают действие и влияние закономерностей как существенных и необходимых связей и зависимостей, обуславливающих объективную необходимость и целесообразность того или иного уголовно-политического решения о криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности.

В целом анализ 212 пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам показывает, что только около 30 % из них содержат упоминание определенных закономерностей, как правило имеющих характер статистических и эмпирических данных, при этом используемых вне комплексного и последовательного учета системы закономерностей уголовного права.

Это по-прежнему свидетельствует о том, что изменения российского Уголовного кодекса обуславливаются не действием и познанием объективных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права, а чьей-либо частной или групповой инициативой, под обоснование которой отбираются определенные оценочные, статистические, эмпирические и резонансные факты.

Вместе с тем отсутствие в 70 % пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам доказательств законосообразности их принятия еще не говорит о том, что все инициированные ими законотворческие решения не соответствуют или противоречат объективным социальным и уголовно-правовым закономерностям, а прямо свидетельствует только о недостаточно высоком общем уровне экспертно-аналитического и научного обеспечения уголовного нормотворчества, который в большинстве случаев не позволяет достичь должного обоснования необходимости, целесо-

образности и эффективности криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности на основе системного познания и учета закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права.

Примечательно, что основная часть (78 %) опрошенных в ходе исследования научных сотрудников оценивает информационное и научно-методическое обеспечение реализации уголовно-правовой политики, в первую очередь законотворческой деятельности, как крайне неудовлетворительное.

Более прямыми и конкретными свидетельствами (критериями) несоблюдения, игнорирования, нарушения закономерностей уголовного права выступают, в частности, неоднократное внесение в относительно короткий промежуток времени изменений в одну и ту же норму (например, декриминализация и криминализация клеветы и побоев, понижение и повышение возраста сексуального согласия в составах половых преступлений) или концепцию (например, полный отказ от составов с административной преюдицией и последовательное насыщение ими уголовного закона), создание каких-либо частных уголовно-правовых предписаний в большом количестве (например, специальных норм о мошенничестве и злоупотреблении должностными полномочиями), существенная корректировка или неприменение уголовно-правовой нормы судебной практикой (например, неприменение или отсроченное применение некоторых видов наказаний, наличие «мертвых» норм), явное нарушение внутренней логики уголовного права (например, несопоставимость сравнительной тяжести преступлений и наказаний, непоследовательность использования законодателем квалифицирующих признаков), межотраслевая несогласованность (например, запрещение уголовно-правовыми нормами того, что разрешено регулятивными предписаниями, конкурен-

ция уголовной и административно-деликтной противоправности), устойчивое расхождение законодательной и практической пенализации (например, явное тяготение статистики наказуемости определенных преступлений к нижнему или верхнему пределу соответствующей санкции), непредсказуемость уголовного законотворчества и правоприменения (например, социально-криминологически и специально-юридически необоснованные законодательные инициативы⁶ и решения⁷), вмешательство уголовного права не в свою сферу, смешение предметов правового регулирования разных отраслей (например, регламентация в уголовном законе последствий совершения деяния невменяемым, всё более широкое использование в нем административной преюдиции), а также существенные дефекты законодательной техники уголовного законодательства (например, чрезмерный уровень оценочности признаков и казуистичности формулировок).

Однако, когда решения о криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности не основаны на всестороннем познании и учете закономерностей жизни общества и специальных закономерностей уголовного права, а построены на внесистемном использовании более поверхностных факторов, массовый характер подобных решений создает риск того, что уголовный закон становится социально необусловленным и неадекватным криминальным реалиям, избыточным, пробельным и несогласованным.

На наш взгляд, именно такое недостаточное внимание авторов законопроектов и законодателя к объективным закономерностям, придающим различным методам реализации уголовной политики должный уровень социально-криминологической обоснованности, внутриотраслевой и межотраслевой согласованности, приводит в итоге к тому кризисному положению дел, о котором пишут большинство специалистов⁸.

⁶ Например: законопроект об уголовной ответственности для родственников террористов // URL: <https://www.garant.ru/news/593155/?ysclid=m93w71co4d97876705> (дата обращения: 10.05.2025) ; депутатское предложение о введении в том числе уголовной ответственности для родителей «детей-квadroберов» // URL: <https://ria.ru/20241003/kvadrobery-1976065953.html?ysclid=m93wer3sfd932477724> (дата обращения: 10.05.2025).

⁷ Например, законопроекты № 160006-8 и 9712-8 в окончательном варианте кардинально расходятся по содержанию с тем, что изначально предлагалось и обосновывалось в пояснительных записках к соответствующим законопроектам и на что давал отзыв Верховный Суд РФ.

⁸ См., например: Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica (Русский закон). 2014. № 12. С. 21–32 ; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика

На протяжении многих лет через большинство публикаций, посвященных состоянию современной российской уголовной политики и реформированию Уголовного кодекса, красной нитью проходит вывод об отсутствии необходимой степени их социальной и криминологической обусловленности, последовательности и системности, правовой определенности, стабильности и прогнозируемости.

Верно пишет А. И. Рарог: «Если нет последовательной уголовно-правовой политики, не может быть и хорошего уголовного закона. Непродуманные и научно необоснованные изменения в УК РФ превращают этот закон в противоречивый, несбалансированный, неряшливый нормативный правовой акт»⁹. Причем такие отрицательные оценки звучат со стороны не только отдельных ученых, но и целых сообществ и институтов¹⁰.

С неблагоприятной характеристикой современной российской уголовно-правовой политики согласны 68 % опрошенных в рамках настоящего исследования научных сотрудников.

При этом ученые называют две основные причины такого кризисного состояния российской уголовной политики и уголовного закона: первая — нередко отсутствие должной социальной и криминологической обусловленности и научной обоснованности законодательных решений, вторая — высокая частота и бессистемность изменений, вносимых в УК РФ. Так, Э. Н. Жевлаков, констатируя отсутствие в стране долговременной стратегии уголовно-правовой политики и наличие элементов волюнтаризма в ее осуществлении, приводящие к недостаткам закона и, как следствие, трудностям в практике

его применения, усматривает причину такого положения дел и одновременно точку опоры, способную его изменить, в социальной обусловленности и системной согласованности¹¹.

В обобщенном виде эти причины, на наш взгляд, прямо указывают на то, что реализация уголовной политики и реформирование уголовного законодательства осуществляются без познания, учета и активного использования объективных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права.

Кроме того, отсутствие надлежащего познания, учета и использования системы закономерностей уголовного права как прочного и устойчивого объективного базиса его развития и функционирования, а нередко их подмена сиюминутными, скоротечными, несистемными, популистскими и узко политическими соображениями неизбежно приводит, во-первых, к непредсказуемости уголовного законодательства, которое выражается в объективно не предопределенных и, следовательно, непредвиденных и неожиданных законодательных инициативах и решениях о криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации уголовной ответственности, а во-вторых, к нестабильности уголовного закона. Закономерным следствием такого отношения к законодательской деятельности выступает непредсказуемость и неустойчивость практики применения уголовного закона. Несомненно, что «определенность закона, предсказуемость законодательских и правоприменительных решений составляют одно из фундаментальных качеств права, некий идеал, к которому право должно быть максимально устремленным»¹².

современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59 ; Максимов С. В., Валушков Н. В. Асистемная уголовная политика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49). С. 63–69 ; Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 12. С. 123–136 ; Кочои С. М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (11). С. 96–105.

⁹ См.: Рарог А. И. Состояние российской системы уголовных наказаний // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 1 / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. С. 34 ; Он же. Избранное : сборник статей. М., 2023. С. 248–253.

¹⁰ См.: Третий российский конгресс уголовного права «Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты» // Уголовное право. 2008. № 6. С. 107–110 ; Научные концепции развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. С. 178–192.

¹¹ См.: Жевлаков Э. Н. Принципы уголовного законодательства Российской Федерации и уголовная политика // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. № 1 (1). С. 8–9.

¹² Подробнее о феномене уголовно-правовой непредсказуемости см.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 121–136.

У нас нет сомнений и в том, что единственный путь к достижению этих и других базовых настроек права — законосообразный подход, предполагающий твердое следование общим и специальным объективным закономерностям права путем их системного познания, учета и использования в правотворческой и правоприменительной деятельности.

При этом законосообразный подход не только не исключен, но и не менее важен в условиях сверхскоростной динамики и многообразия современной общественной жизни, необходимости опережающего правового регулирования, включая возможность социального преобразования и прогресса, направления общественных отношений в наиболее благоприятное русло на основе учета закономерностей развития современного общества, проецирования на будущее прошлого и настоящего опыта, концентрированного в социальных и специально-юридических закономерностях. Через познание и творческое использование объективных закономерностей общественного бытия и самого права, выражающих относительную устойчивость, повторяемость и общность процессов прошлого, настоящего и будущего, открывается возможность реального предвидения и прогнозирования последствий правового регулирования новых общественных отношений, в том числе опасных деяний.

Как верно подмечает Д. А. Керимов, в настоящее время российский законодатель впадает в такую крайность, когда менее всего учитывается объективность регулируемых общественных отношений, в результате чего не только воцаряется неразбериха в законодательстве, но и правопорядок уступает место хаосу и произволу¹³.

Таким образом, общая, основная и наиболее глубинная причина названных неблагоприятных черт современной российской уголовной политики заключается в низком уровне ее законосообразности, т.е. явно недостаточной степени детерминированности и предопределенности объективными закономерностями уголовного права законодательных решений.

Следовательно, именно закономерности — это тот объективный фундамент, который дает онтологическое основание признать и гносео-

логическое основание преодолеть кризис российской уголовной политики.

Однако процесс развития уголовной политики, уголовного права и законодательства является сложным, обусловленным как специальными отраслевыми, так и социальными, экономическими, политическими, идеологическими и иными закономерностями, выражающими не только криминологические реалии, но и господствующие властные установки и тенденции управленческой государственной деятельности.

Исходя из многообразия влияющих на уголовную политику закономерностей ее оценка не может быть однозначной и упрощенной.

Если оценивать ее с позиции закономерностей общественного развития и специальных закономерностей уголовного права, то такие характерные для УК РФ черты, как криминализационная избыточность, использование уголовно-правовых инструментов для решения текущих социально-экономических и политических проблем, чрезмерное ограничение уровня свободы в обществе, необоснованное дублирование и наличие «мертвых» уголовно-правовых норм, разбалансированность мер уголовно-правового характера, свидетельствуют о кризисе уголовной политики.

В то же время с позиции политических, идеологических закономерностей государственного управления такие процессы в российской уголовной политике, как последовательное усиление репрессии, планомерное использование уголовного закона для решения задач социального управления и контроля, поддержки морально-идеологического единства общества и защиты стабильности политического режима, оказываются вовсе не случайными, а вполне закономерными и целенаправленно формируемыми, вытекающими из осуществляемой государством внутренней и внешней политики¹⁴. Поэтому если оценивать реализуемый в стране уголовно-политический курс со всеми его негативными и позитивными проявлениями с точки зрения политико-идеологических и государственно-управленческих закономерностей, то получается, что перед нами не «нарушение» и «недоучет» закономерностей, а наоборот — закономерное и со-

¹³ См.: Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. С. 104–106.

¹⁴ Подробнее о теории современной уголовной политики см.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020.

знательное использование уголовного закона в соответствии с государственной волей правящей политической власти¹⁵.

Такая научная оценка позволяет более точно соотнести российскую уголовную политику с теми типами уголовно-политических решений, которые мы выделили в начале параграфа, исходя из онтологического статуса закономерностей права.

На наш взгляд, современная российская уголовная политика представляет собой смешанный тип, сочетающий в себе, во-первых, сознательное использование политико-идеологических закономерностей для уголовно-правового управления и контроля в обществе, а во-вторых, отчасти неосознанную, но зачастую именно сознательную деятельность законодателя, осуществляемую вопреки объективным закономерностям общественного (социального, экономического, социокультурного) развития и специальными закономерностями уголовного права.

Данный вывод разделяет 71 % опрошенных в процессе настоящего исследования научных сотрудников.

О законосообразной концепции уголовно-правовой политики

Учитывая, что отмеченные недостатки уголовной политики носят не единичный, а достаточно масштабный характер и свидетельствуют об отсутствии осознанности или сознательном игнорировании фундаментальных основ развития и функционирования уголовного права, их преодоление требует единого концептуального подхода. В этой связи следует поддержать позицию о необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики, которая позволит упорядочить и оптимизировать ее реализацию. Говоря о содержательном наполнении такой концепции, М. М. Бабаев

и Ю. Е. Пудовочкин указывают, что в ней должны быть отражены фундаментальные аспекты уголовного права, определяющие вектор трансформации и системного развития уголовного законодательства, а не номенклатура пробелов, просчетов, ошибок и конкретных вариантов их устранения¹⁶.

Следует отметить, что мысль о создании и принятии концепции уголовно-правовой политики как официального документа не только высказывается рядом известных ученых, но и поддерживается общественными и государственными структурами (соответствующий проект был подготовлен рабочей группой Общественной палаты РФ; 22 ноября 2021 г. Советом Федерации Федерального Собрания РФ была организована научно-практическая конференция «О проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации»; 8 декабря 2023 г. в Министерстве юстиции РФ обсудили вопросы подготовки концепции уголовно-правовой политики в рамках научной конференции «Формирование уголовно-правовой политики в условиях гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Основные направления совершенствования»), при этом всё еще, несмотря на острую необходимость и отсутствие достаточной политической воли, не продвинулась дальше обсуждения вопроса о целесообразности соответствующей концепции.

Особенно непоследовательной выглядит ситуация, при которой в отсутствие более общих концепций — правовой политики, государственной политики противодействия преступности и уголовно-правовой политики РФ, — разработка и принятие которых позволили бы обеспечить закономерность комплексности, внутреннего единства, органической взаимосвязи и гармоничного взаимодействия их частей и направлений, форм и методов, принимается концепция по ее отдельным направлениям и ведется фрагментарное и бессистемное лавинообразное уголовное нор-

¹⁵ Об ошибках и просчетах, конфликтных и кризисных ситуациях, наносящих ущерб людям, обществу и природе, как последствиях неправильного и слабого использования объективных закономерностей и их игнорирования в угоду достижению политических целей говорит также Ю. А. Тихомиров. По его мнению, становится очевидной необходимость не поверхностного, а более глубокого отражения объективных закономерностей в государственно-правовых решениях и действиях. Разные виды закономерностей должны в равной мере использоваться в юридической науке и практике, хотя в настоящее время явно преобладают политические интересы, решения и действия правящих элит, партий и иных группировок (см.: Тихомиров Ю. А. Законы общества и окружающего мира : монография. М., 2023. С. 42, 52).

¹⁶ См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3. С. 3–16.

мотворчество. Так, распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р¹⁷ была утверждена Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Концепция уголовно-правовой политики должна представлять собой систему положений о сущности, основных направлениях развития и критериях эффективности законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере уголовно-правового противодействия преступности. Представляется, что идея познания, учета и использования объективных закономерностей развития общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права, исходя из их онтологического статуса, должна иметь ключевое значение в концепции уголовно-правовой политики при определении ее целей и задач, основных направлений, условий и критериев эффективности, оснований изменения уголовного законодательства, т.е. стать базовой идеей, блокирующей внесение в Уголовный кодекс произвольных изменений, обеспечивающей его социально-криминологическую обусловленность, правовую определенность и стабильность, а также предсказуемость законодательной и правоприменительной уголовной политики. Характер закономерностей как существенных, необходимых и устойчивых связей и зависимостей позволит не только подвести под реализацию уголовной политики и реформирование уголовного законодательства прочный объективный фундамент, но и преодолеть извечные научные споры о специфике, целях и объемах уголовно-правового воздействия, допускающие не меньше субъективизма, чем упрекаемая в произвольности законодательная деятельность. Объективные закономерности общественной жизни и специальные закономерности уголовного права задают наиболее надежные ориентиры и критерии в законодательной и правоприменительной деятельности, обеспечивают адекватное отраже-

ние в уголовном законодательстве социально-экономических и криминологических реалий, т.е. честность уголовно-правовой политики.

Как указал Конституционный Суд РФ, «требования к нормам, устанавливающим уголовную ответственность, должны быть особенно высоки, что предопределяет повышенный стандарт обеспечения определенности правового регулирования»¹⁸, в том числе его правовой стабильности и предсказуемости. А следовательно, достижение такого высокого стандарта требует законосообразного подхода к реализации форм и методов уголовно-правовой политики, их соответствия требованиям объективных закономерностей. Стремление к законосообразности должно составлять непреложное требование уголовно-правового законотворчества.

М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин верно отмечают, что разработка и реализация уголовной политики на основе истинной информации о криминальных угрозах и социальных последствиях уголовно-правового запрета, раскрытие информации, обосновывающей криминализацию либо конструирование мер уголовно-правового воздействия, должны стать ведущими требованиями к государственной деятельности¹⁹. Объективное, а не произвольное соблюдение этих требований невозможно без познания, учета и использования системы закономерностей, лежащих в основе уголовного права.

В общетеоретическом плане доказано, что от глубины познания и степени учета объективных закономерностей в содержании правовых актов напрямую зависит эффективность их реализации: она тем выше, чем сильнее законодатель опирается на закономерности²⁰.

Правовая политика как разновидность государственной и общей политики должна быть законосообразной, т.е. основываться на познании, сознательном учете и эффективном использовании системы общих и специальных закономерностей права, включающей в

¹⁷ СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 76.

¹⁸ См.: определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 1374-О о прекращении производства по делу о проверке конституционности п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики.

²⁰ См., в частности: Толстик В. А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.) : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 70–88.

себя закономерности общественного и государственного развития. Требование законосообразности, на наш взгляд, имеет *сверх-, над-*принципиальное значение, так как принципы правовой политики (социальной обусловленности, реалистичности и научной обоснованности, комплексности, устойчивости и предсказуемости, справедливости и гуманности, баланса интересов государства и личности, соответствия международным стандартам) пронизаны закономерностями и предполагают их познание, учет и использование в правотворческой и правоприменительной деятельности. Стоит согласиться с Н. В. Витруком в том, что научное познание закономерностей — это теоретический фундамент эффективной законотворческой и правоприменительной практики, в то время как их недостаточно глубокое познание, а подчас игнорирование социальных и государственно-правовых закономерностей с неизбежностью приводит к замедлению темпов общественного развития, к низкой политической эффективности и нерациональным социальным издержкам²¹.

Следует также подчеркнуть, что изучение, учет и использование закономерностей права — необходимое и основополагающее условие не только научно-методического обеспечения эффективности правовой политики, но и ее реализации в направлении развития демократического правового социального государства, так как недемократические режимы стремятся игнорировать закономерности.

Это в полной мере относится и к уголовной политике, предназначение которой заключается в охране наиболее важных личных благ и социальных интересов от преступных посягательств, поэтому соответствующее объективным потребностям и эффективное осуществление этого направления государственной деятельности предполагает изучение закономерностей в явлениях преступности и мерах противодействия ей.

Не будет преувеличением сказать, что уголовно-правовая политика, особенно в силу своей запретительно-карательной природы, должна быть застрахована от произвольного и непредсказуемого подхода к ее осуществле-

нию. Как известно, даже правильное обращение с уголовным законом и мерами уголовно-правового воздействия неизбежно сопряжено с негативными последствиями, когда же уголовно-правовая политика игнорирует закономерности общественной жизни и уголовного права, ее издержки кратно возрастают. На наш взгляд, законосообразный подход — это единственная возможность, не впадая в крайние и утопические рассуждения об отмене уголовного закона, несовместимого с правами человека и граждан²², уменьшить негативные последствия его существования и действия²³, сократить вред от наказания²⁴.

Таким образом, общенаучное значение закономерностей как основы объективно обусловленной, целесообразной и эффективной практической деятельности человека, позволяющей ему, руководствуясь требованиями объективных закономерностей, оптимально регулировать общественные отношения и рационально управлять социальными процессами, предопределяет их исходное значение в разработке и реализации концепции уголовно-правовой политики. Это дает философское основание судить о законосообразности, т.е. соответствии уголовной политики, форм и методов ее реализации объективным закономерностям развития общества и специальным закономерностям уголовного права.

Реализация законосообразного подхода в уголовно-правовой политике

Реализация законосообразного подхода, позволяющего анализировать, учитывать и воплощать закономерности в процессе осуществления уголовной политики, требует построения механизма действия, использования и обеспечения закономерностей уголовного права.

Механизм действия раскрывает то, как объективно реализуются закономерности в уголовном праве, механизм использования определяет законосообразное субъективное отношение к ним законодателя и правоприменителя, а механизм обеспечения описывает правовые средства гарантирования реализации законо-

²¹ См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 33.

²² См.: Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4. Aufl. Berlin : Duncker & Humblot, 1988. P. 3.

²³ См.: Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 1 : Криминология. М., 2014. С. 66.

²⁴ См.: Гилинский Я. И. Преступность: что это? кто виноват? что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 11.

мерностей уголовного права и устранения их нарушений.

Механизм действия закономерностей в уголовном праве — это комплекс социально-правовых факторов, детерминирующих и опосредующих реализацию форм и методов уголовной политики, включающий в себя, с одной стороны, социально-экономические и политические условия жизни общества, актуальные криминальные угрозы и тенденции в развитии преступности, объективные потребности в охране социальных ценностей от преступных посягательств, в справедливом разрешении преступного конфликта и социальной реинтеграции лиц, в него вовлеченных, — как детерминирующие факторы, а с другой стороны, уголовно-правовые средства, приемы и правила — как факторы, опосредующие криминализацию и декриминализацию, пенализацию и депенализацию, дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности.

Механизм использования закономерностей в уголовном праве — это законосообразное осуществление процессов уголовного нормотворчества и правоприменения на основе соблюдения комплекса научно обоснованных положений, определяющих условия и основания, средства и приемы, принципы и правила анализа, учета и реализации закономерностей.

Механизм обеспечения закономерностей в уголовном праве — это комплекс общих и специальных правовых средств, которые поддерживают механизмы действия и использования закономерностей уголовного права, а в случае их возможного нарушения, игнорирования и недоучета позволяют устранить или исправить незаконнообразное уголовно-политическое решение.

Для обеспечения законосообразного подхода к реализации уголовной политики считаем необходимым:

а) принять федеральный закон РФ «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и закрепить в нем общее требование

к обоснованию законосообразности нормотворчества, предполагающего познание, учет, использование и изложение в пояснительных записках к проектам нормативных юридических актов информации о социальных и специально-юридических закономерностях, детерминирующих введение, изменение или отмену правовых норм;

б) установить в Федеральном законе от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»²⁵ специальное требование обоснования законосообразности уголовного нормотворчества в виде обязательного указания в пояснительных записках к проектам федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ информации о познании, учете и использовании соответствующих закономерностей уголовного права, выражающих социально-криминологическую обусловленность и специально-юридическую обоснованность их содержания²⁶;

в) разработать и принять концепцию уголовно-правовой политики РФ как специальный политико-правовой документ, который отражает законосообразный подход в качестве базовой идеи, определяющей социальное предназначение и содержание, обуславливающей адекватную меру и эффективную модель уголовно-правового воздействия в обществе.

По сути, наука и концепция уголовной политики, разрабатываемые учеными принципы, правила и средства реализации ее отдельных форм и методов — это в конечном счете попытка оптимизировать процесс познания, учета и активного использования объективных закономерностей общественного развития и специальных закономерностей уголовного права при криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Несмотря на значимость активно-творческого, интеллектуально-созидательного и индивидуального подходов к реализации уголовной

²⁵ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

²⁶ В этой связи предлагается Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» дополнить статьей 9 следующего содержания: «В пояснительных записках к проектам федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации обосновывается их соответствие требованиям объективных закономерностей уголовного права. В связи с этим исходя из содержания вносимых изменений указывается информация: об их адекватности актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, о невозможности обеспечения достаточной охраны личности, общества и государства от конкретного вида общественно опасных посягательств иными, более мягкими мерами, о соответствии положениям Конституции Рос-

политики, убеждены, что во главу угла должна быть поставлена идея о закономерном развитии и устройстве уголовного права, о том, что уголовное законодательство зиждется не на фантазиях акторов уголовной политики, а на объективных закономерностях общественной жизни и специальных закономерностях самого уголовного права. Особенно остро проблема познания и учета закономерностей стоит в сфере криминализации и пенализации²⁷.

Поэтому предлагаемый нами законосообразный подход, выражая органическое единство объективного и субъективного в праве, вовсе не посягает на конституционно-правовую независимость законодательной власти и деятельности, не ограничивает исключительную компетенцию парламента по определению содержания уголовного законодательства, а призван обеспечить правовую определенность, стабильность и предсказуемость, социальную и криминологическую обусловленность и эффективность уголовного законотворчества²⁸, сдержать произвольное и немотивированное нормотворчество на основе познания, учета и

использования системы закономерностей уголовного права.

При этом законосообразный подход не означает неизбежного фатализма, не является механически зеркальным, пассивным отражением и копированием объективно существующей действительности, но и не исключает влияния идеологии на содержание уголовного права и уголовной политики, а также собственно уголовно-правовой идеологии.

В социологии доказано, что эффективное функционирование и развитие общества и государственное управление им невозможны без идеологии, одобряемой и поддерживаемой большинством его членов. В частности, наличие ясной и понятной общей идеологической основы уголовно-правового воздействия и внутреннее согласие с ней абсолютного большинства — важнейшая закономерность его результативности. Как верно отмечают М. В. Бавсун и В. В. Векленко, «в случае возникающего дисбаланса между общественным правосознанием и теми концептуальными основами, которые начинают доминировать в нормах уголовного

сийской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, согласованности с действующими нормами уголовного, регулятивного и административно-деликтного законодательства, о соответствии объема уголовно-правового запрета и строгости (видов и размеров) наказания характеру и степени общественной опасности деяния, о правовой определенности признаков преступного поведения, сбалансированности карательных и восстановительных уголовно-правовых средств и санкций, о целесообразности выделения специальных из общих уголовно-правовых норм».

²⁷ См.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 342.

²⁸ Такого рода требования к законотворческой деятельности и конституционной ответственности депутатов предъявляются в решениях Конституционного Суда РФ, см., например: постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламязян» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4 ; постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5 ; постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2 ; постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7154 ; постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // СЗ РФ. 2022. № 51. Ст. 9343 ; определение Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 № 1031-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности пункта 3 статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision687178.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

закона, неизбежно снижается эффективность их реализации»²⁹.

Исходя из этой идеологической закономерности, ряд ученых критикуют современную уголовную политику и уголовный закон за разрозненность, нестабильность и противоречивость идей, составляющих их основу, их несоответствие ценностям нормального функционирования и эволюционного развития общества, считая актуальной задачей определение концептуальных идей об уголовном праве и его будущем³⁰.

Что особенно актуально, «в период трансформации, идейного плюрализма и ценностного релятивизма, когда в пространстве идеологического поля нет прочно устоявшихся взглядов и широкого консенсуса, первоочередное значение приобретает система ценностных ориентиров социальной группы, которой принадлежит политическая власть»³¹.

Осознавая, что уголовное право и уголовная политика должны основываться на более общих идеях, отражающих стратегию социального, государственного и правового развития, ученые затрудняются сказать что-то определенное по поводу содержания такой идеологической платформы либо сводят ее к одной или нескольким отдельным идеям (в частности, справедливости, гуманизации, компромисса, возмездия, устрашения, исправления, обеспечения безопасности общества) или предлагают на роль таких центральных идеологем задачи и принципы уголовного права³².

Так, В. В. Антонченко, говоря о том, что «способность/неспособность формирования оптимальной уголовной политики связана с объективной (курсив наш. — А. В.) возможностью/невозможностью обеспечения безопасности и благополучия общества», считает ценностный подход в праве основным методом достижения рационализации и эффективности уголовно-

правовой политики³³. Несмотря на важность аксиологического подхода как такового, оперирующего понятиями о справедливости, равенстве и гуманизме, полагаем, что он не может быть основным и страхующим от произвольного обращения государства с уголовным законом в силу неустойчивости ценностно-идеологического каркаса уголовной политики. Даже за относительно короткий период (с 1997 по 2009 г.) уголовно-правовой истории он кардинально сменился с либеральной модели уголовной политики, признающей приоритет охраны прав и свобод человека как высшей ценности, на достаточно репрессивную ее модель, основанную на консервативных патриархальных ценностях и первоочередной защите государственных и общественных интересов. Поэтому строить эффективную модель уголовной политики на столь зыбкой почве, какой является идеологическая основа, — это значит не опять, а снова ставить в зависимость от субъективных предпочтений правящей элиты то ее смягчение, то ужесточение.

На наш взгляд, идеология уголовно-правового воздействия должна базироваться на триедином законосообразном подходе, который предполагает в качестве основной идею соответствия уголовного права, уголовного кодекса и уголовной политики объективным закономерностям общественной жизни и специальным закономерностям уголовного права, исключая правотворческое и правоприменительное своеволие.

Заключение

1. Онтологическое значение закономерностей в уголовном праве как существенных, объективных, необходимых, устойчивых внутрисистемных и межсистемных связей заключается в том, что

²⁹ См.: Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 136.

³⁰ См.: Пудовочкин Ю. Е., Бавсун М. В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 181–189.

³¹ См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1. С. 110–125.

³² См.: Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 76.

³³ См.: Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1. С. 131–140; Он же. Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 91–106.

они обеспечивают социальную и криминологическую обусловленность уголовно-правовых норм, адекватность уголовного права актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, межотраслевую и внутриотраслевую юридическую согласованность, системность, правовую определенность, стабильность и предсказуемость, оптимальность технико-юридического выражения и изложения уголовно-правового содержания, его конструктивного построения, эффективность функционирования и устойчивость развития уголовного закона.

2. Онтологический статус закономерностей уголовного права предопределяет суть субъективного отношения к ним законодателя и правоприменителя, что дает основание для выделения двух типов уголовно-политических решений:

а) законосообразные — это такие акты криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, которые принимаются на основе изучения, учета и использования системы закономерностей уголовного права;

б) незаконсообразные — это субъективистские (произвольные, волюнтаристские), т.е. не имеющие реальных (объективных) предпосылок, решения в области уголовной политики, пренебрегающие системным изучением, учетом и использованием закономерностей, характеризующих и влияющих на социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, влекущие широкий спектр деструктивных социальных последствий и издержек.

Неоднородность незаконсообразных решений позволяет выделить уголовно-политические акты, воплощающие невольные отклонения от закономерностей уголовного права (непреднамеренные ошибочные решения в уголовно-правовой политике, просчеты и упущения в законодательной и правоприменительной деятельности), и решения, намеренно игнорирующие такие закономерности (продиктованные лоббистскими интересами и конъюнктурными соображениями).

3. Оценка уровня отражения закономерностей уголовного права в современной российской уголовно-правовой политике с количественной (т.е. степени познания и учета закономерностей) и качественной (т.е. видов используемых закономерностей) точек зрения свидетельствует:

а) о хроническом игнорировании законодателем закономерностей уголовного права в процессе уголовного нормотворчества (только в 30 % пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам упоминается об отдельных закономерностях);

б) доминантном влиянии на законотворческий процесс политико-идеологических, государственно-управленческих закономерностей и пренебрежении другими видами закономерностей.

4. Взаимодействие уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правовой политики должно быть основано на триедином законосообразном подходе, включающем в себя законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс, обеспечивающий их системность, взаимообусловленность и эффективность.

Законосообразный подход в уголовно-правовой сфере предполагает последовательное развертывание и воплощение следующих взаимосвязей: законосообразное понимание уголовного права должно лежать в основе соответствующей концепции уголовно-правовой политики, а законосообразная концепция — обуславливать такую реализацию форм и методов уголовно-правовой политики, которая обеспечивает законосообразность уголовного кодекса и практики его применения.

Нарушение триединого законосообразного подхода, состоящее в игнорировании и недоучете, выборочном и манипулятивном использовании, пренебрежении одними в угоду другим видов закономерностей, влияющих на содержание, действие и развитие уголовного права, неизбежно влечет за собой общие для всей триады негативные последствия (социально-криминологическую необоснованность уголовного законодательства и его неадекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям преступности, правовую неопределенность, бессистемность и нестабильность, непредсказуемость уголовного законодательства и практики его применения, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую несогласованность и неэффективность).

Реализация триединого законосообразного подхода включает в себя механизмы действия, использования и обеспечения системы закономерностей в уголовном праве. Механизм действия раскрывает то, как объективно реа-

лизуются закономерности в уголовном праве, механизм использования определяет законосообразное субъективное отношение к ним законодателя и правоприменителя, а механизм

обеспечения описывает правовые средства гарантирования реализации закономерностей уголовного права и устранения их нарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрианов В. К. Теория закономерностей уголовного права. М., 2025. 352 с.
- Антонченко В. В. Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 91–106.
- Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 12. С. 123–136.
- Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1. С. 131–140.
- Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3. С. 3–16.
- Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020. 208 с.
- Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 131–138.
- Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 447 с.
- Гилинский Я. И. Преступность: что это? кто виноват? что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 6–13.
- Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica (Русский закон). 2014. № 12. С. 21–32.
- Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 1 : Криминология. М., 2014. 1166 с.
- Жевлаков Э. Н. Принципы уголовного законодательства Российской Федерации и уголовная политика // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. № 1 (1). С. 8–9.
- Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. 521 с.
- Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 75–79.
- Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. 347 с.
- Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46–59.
- Кочои С. М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (11). С. 96–105.
- Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 579 с.
- Максимов С. В., Валуйсков Н. В. Асистемная уголовная политика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49). С. 63–69.
- Научные концепции развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. 536 с.
- Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 121–136.
- Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1. С. 110–125.
- Пудовочкин Ю. Е., Бавсун М. В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 181–189.
- Рарог А. И. Избранное : сборник статей. М., 2023. 926 с.
- Рарог А. И. Состояние российской системы уголовных наказаний // Современные проблемы уголовной политики : материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 1 / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. С. 33–39.
- Тихомиров Ю. А. Законы общества и окружающего мира : монография. М., 2023. 152 с.

Толстик В. А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.) : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Т. 1. Н. Новгород, 2013. С. 70–88.

Третий российский конгресс уголовного права «Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты» // Уголовное право. 2008. № 6. С. 107–110.

Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4. Aufl. Berlin : Duncker & Humblot, 1988. 931 S.

REFERENCES

- Andrianov VK. The theory of consistency of criminal law. Moscow; 2025. (In Russ.).
- Antonchenko VV. Axiology of criminal law as a method of rational criminalization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):91-106. (In Russ.).
- Antonchenko VV. Criminal policy crisis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):123-136. (In Russ.).
- Antonchenko VV. Optimal criminal policy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):131-140. (In Russ.).
- Babaev MM, Pudovochkin YuE. On the need to develop and adopt a concept for the development of criminal law policy. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2022;3:3-16. (In Russ.).
- Babaev MM, Pudovochkin YuE. Russian criminal policy in the 21st century. Moscow; 2013. (In Russ.).
- Bavsun MV, Veklenko VV. Ideological foundations of criminal law influence. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2013;5:131-138. (In Russ.).
- Gilinsky Yal. Crime: What is it? Who is to blame? What to do? *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]*. 2019;1(35):6-13. (In Russ.).
- Golik YuV, Korobeev AI. Russian criminal law reform: to be or not to be? *Lex russica*. 2014;12:21-32. (In Russ.).
- Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4. Aufl. Berlin: Duncker&Humblot; 1988.
- Kerimov DA. Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law. Moscow; 2008. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, editors. Scientific concepts of the development of Russian legislation: A monograph. 7th ed., rev. and suppl. Moscow; 2015. (In Russ.).
- Kobzeva EV. Ideological and legal boundaries of the Russian criminal law: The need to identify and comply with them. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*. 2014;5(100):75-79. (In Russ.).
- Kochoi SM. Criminal code of the Russian Federation: A new stage of hasty changes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(11):96-105. (In Russ.).
- Korobeev AI. Criminal law policy of modern Russia: problems of penalization and depenalization. *Zakon*. 2015;8:46-59. (In Russ.).
- Korobeev AI. Criminal law policy of Russia: From genesis to crisis. Moscow; 2019. (In Russ.).
- Lopashenko NA. Criminal Policy. Moscow; 2009. (In Russ.).
- Maksimov SV, Valuyskov NV. Systemless criminal policy. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 2018;2(49):63-69. (In Russ.).
- Pudovochkin YuE, Babaev MM. Modern rule-making as the basis for the formation of a new theory of criminalization. *Lex russica*. 2023;76(1):110-125. (In Russ.).
- Pudovochkin YuE, Babaev MM. Unpredictability in the sphere of creation and application of criminal law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2025;29(2):121-136. (In Russ.).
- Pudovochkin YuE, Bavsun MV. Postmodern ideas and criminal law impact: Towards a problem statement. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2018;1(41):181-189. (In Russ.).
- Rarog AI. Selected works: Collection of papers. Moscow; 2023. (In Russ.).
- Rarog AI. The state of the Russian system of criminal penalties. In: Ilyashenko AN, editor. Modern problems of criminal policy. Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference. Vol. 1. Krasnodar; 2012. (In Russ.). Pp. 33–39.
- The Third Russian Congress of Criminal Law «Countering crime: Criminal law, criminological and penal aspects». *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2008;6:107-110. (In Russ.).
- Tikhomirov YuA. The laws of society and the surrounding world: A monograph. Moscow; 2023. (In Russ.).

Tolstik VA. Patterns of effective public administration. In: Tolstik VA, editor. State-legal patterns: Theory, practice, technique. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (N. Novgorod, May 23–24, 2013); in 2 volumes. Vol. 1. N. Novgorod; 2013. (In Russ.). Pp. 70–88.

Vitruk NV. The general theory of the legal status of the individual. Moscow; 2002. (In Russ.).

Zhalinsky AE. Selected Works. Vol. 1. Moscow; 2014. (In Russ.).

Zhevlakov EN. Principles of the criminal legislation of the Russian Federation and criminal policy. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury RF [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation]*. 2007;1(1):8-9. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрианов Владимир Константинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vkandrianov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir K. Andrianov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vkandrianov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 19 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 5 июня 2025 г.

Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 19.05.2024.

Revised 05.06.2025.

Accepted 15.12.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

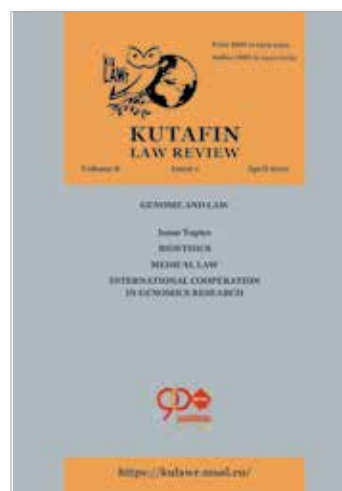
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008